

ISSN 1993-3959

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

ИИМ

2/2022

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78825

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук (ред. 22.10.2021 г.) по историческим наукам, по научным специальностям: 07.00.02 —
Отечественная история, 07.00.03 — Всеобщая история (соответствующего периода)*

2022**Ежеквартальное издание****№ 2**

Основан в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, доцент **В. Л. Черноперов** (*главный редактор*)

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**

(*заместитель главного редактора*)

доктор исторических наук, профессор **Г. А. Будник**

доктор исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**

доктор исторических наук, профессор **И. К. Лапшина**

кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

(*ответственный секретарь*)

Международная редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **Г. В. Корзенко**,

Институт истории Национальной академии наук Беларуси (Минск)

доктор исторических наук, профессор **Р. А. Михнева**,

Варненский свободный университет «Черноризец Храбър», Болгария (Варна)

главный редактор «Русского альманаха» **З. Паункович**, Сербия (Белград)

доктор исторических наук, профессор **Р. Юрковский**,

Варминско-Мазурский университет, Польша (Ольштын)

*Издается НОЦ «Интеллигенция и интеллектуалы в мировой и отечественной истории
и политике» при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

Электронная копия журнала размещена на сайтах

www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com

Подписной индекс

в каталоге «Пресса России»

41533

© НОЦ «Интеллигенция и интеллектуалы
в мировой и отечественной истории
и политике» при ИвГУ, 2022

© ФГБОУ ВО «Ивановский государственный
университет», 2022

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(Registry entry ПИ № ФС 77-78825 on 30.07.2020)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 22.10.2021 г.)
on historical sciences, on scientific specialties: 07.00.02 — National history,
07.00.03 — General history (the corresponding period)*

2022

Quarterly

№ 2

Founded in 2001

by the Council “Intelligentsia. Culture. Power” of the Russian Federation

Founded by Ivanovo State University

Editorial Board:

- Assoc. Prof. **Vasiliy Chernoperov**, Dr. of Sc. (History) (*Editor-in-Chief*)
Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of Sc. (History) (*Deputy Editor-in-Chief*)
Prof. **Galina Budnik**, Dr. of Sc. (History)
Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Dr. of Sc. (History)
Prof. **Irina Lapshina**, Dr. of Sc. (History)
Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)
Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

International Editorial Board:

- Prof. **Georgy Korzenko**, Dr. of Sc. (History),
Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk)
Prof. **Rumyana Mikhneva**, Dr. of Sc. (History),
Varna Free University “Chernorizets Khrabar”, Bulgaria (Varna)
Zorislav Paunkovic, Editor-in-Chief of the “Russian almanac”, Serbia (Belgrade)
Prof. **Roman Jurkowski**, Dr. of Sc. (History),
University of Warmia and Mazury, Poland (Olsztyn)

*Edited by the Scientific and Educational Center “Intelligentsia and Intellectuals
in World and National History and Politics” of Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com*

Subscription index
in the “Press of RF” catalogue
41533

© Scientific and Educational Center
“Intelligentsia and Intellectuals in World
and National History and Politics”
of Ivanovo State University, 2022
© Ivanovo State University, 2022

Редакционный совет:

- Ю. М. Воронов** Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- О. В. Золотарев** Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
- И. В. Кондаков** Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
- Г. Н. Кочешков** Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
- И. В. Купцова** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- В. А. Мансуров** Институт социологии РАН (Москва)
- И. И. Осинский** Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)
- С. Н. Полторак** Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
- Д. И. Польшвинный** Ивановский государственный университет
- В. А. Порозов** Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
- Е. М. Раскатова** Ивановский государственный университет
- А. В. Репников** Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (Москва)
- В. Г. Рыженко** Омский государственный университет
- И. В. Сибиряков** Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)
- Г. С. Смирнов** Ивановский государственный университет
- Ф. Х. Соколова** Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
- А. А. Соловьев** Костромской государственный университет

Editorial Council:

Yu. M. Voronov	Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
O. V. Zolotarev	Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
G. N. Kocheshkov	Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
I. V. Kondakov	Russian State Humanitarian University (Moscow)
I. V. Kuptsova	Lomonosov Moscow State University
V. A. Mansurov	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
I. I. Osinsky	Buryat State University (Ulan-Ude)
S. N. Poltorak	Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications
D. I. Polyvyanny	Ivanovo State University
V. A. Porozov	Perm State Humanitarian Pedagogical University
E. M. Raskatova	Ivanovo State University
A. V. Repnikov	All-Russian Scientific and Research Institute for Records and Archives Management (Moscow)
V. G. Ryzhenko	Omsk State University
I. V. Sibiriyakov	South Ural State University (Chelyabinsk)
G. S. Smirnov	Ivanovo State University
F. Kh. Sokolova	Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
A. A. Soloviev	Kostroma State University

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Золотарев О. В.* Материальное положение советской интеллигенции (конец 1920-х — начало 1950-х гг.) 9

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

- Балдин К. Е.* Интеллигенция в провинциальном городе: деятельность Иваново-Вознесенского отделения Императорского Русского технического общества в конце XIX — начале XX в. 27

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Волкова Е. С.* Взаимодействие общества и власти в России в 1990—2000-х гг. в зеркале дальневосточной художественной литературы 52

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Ованесян С. Г.* У истоков создания оперы «Алмаст» 78
- Климович Л. В.* Жизненный путь и общественная деятельность российского эмигранта К. Д. Померанцева ... 103

ДЕБЮТ

- Трофимов И. А.** Служащие канцелярии попечителя Санкт-Петербургского учебного округа в период правления Александра III: опыт просопографического исследования.. 123

ДИСКУССИЯ

- Смирнов Г. С.** Миниатюры всечеловеческого: дистантные разговоры с магистрантами (размышления над книгой академика А. В. Смирнова «Всечеловеческое vs. общечеловеческое») 139

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

- Смирнов Д. А.** Освальд Шпенглер и его идеи в политических образах и научных концепциях. *Рец. на кн.: Терехов О. Э. История и политика в трудах Освальда Шпенглера: проблемы историографии. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2020. 163 с.* 153
- Порозов В. А.** Интеллигенты об интеллектуалах, интеллектуалы об интеллигенции. *Рец. на кн.: Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—24 сентября 2021 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. 312 с.* 169
- Информация для авторов* 187

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

- Zolotarev O. V.* The financial situation of the Soviet
intelligentsia (late 1920s — early 1950s)..... 9

INTELLIGENTSIA IN THE DEVELOPMENT OF REGIONS

- Baldin K. E.* Intelligentsia in a provincial city: the activities
of the Ivanovo-Voznesensk branch of the Imperial Russian
Technical Society in the late XIX — early XX century 27

INTELLIGENCE IN MODERN SOCIETY

- Volkova E. S.* Interaction between the society and the authorities
in Russia in the 1990—2000s in the mirror of far eastern
fiction 52

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Hovanesyan S. G.* At the Origins of the “Almast” Opera
Creation 78
- Klimovich L. V.* Life way and public activity of Russian
emigrants K. D. Pomerantsev 103

DEBUT

- Trofimov I. A.** Officials in the office of the trustee of the St. Petersburg educational district during the reign of Alexander III: Experience of prosopographic research 123

DISCUSSION

- Smirnov G. S.** Miniatures of the all-human: distant conversations with undergraduates (reflections on the book of academician A. V. Smirnov “All-human vs. Generally-human”) 139

READING AND DISCUSSION

- Smirnov D. A.** Oswald Spengler and his ideas in political images and scientific concepts. *Review on the book: Terekhov, O. E. History and politics in the writings of Oswald Spengler: problems of historiography. Kemerovo: Kemerovo State University, 2020. 163 p.* 153
- Porozov V. A.** Intelligentsia about intellectuals, intellectuals about intelligentsia. *Review on the book: Intelligentsia and Intellectuals: genesis, formation, development, activity: Proceedings of the XXXI International scientific and theoretical conference. Ivanovo, 23—24 September 2021. Ivanovo: Ivanovo State University, 2021. 312 p.* 169
- Information for authors* 187

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

Интеллигенция и мир. 2022. № 2. С. 9—26.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 2. P. 9—26.

Научная статья

УДК 94(470+571)"1920/1950"

DOI: 10.46725/IW.2022.2.1

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (конец 1920-х — начало 1950-х гг.)

Олег Васильевич Золотарев

Сыктывкарский государственный университет им. П. Сорокина,
Сыктывкар, Россия, kimoopd@syktsu.ru

Аннотация. В статье исследуются процессы, связанные с динамикой материального положения советской интеллигенции в годы сталинской модернизации. Рассмотрены вопросы государственной политики, направленной на повышение уровня жизни интеллигенции, ее формы и методы. Властные структуры в этот период делают ясно обозначенный выбор в пользу мер по материальной заинтересованности интеллектуальных слоев.

Данный поворот был обусловлен тем, что режим в 1930-е гг. испытывал острую потребность в интеллектуальном труде. Это обстоятельство определило ярко выраженную тенденцию в вопросах материального обеспечения интеллигенции: труд нужных для проведения модернизации страны специалистов, несмотря на отрицательную реакцию общественности, начинает высоко оплачиваться. В отличие

от нэповских времен, данная политика касается не только специалистов технического направления, но и широких слоев гуманитарной интеллигенции. Постепенно доходы деятелей науки, педагогов, работников культуры и т. п. не только сравнялись, но и превысили заработную плату рабочих. Не следует забывать о ряде привилегий (особенно в жилищной сфере), предоставленных представителям интеллектуальных профессий. На начало 1950-х гг. приходится пик материального благополучия представителей интеллектуальных профессий, когда уровень благосостояния советской интеллигенции наиболее значительно превышает материальное положение рабочих и тем более крестьян. Именно к концу сталинского периода советские интеллектуалы во многом приблизились к своему дореволюционному статусу. А научные и творческие представители советской интеллигенции составили одну из наиболее привилегированных и обеспеченных социально-профессиональных групп советского общества.

Привилегированное положение советских интеллектуалов во многом объясняется особым местом, которое занимала интеллигенция в системе сталинского социализма. В свою очередь и власть выиграла от линии, позволившей носителям умственного труда достигнуть относительного материального благополучия. Во многом благодаря их труду режиму удалось обеспечить рывок страны в экономическом и технологическом плане.

Модернизация страны, таким образом, неизбежно вела к улучшению материального положения интеллектуальных слоев общества и к сближению власти и интеллигенции.

Ключевые слова: интеллигенция, власть, индустриализация, государственная политика по отношению к интеллигенции, кадры, экономика, привилегии, заработная плата, уровень жизни

Для цитирования: *Золотарев О. В.* Материальное положение советской интеллигенции (конец 1920-х — начало 1950-х гг.) // Интеллигенция и мир. 2022. № 2. С. 9—26.

THE FINANCIAL SITUATION OF THE SOVIET INTELLIGENTSIA (late 1920s — early 1950s)

Oleg V. Zolotarev

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Syktyvkar, Russia, kimoopd@syktsu.ru

Abstract. The article examines the processes associated with the dynamics of the financial situation of the Soviet intelligentsia during the years of Stalin's modernization. The issues of state policy aimed to improve the standard of living of the intelligentsia, its forms and methods are considered. During this period, the power structures make a clearly indicated choice of introducing the measures of financial support of the intellectual strata.

This turn was due to the fact that the regime in the 1930s had an acute need for intellectual labor. This circumstance determined an obvious trend in matters of financial support for the intelligentsia: the work of specialists necessary for the modernization of the country, despite the negative reaction of the public, begins to be highly paid. Unlike the NEP times, this policy concerns not only technical specialists, but also broad layers of the humanitarian intelligentsia. Gradually, the incomes of scientists, teachers, cultural workers, etc. not only equaled, but also exceeded the wages of workers. We should not forget about the number of privileges granted to representatives of intellectual professions (especially in the housing sector). At the beginning of the 1950s, there was a peak in the well-being of representatives of intellectual professions, when the standard of living of the Soviet intelligentsia most significantly exceeded the financial situation of workers and, especially, peasants. It was by the end of the Stalinist period that Soviet intellectuals in many ways approached their pre-revolutionary status. Thus, scientific and creative representatives of the Soviet intelligentsia made up one of the most privileged and well-off socio-professional groups of Soviet society.

The privileged position of Soviet intellectuals is largely explained by the special place that the intelligentsia occupied in the system of Stalinist socialism. In turn, the government also benefited from the line that allowed the carriers of intellectual labor to achieve relative economic well-being. Largely thanks to their work, the regime managed to ensure the country's breakthrough in economic and technological terms.

The modernization of the country, therefore, inevitably led to an improvement in the financial situation of the intellectual strata of society and to a rapprochement between the authorities and the intelligentsia.

Keywords: intelligentsia, government, industrialization, state policy towards the intelligentsia, personnel, economy, privileges, wages, standard of living

For citation: Zolotarev, O. V. (2022), ‘The financial situation of the Soviet intelligentsia (late 1920s — early 1950s)’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 9—26 (in Russ.).

Введение

Актуальность. В своем развитии российская интеллигенция прошла несколько этапов, которые во многом совпадали с эпохами отечественной истории. Одним из самых любопытных и противоречивых, на наш взгляд, был советский период ее деятельности. В нем особое место занимает сталинская модернизация. Именно в этот временной промежуток советская интеллигенция приобретает уникальное положение. Режим, осознавая нереальность осуществления модернизационных проектов без активного участия в них интеллектуалов, пытается завоевать доверие интеллигенции, не утрачивая своего контроля над ней. Немаловажную роль в этом процессе играет повышение социального статуса интеллектуальных слоев, невозможное без серьезного улучшения материального обеспечения представителей умственного труда. Данное обстоятельство вызывает интерес к динамике уровня доходов интеллигенции в 1930-х — начале 1950-х гг., тем более что данная тематика не получила должного освещения как в отечественной, так и зарубежной историографии.

Краткая историография проблемы. Материальное положение отдельных категорий советской интеллигенции было подвергнуто специальному анализу только в ряде статей (М. Р. Зезина [Зезина, 1997: 20—27; Зезина, 2009]), а также работах, посвященных материальному благосостоянию советского народа в данный временной отрезок (Е. А. Осокина [Осокина, 1999], С. А. Головин [Головин, 2008: 177—186]).

Постановка вопроса. Таким образом, мы видим, что вопросы, связанные с динамикой финансового положения интеллигенции в сталинский период изучены явно недостаточно. Между тем анализ социального статуса, общественной позиции и мотивов деятельности интеллектуалов невозможен без соответствующего анализа уровня доходов различных представителей интеллигенции.

Методология и методы исследования

В данной работе автор руководствовался принципами историзма и научной объективности. Во многих положениях, касающихся оценок конкретно деятельности, позиции и условий жизни интеллигенции, автор исходил из позиций, выработанных В. С. Меметовым [Меметов, 2008: 7—25].

Основная часть

Изменение социального статуса советской интеллигенции в конце 1920-х — начале 1930-х гг.

В первое десятилетие советской власти немалая часть интеллигенции, оставшейся в стране, была вынуждена сотрудничать с новым режимом. Именно интеллектуалы, привлеченные во многом материальными благами, помогли восстановить промышленность и сельское хозяйство, наладить функционирование административного аппарата. Однако они по-прежнему не разделяли многие положения большевистской идеологии и продолжали настороженно относиться к коммунистической власти. Ситуацию осложняли и проблемы во взаимоотношениях самой интеллигенции с другими слоями общества. Рабочие и крестьяне с глухим недовольством относились к сравнительно благополучной в материальном плане жизни людей умственного труда [Золотарев, 2012: 44]. Впрочем, сравнительно высокий уровень доходов был обеспечен только инженерно-технической интеллигенции. Заработная плата иных представителей интеллектуального труда была значительно ниже.

Но в начале 1930-х гг. характер режима и его идеологические установки меняются. Взявшая верх в борьбе за власть сталинская группировка берет курс на строительство «социализма

в одной стране», имевший целью национально-государственное выживание Советского Союза. Идет модернизация промышленности и сельского хозяйства, осуществляется широкое общественное и политическое реформирование.

Данная линия приводит к переменам и в отношениях режима и интеллигенции.

Прежде всего, это проявилось в понимании значения интеллектуальных сил не только в процессе модернизации страны, но и в деле укрепления власти. Глава партии и государства в этой связи подчеркивал: «Ни один класс не может удержать власть и руководство государством, если не сумеет создать собственной интеллигенции, то есть людей, которые отошли от физического труда и живут умственным трудом». Он указывал на недопустимость пренебрежительного отношения к интеллигенции [Сталин, 2006: 164], хотя и обращал внимание на подчиненное, несамостоятельное положение интеллигенции в обществе [Запись беседы товарища Сталина..., 2004: 250—251].

Среди причин, способствовавших смягчению отношения власти к интеллектуалам, важно упомянуть и еще одно обстоятельство. Дело в том, что рабоче-крестьянская интеллигенция, которая, по мысли партийных лидеров, должна была прийти на смену буржуазным специалистам, оказалась слабо подготовленной в профессиональном отношении. Она не только была не в состоянии обеспечить требуемый прорыв в экономическом развитии, но оказывалась даже препятствием на пути к успешной модернизации страны.

Ослабление давления власти на интеллектуалов явственно проявилось уже к середине 1930-х гг. Положение интеллигентских кругов заметно улучшается: уходит в прошлое категория «лишенцев», ликвидируются привилегии рабочих и крестьян при поступлении на учебу, снимаются ограничения на прием интеллигенции в партию.

Неотложность задачи быстрой модернизации страны требовала не только сближения власти и интеллигенции, но и осознания важности повышения культурного уровня народа. Это неизбежно означало усиление внимания властей к проблемам развития школы и образования. Реализация этой политики означала не только проведение эффективной образовательной реформы,

но и серьезное повышение уровня материальной обеспеченности советской интеллигенции. Ведь модернизация страны требовала значительного увеличения количества работников умственного труда. Это вызывало необходимость повышения социального статуса интеллигенции, дабы сделать труд ученого, инженера, учителя привлекательным для молодого поколения. Что было невозможно достигнуть без улучшения жизненного уровня интеллектуалов.

Руководствуясь этими мотивами, власть, начиная с конца 1920-х гг., пытается создать привилегированные материальные условия для интеллигенции, последовательно поднимает престиж работника умственного труда, прежде всего ученого и специалиста.

Действия властей по улучшению материального положения интеллигенции в предвоенные годы

Весьма отчетливо эта линия проявляется в 1930-е гг. Особенно по отношению к интеллектуальной элите общества. Весьма способствовало повышению статуса научного работника и преподавателя вуза решение о восстановлении ученых степеней кандидата и доктора наук. Оно фактически оформило систему оплаты труда данной категории интеллигенции в зависимости от степени, звания и стажа. Несколько позже, в 1936 г., заработная плата научным и научно-техническим работникам, преподавателям вузов была существенно повышена (профессор, например, получал 1300 руб., доцент — 900 руб.) [Народное образование в СССР, 1974: 482—486]. Нельзя не упомянуть и о том, что начиная с 1920-х гг. в преподавательской среде была широко распространена практика совместительства. Это объяснялось как нехваткой высококвалифицированных специалистов, так и (особенно в 1920-е гг.) их невысоким жалованьем. Поэтому в крупных городах доходы преподавателей, которые нередко подрабатывали в нескольких местах, были значительно выше.

Когда же была введена карточная система, то профессора и доценты вузов стали снабжаться по нормам индустриальных рабочих. Профессора, прикрепленные к закрытым столовым, получали академический паек. Что касается обеспечения материальных нужд ученых, то ими вместо ЦЕКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта ученых) стала заниматься КСУ (комиссия содействия ученым), затем — хозяйственное управление

АН СССР. Научная элита снабжались по нормам работников центральных партийных и государственных учреждений. Остальные — по нормам индустриальных рабочих. Таким образом, для научных работников была создана номенклатура должностей, которая определяла не только зарплату, но и объем, и характер привилегий [Осокина, 1998: 10].

Кроме того, в начале 1930-х гг. ЦИК и СНК СССР принимают ряд постановлений, которые весьма способствовали улучшению материального положения научной и художественной элиты: «Об улучшении жилищных условий писателей», «О строительстве “городка писателей”», «Об улучшении жилищных условий научных работников» и др. Для реализации содержащихся в них положений правительством при творческих союзах художественной интеллигенции создаются специальные хозяйственно-бытовые управления.

Хотя созданная система и не обеспечивала дореволюционного благополучия интеллектуальной элиты, однако она явно свидетельствовала о привилегированном ее положении в обществе.

Впрочем, в 1930-е гг. власти обратили внимание и на материальное положение представителей массовых интеллектуальных профессий. Это можно проследить на примере педагогической интеллигенции. Прежде всего, была значительно повышена заработная плата школьным работникам, упорядочен порядок ее выплаты [Народное образование в СССР, 1974: 459]. Зарботки педагогов в начальной школе выросли до 250—300 руб., а в средней — до 270—425 руб. Зарплата увеличивалась за 25-летний и более стаж. Вводилась плата за дополнительные уроки, прием экзаменов и выполнение административных функций. В целом с конца 1920-х гг. учительское жалованье выросло в 5—6 раз (напомним, его уровень в 1920-е гг. не превышал 45—50 руб.) [Юинг, 2011: 93].

К концу 1930-х гг. заработная плата школьных педагогов уже превышала (хотя и незначительно) ее средний уровень по промышленности. И все же доходы учителей нельзя было назвать высокими, поэтому многие педагоги были вынуждены подрабатывать, нередко довольно сильно превышая нормы положенной нагрузки.

Помимо повышения заработной платы, работникам просвещения был предоставлен ряд льгот: они были приравнены в снабжении промышленными товарами и продуктами питания

к рабочим, на селе им предоставлялись бесплатные квартиры с бесплатным отоплением и освещением. Ряд шагов был сделан и в деле обеспечения учителей пенсиями [Народное образование в СССР, 1974: 459—462].

Хотя нельзя не отметить, что реализация декларируемых мер по улучшению положения педагогических работников на местах была затруднена как игнорированием учительских нужд региональными властями, так и нехваткой финансовых ресурсов.

К концу 1930-х гг., несмотря на то, что далеко не все учительские проблемы материального плана до конца были решены, стало возможным говорить о реальном и довольно ощутимом улучшении материального положения педагогической интеллигенции.

Впрочем, даже осознавая свои преимущества, учителя полагали свой уровень жизни более низким, чем того можно было ждать при их образовании, квалификации и преданности профессии [Юинг, 2011: 9, 89, 117].

Что касается другого массового отряда людей интеллектуальных профессий — медицинских работников, то во второй половине 1930-х гг. так же был проведен ряд важных мероприятий, которые были направлены на улучшение материального положения врачебного персонала. Среди них особое значение имело Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) от 4 марта 1935 г., которое декларировало значительное увеличение зарплаты медицинскому персоналу. Хотя она по-прежнему продолжала уступать рабочим окладам.

Если обратиться к индустриально-технической интеллигенции, то повышению ее материальной заинтересованности способствовал в 1930-е гг. целый ряд решений властей. Среди них можно перечислить следующие: были отменены ограничения на дифференциацию сдельной оплаты труда, ликвидирован партмаксимум, отменен закон, согласно которому специалисты, работавшие по совместительству, могли получать лишь в полтора раза больше минимальной заработной платы и т. д.

Таким образом, к концу 1930-х гг. власть, столкнувшись с необходимостью обеспечить высокие темпы индустриализации, была вынуждена перейти к дифференциации в заработной плате, отдавая предпочтение высококвалифицированному труду. По мере относительных успехов индустриализации имущественная

дифференциация общества быстро росла. В этот период зарплата директора крупного предприятия (как и секретаря обкома) достигала 2000 руб., инженера — 1500 руб., профессора — 1300 руб., старшего научного сотрудника в системе Академии наук — 800 руб., учителя — 250—425 руб., квалифицированного специалиста — 200—300 руб., квалифицированного рабочего — 200—300 руб., минимальная зарплата неквалифицированного рабочего — 115 руб. [Головин, 2008: 182]. Такой подход позволил обеспечить лояльность по отношению к режиму определенных слоев населения, прежде всего, интеллигенции.

Динамика материального положения интеллигенции в военные и первые послевоенные годы

Политика, направленная на повышение материальной заинтересованности интеллигенции, была продолжена, несмотря на военные невзгоды, и в 1940-е гг. В частности, совершенствовалась система оплаты труда научных работников, которая сложилась в предвоенные годы. Например, в 1942 г. оклады научных работников и преподавателей вузов были значительно увеличены. Улучшалась и система пенсионного обеспечения работников Академии наук. Конечно, в условиях карточного распределения, характерного для военного времени, денежные выплаты были отнюдь не единственным, хотя и весьма важным, фактором решения материальных и бытовых проблем. Даже сравнительно высокой заработной платы систематически не хватало: купить на эти деньги по коммерческим ценам можно было немного. Поэтому во время войны властями принимались и иные меры поддержки научной интеллигенции. Были созданы специальные структуры, в задачу которых входила организация снабжения научной интеллигенции промтоварами и продовольствием. Научные работники в этот период пользовались дополнительными видами снабжения, которые тогда существовали (продлимит, спецпайки, литерные обеды, прикрепление к закрытым столовым и др.). Несмотря на это обследования материально-бытового положения научной интеллигенции показывали, что вряд ли положение данной категории населения можно было назвать в тот период благополучным [Зезина, 1997: 21].

Если положение научных работников и вузовских преподавателей (по сравнению с другими категориями представителей интеллектуального труда) было сравнительно неплохо, то, конечно, материальная обеспеченность иных отрядов интеллигенции была значительно хуже.

Например, самым тяжелым образом военные сложности отразились на работе школ и учительства. И это несмотря на то, что в августе 1943 г. заработная плата учителей была значительно повышена, а власти на местах старались оказывать материальную помощь работникам школ. Дело в том, что во многих регионах весьма плохо было налажено снабжение учителей продуктами питания. Купить же продукты на рынке они не могли из-за крайней дороговизны.

Даже после окончания войны разруха, необходимость вкладывать немалые средства на восстановление промышленности и сельского хозяйства не позволяли властям предпринять меры по коренному улучшению материального положения школьных работников. Более того, с 1 октября 1946 г. с карточного снабжения снимается часть сельских учителей, связанных с сельским хозяйством. Наверное, можно даже говорить о том, что в первые послевоенные годы государство было вынуждено проводить в отношении учительства (как, впрочем, и всего населения) режим жесткой экономии.

В целом как профессиональная группа учительство развивалось в послевоенные годы в непростых материально-бытовых условиях, при значительной перегруженности работой и общественными обязанностями, что вело к практически полному отсутствию личного времени. В итоге в школах страны стала ощущаться острая нехватка квалифицированных кадров, в обществе престиж профессии учителя был невысоким, и поэтому государством были разработаны меры, направленные на стимулирование учительского труда. Во многом они были направлены на повышение жизненного уровня школьных работников.

В феврале 1948 г. выходит постановление Совета Министров СССР об увеличении заработной платы и пенсий (в том числе декларируется пенсия за выслугу лет) учителям, были введены льготы и преимущества для педагогов в плане обеспечения жильем и коммунальными услугами. Преподавателям были

предоставлены льготы по обязательным поставкам молока, мяса и картофеля. Учителя на селе обеспечивались земельными участками, подсобные хозяйства школьных работников частично освобождались от налогообложения, дети учителей теперь не должны были платить за обучение в старших классах и педагогических вузах, начал реализовываться план строительства жилья для сельских учителей [Народное образование в СССР, 1974: 463—464].

Конечно, после войны государственные структуры уделяли особое внимание многим важнейшим аспектам работы образовательных учреждений, прежде всего материальному и интеллектуальному обеспечению их деятельности. Следует заметить, что, несмотря на все сложности послевоенного времени, руководство страны находило средства на развитие народного образования. В этот период расходы на образовательные нужды составляли 14 % государственного бюджета [Дайч, 1991: 39—40], что способствовало положительным сдвигам в развитии народного образования в послевоенный период.

Что касается другой массовой категории лиц интеллектуального труда — медицинских работников, то, как уже отмечалось, их заработная плата в 1930-е гг. хотя и несколько выросла, но все равно продолжала уступать рабочим окладам. Правда, врачам было разрешено заниматься частной практикой. После войны власти, пытаясь сделать медицину доступной для всех, стали бороться с частной врачебной практикой, но зарплаты врачей были существенно увеличены.

Таким образом, представителям массовых интеллигентских профессий жилось в послевоенное время непросто, что во многом объяснялось общим невысоким уровнем жизни населения, хотя, вероятно, несколько легче, чем многим иным категориям работающих. Если же говорить о научной и творческой интеллигенции то меры, предпринимаемые властями по поднятию престижа (а, значит, и материального уровня) этой категории населения, позволили последней стать фактически элитным классом советского послевоенного общества (наряду с партийной номенклатурой, государственными чиновниками и высокопоставленными военными).

Особенно значимым в этом контексте было постановление Совета Министров СССР от 6 марта 1946 г. «О повышении окладов

работникам науки и об улучшении их материально-бытовых условий». Им значительно (в три-четыре раза) увеличивались зарплаты, поднимался социальный статус и привилегии ученых, возрастало финансирование науки, количество научных учреждений. Размеры увеличения зависели от должности, степени и звания, а также от категории научного учреждения. Наиболее значительную прибавку получил руководящий состав. Так, член Президиума АН теперь получал 15 тыс. руб. (вместо 4 тыс.) директор академического института — 8 тыс. руб. (ранее — 2,5 тыс.), старший научный сотрудник, доктор наук — 4 тыс. руб., младший научный сотрудник без степени — до 1,35 тыс. руб. Серьезно улучшалась и система снабжения промышленными и продовольственными товарами. Сотрудники академий стали получать промышленные и продовольственные товары на определенную сумму в зависимости от положения, занимаемого в научной иерархии. Данный документ определял задачи и по жилищному строительству, выделению дефицитных промышленных товаров (таких, например, как легковые автомобили) [Зезина, 1997: 22—23].

15 марта 1946 г. СНК принял постановление «Об улучшении медицинского обслуживания научных работников АН СССР», по которому для сотрудников Академии наук создавались специальные поликлиники и стационары.

Отметим, что заработная плата и льготы работников науки, представляющих другие ведомства, были серьезно меньше.

Повышения окладов коснулись и преподавателей вузов, где зарплаты устанавливались не только в зависимости от должности и ученой степени, но и от стажа педагогической работы. В итоге профессор со стажем более десяти лет мог рассчитывать на заработную плату в 5,5 тыс. руб., доцент — 3,2 тыс. руб., старший преподаватель — 2,7 тыс. руб. в месяц [Зезина, 1997: 22].

В те годы автомобиль «Победа» стоил 16 тыс. руб., «Москвич» — 9 тыс. руб. Таким образом, доктор наук (с учетом вероятного совместительства) мог на свой месячный доход купить легковой автомобиль. Конечно, такое привилегированное в материальном плане положение не могло не служить мощным стимулом для занятия научной деятельностью, хотя и было определенным вызовом уравнилельной психологии, распространенной в советском обществе.

Благодаря этому и ряду других решений научная интеллигенция вскоре стала одной из наиболее обеспеченных социально-профессиональных групп советского общества. Ведь уровень доходов научных работников, особенно с учетом возможных дополнительных заработков (а совместительство в тот период было скорее правилом, нежели исключением), намного превышал заработную плату и льготы представителей других массовых интеллигентских профессий.

Научная элита советского общества пользовалась и иными преимуществами. Например, за выдающиеся научные достижения были установлены различные премии: К. А. Тимирязева, В. В. Докучаева, И. И. Мечникова и др. Они составляли весьма значительную сумму — 20—25 тыс. руб. Главная — Сталинская, была значительно больше. Ее размер (в зависимости от степени) колебался от 50 тыс. до 200 тыс. руб. Последняя задумывалась именно в качестве материального стимула научных работников. Поэтому ее лауреатами становились в основном люди в среднем, даже молодом возрасте. Кроме того, в качестве награды к премии обычно прилагался орден и определенные льготы: бесплатный проезд, бесплатное обучение детей в вузах и др. Помимо премий, молодым ученым выплачивались именные стипендии (стипендии В. В. Потемкина, А. А. Заварзина и др.). Их размер составлял среднюю заработную плату инженерно-технического состава: аспирантов — 800 руб., докторантов — 1300 руб. в месяц [Зезина, 1997: 22].

Помимо научных работников значительными привилегиями пользовались и представители творческой элиты. Особенно это положение было актуально по отношению к руководству творческими союзами. Доходы редакторов крупных журналов, секретарей и членов правлений творческих союзов состояли не только из заработной платы, но и высоких гонораров, различного рода льгот (мастерские, дачи и т. д.). По уровню благосостояния к ним были близки популярные писатели, художники и композиторы. Нередко их гонорары составляли астрономические по тем временам суммы — некоторые получали за год гораздо больше 100 тыс. руб. [Зезина, 2009: 335].

Конечно, это было скорее исключением, чем правилом. Хотя и основная масса представителей творческих профессий

не бедствовала, не уступая по уровню своих доходов средним слоям советской интеллигенции. Кроме того, принадлежность к привилегированной корпорации (коими, вне всякого сомнения, являлись творческие союзы) давала значительные льготы. В трудные послевоенные годы именно через эти структуры решались жилищные вопросы, приобретались многие дефицитные товары (в том числе одежда, обувь и т. п.), путевки в Дома творчества и пансионаты.

Таким образом, творческие союзы, как и Академия наук и другие ведомства, и крупные предприятия (помимо функции организации творческого процесса или промышленного производства) фактически взяли на себя функцию социального обеспечения подчиненных им работников и специалистов.

Заключение

Модернизация страны неизбежно вела к улучшению материального положения интеллектуальных слоев общества и к сближению власти и интеллигенции. Постепенно заработная плата инженерно-технических и научных работников начинает превышать доходы рабочих. Даже доходы учительства и медицинских работников (унизительно низкие в период НЭПа) становятся выше средней заработной платы по стране. Что же касается научной и творческой элиты, то она во многом приблизилась к своему дореволюционному статусу. В целом можно утверждать, что, разделяя материальные и бытовые сложности, выпавшие на долю советского народа в годы модернизации, военного и послевоенного времени, научные и творческие работники составили одну из наиболее привилегированных и обеспеченных социально-профессиональных групп советского общества. Апогей материального благополучия представителей интеллектуальных профессий, когда уровень жизни интеллектуалов наиболее значительно превышает материальное положение рабочих и, тем более, крестьян, приходится на середину 1950-х гг. [Золотарев, 2018: 23]. Уровень благосостояния средних слоев научной интеллигенции и представителей высших слоев творческой интеллигенции приближался к заработной плате партийной и советской номенклатуры.

Объяснялось подобное привилегированное положение интеллигенции тем особым местом, что занимало интеллектуальное сословие в сталинской иерархической системе. Относительное материальное благополучие советской интеллигенции в сталинский период не только обеспечило наблюдавшуюся определенную устойчивость и лояльность по отношению к власти в интеллигентских кругах, но и позволило обеспечить рывок страны в экономическом и технологическом плане.

Список источников

- Головин С. А.* Имущественная дифференциация доходов населения СССР в 20—30-е годы XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 66. С. 177—186.
- Дайч З. Г.* Школьная политика в СССР: уроки партийно-государственного руководства, перспективы развития. М.: Прометей, 1991. 184 с.
- Запись беседы товарища Сталина с германским писателем Лионом Фейхтвангером 8 января 1937 года // Вопросы литературы. 2004. № 2. С. 242—291.
- Зезина М. Р.* Материальное стимулирование научного труда в СССР. 1945—1985 // Вестник Российской Академии наук. 1997. Т. 67. № 1. С. 20—27.
- Зезина М. Р.* Режим привилегий для научной и художественной интеллигенции // Режимные люди в СССР / отв. ред. Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 2009. С. 326—346.
- Золотарев О. В.* Интеллигенция: советские годы // Интеллигенция и мир. 2012. № 4. С. 44—56.
- Золотарев О. В.* Сталинская модернизация и советская интеллигенция // Интеллигенция и мир. 2018. № 1. С. 18—29.
- Меметов В. С.* О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии // Интеллигенция и мир. 2008. № 2. С. 7—25.
- Народное образование в СССР: сборник документов. 1917—1973 / сост. А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. М.: Педагогика, 1974. 560 с.

- Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941. М.: РОССПЭН, 1999. 271 с.
- Сталин И. В. Сочинения: в 18 т. М.: Гос. изд. полит. лит.; Тверь: Информ.-изд. центр «Союз», 1946—2006. Т. 18: 1917—1953 / сост. М. Н. Грачев, А. Е. Кирюнин, Р. И. Косолапов, Ю. А. Никифоров, С. Ю. Рыченков, 2006. 785 с.
- Юинг Е. Т. Учителя эпохи сталинизма. Власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2011. 359 с.

References

- Abakumov, A. A., Kuzin, N. P., Puzyrev, F. I. and Litvinov, L. F. (comps) (1974), *Narodnoe obrazovanie v SSSR: sbornik dokumentov 1917—1973 gg.* [Public education in the USSR: Collection of documents 1917—1973], Pedagogika, Moscow, Russia.
- Dyche, Z. G. (1991), *Shkol'naia politika v SSSR: uroki partiino-gosudarstvennogo rukovodstva, perspektivy razvitiia* [School policy in the USSR: lessons of party and state leadership, development prospects], Prometei, Moscow, Russia.
- Golovin, S. A. (2008), 'Property differentiation of incomes of the population of the USSR in the 20—30s of the XX century', *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen], no. 66: 177—186.
- Grachev, M. N., Kiryunin, A. E., Kosolapov, R. I., Nikiforov, Yu. A. and Rychenkov, S. Yu. (comps) (2006), *Stalin I. V. Sochineniia: v 18 tomakh* [Works: in 18 vols.], vol. 18: 1917—1953, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, Informatsionno-izdatel'skii tsentr "Soiuz", Moscow, Tver', Russia.
- Memetov, V. S. (2008), 'About some methodological approaches in the study of the concept of "intelligentsia" in Russian historiography', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 7—25.
- 'Recording of a conversation between Comrade Stalin and the German writer Lion Feuchtwanger on January 8, 1937' (2004), *Voprosy literatury* [Issues of Literature], no. 2: 242—291.
- Zeina, M. R. (1997), 'Financial incentives for scientific work in the USSR. 1945—1985', *Vestnik Rossiiskoi Akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], vol. 67, no. 1: 20—27.

- Zezina, M. R. (2009), 'Privilege regime for scientific and artistic intelligentsia' in Kondratieva, T. S. and Sokolov, A. K. (eds), *Rezhimnye liudi v SSSR* [Regime people in the USSR], Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia, Moscow, Russia: 326—346.
- Zolotarev, O. V. (2012), 'Intelligentsia: Soviet years', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 44—56.
- Zolotarev, O. V. (2018), 'Stalinist modernization and the Soviet intelligentsia', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 18—29.
- Yuing, E. T. (2011), *Uchitelia epokhi stalinizma. Vlast', politika i zhizn' shkoly 1930-kh gg.* [Teachers of the era of Stalinism. Power, politics and school life in the 1930s.], Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 17.11.2021; одобрена после рецензирования 15.12.2021; принята к публикации 29.12.2021.

The article was submitted 17.11.2021; approved after reviewing 15.12.2021; accepted for publication 29.12.2021.

Информация об авторе / Information about the author

О. В. Золотарев — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам, Институт истории и права, Сыктывкарский государственный университет им. П. Сорокина, Россия.

O. V. Zolotarev — Doctor of Science (History), Professor, Head of the Department of History and Methods of Teaching Social and Legal Subjects, Institute of History and Law, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia.

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ
INTELLIGENCE
IN THE DEVELOPMENT OF REGIONS**

Интеллигенция и мир. 2022. № 2. С. 27—51.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 2. P. 27—51.

Научная статья

УДК 94(470.315).083

DOI: 10.46725/IW.2022.2.2

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ:
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОГО
ОТДЕЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.**

Кирилл Евгеньевич Балдин

Ивановский государственный университет,

Иваново, Россия, kebaldin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7568-0528>

Аннотация. Инженерно-техническая интеллигенция являлась важным сегментом дореволюционной российской интеллигенции. Она была довольно немногочисленной по сравнению с педагогами и врачами, в то же время уровень заработной платы инженеров на промышленных предприятиях был значительно выше, чем у двух перечисленных отрядов интеллигенции. Разумеется, инженер-технолог зависел от хозяина промышленного заведения. Однако доходы и в целом деловой успех

предпринимателя также в значительной степени зависели и от мастерства инженера-технолога, так как качество тканей определяло их успех на рынке.

Цель статьи: проанализировать общественную деятельность провинциальной технической интеллигенции. Задачи исследования: определить, насколько широким был круг организованной технической интеллигенции; проанализировать основные формы ее деятельности в рамках рассматриваемой организации — Иваново-Вознесенского отделения Императорского Русского технического общества (ИВО ИРТО); установить степень результативности этой работы.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, абсолютное большинство фабричных служащих с высшим образованием состояли в ИВО ИРТО. Свою потребность в повышении профессиональной квалификации они осуществляли путем обмена опытом на технических беседах, которые проводились в отделении регулярно. Доклады инженеров были посвящены новинкам техники, технологическим инновациям в отделке тканей и т. п. Среди других направлений деятельности инженерно-технической интеллигенции в местном отделении ИРТО была организация химико-аналитической лаборатории, устройство научно-технической библиотеки и технических курсов для рабочих.

Ключевые слова: инженерно-техническая интеллигенция до революции, текстильная промышленность, общественные организации, Императорское Русское техническое общество, научно-техническая периодика, техническое образование, положение рабочих

Для цитирования: Балдин К. Е. Интеллигенция в провинциальном городе: деятельность Иваново-Вознесенского отделения Императорского Русского технического общества в конце XIX — начале XX в. // Интеллигенция и мир. 2022. № 2. С. 27—51.

INTELLIGENTSIA IN A PROVINCIAL CITY: THE ACTIVITIES OF THE IVANOVO-VOZNESENSK BRANCH OF THE IMPERIAL RUSSIAN TECHNICAL SOCIETY IN THE LATE XIX — EARLY XX CENTURY

Kirill E. Baldin

Ivanovo State University,
Ivanovo, Russia, kealdin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7568-0528>

Abstract. The engineering and technical intelligentsia was an important segment of the pre-revolutionary Russian intelligentsia. It was quite small in comparison with teachers and doctors, at the same time the level of wages of engineers in industrial enterprises was much higher than that of the two listed detachments of intellectuals. Of course, the process engineer depended on the owner of the industrial institution. However, the income and overall business success of the entrepreneur also largely depended on the skill of the process engineer, because the quality of fabrics determined their success in the market.

The purpose of the article is to analyze the social activities of the provincial technical intelligentsia. The objectives of the study are to determine how wide the circle of organized technical intelligentsia was; to analyze the main forms of activity of the intelligentsia in the organization under consideration — Ivanovo-Voznesensk branch of the Imperial Russian Technical society (IVB IRTS); to analyze the degree of effectiveness of this work.

Judging by the data at our disposal, the vast majority of factory employees with higher education were in the IVB IRTS. They fulfilled their need for professional development through the exchange of experience in technical conversations, which were held in the department regularly. Reports of engineers were devoted to novelties of technology, technological innovation in decoration fabrics, etc. Among other areas of activity of engineering and technical intelligentsia in the local branch of IRTS was the organization of a chemical analytical laboratory, the device of technical library and technical courses for workers.

Keywords: engineering intelligentsia before the revolution, textile industry, public organizations, the Imperial Russian Technical Society, scientific and technical periodicals, technical education, conditions of workers

For citation: Baldin, K. E. (2022), 'Intelligentsia in a provincial city: the activities of the Ivanovo-Voznesensk branch of the Imperial Russian Technical Society in the late XIX — early XX century', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 27—51 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Инженерно-техническая интеллигенция представляла собой важный и специфический сегмент дореволюционной российской интеллигенции. Он был довольно немногочисленным по сравнению с контингентом педагогов и врачей, в то же время уровень заработной платы инженеров на промышленных предприятиях, в частности, в текстильной индустрии, был значительно выше, чем у двух перечисленных отрядов отечественной интеллигенции. Инженеров на провинциальных фабриках было очень немного, часто на крупном предприятии, где трудились несколько тысяч рабочих, было всего два-три специалиста с высшим образованием. Высшие руководящие должности порой занимали так называемые «практики», т. е. люди без специального образования, пробившиеся наверх только благодаря многолетней службе и чисто практическому опыту.

Инженер-технолог, колорист, заведующий технической частью предприятия, разумеется, зависел от хозяина фабрики. Предприниматель, в свою очередь, также зависел от знаний и опыта инженера-технолога, так как именно благодаря его профессионализму краски на тканях данной фирмы были стойкими, не выцветали, не застирывались и имели успех на рынке.

В данной статье автор не намерен останавливаться на таких проблемах, как численность, состав и материальное положение инженерно-технической интеллигенции. Мы сосредоточим свое внимание на степени консолидации этой довольно немногочисленной корпорации высокооплачиваемых специалистов.

Постановка вопроса. Цель статьи: на примере отдельно взятой организации проанализировать общественную деятельность провинциальной инженерно-технической интеллигенции в рамках Иваново-Вознесенского отделения Императорского Русского технического общества. Цель будет реализована через

выполнение следующих задач: во-первых, определить, насколько широким был круг организованной технической интеллигенции и указать на наиболее деятельных общественников; во-вторых, рассмотреть основные формы деятельности интеллигенции в рамках легальной неполитической и некоммерческой организации; в-третьих, проанализировать результативность этой работы.

Степень изученности проблемы. Среди историков первым к комплексному изучению дореволюционных отечественных научных организаций приступил А. Д. Степанский, который в 1987 г. опубликовал монографию по этой теме [Степанский, 1987]. Заслуживает внимания объемистая и очень содержательная статья А. Е. Иванова, в которой идет речь о научном прогрессе в начале XX в., о людях русской науки и о научно-технических организациях. Что касается Императорского Русского технического общества (ИРТО), то автор справедливо называет его «штабом научно-инженерной мысли», отмечая также, что у этой организации был целый ряд отделений в провинции [Иванов, 2002: 652—700]. В 2000 г. за рубежом вышло издание, которое представляет собой одновременно как справочник, так и в известной степени исследование о научных организациях, которые существовали в имперской России [Путеводитель..., 2000].

Как нам представляется, в настоящее время наиболее крупным специалистом по истории общественных организаций является А. С. Туманова. В своей монографии она отмечает, что в 1905 г. в России действовало 180 научных обществ, из них научно-технических — десять. Также она отмечает, что ИРТО, несмотря на статус императорской организации, не избежало надзора и стеснений со стороны правительственных структур [Туманова, 2008].

Что касается Иваново-Вознесенского отделения ИРТО, то его деятельность получила отражение на страницах диссертации А. М. Добрыниной. Она останавливается на структуре, просветительной и исследовательской деятельности этой общественной структуры, называет наиболее видных ее деятелей из среды интеллигенции и кратко характеризует различные направления их деятельности [Добрынина, 2000].

Источниковедческий обзор. Для исследования данной темы автор использовал комплекс исторических источников, абсолютное

большинство которых до сих пор не вводилось в научный оборот. В качестве нормативного источника автор проанализировал содержание «Инструкции» Иваново-Вознесенского отделения ИРТО, которая заменяла устав рассматриваемой общественной структуры.

Большая часть привлекавшихся автором документов относятся к источникам делопроизводственным. Из опубликованных привлекались «Отчеты» ИВО ИРТО, в которых даются обзоры деятельности организации за определенный период времени. Они отражают ее в целом адекватно, без преувеличений и видимых искажений. В равной степени отчетные документы организации можно найти в «Записках» отделения, в которых печатались также научно-популярные статьи членов организации и сторонних авторов.

Неопубликованные источники представлены документами Иваново-Вознесенского полицейского управления из Государственного архива Ивановской области¹, оно осуществляло постоянный надзор за легальными общественными организациями. В документах карательных органов мы обнаруживаем повестки дня собраний ИВО ИРТО, донесения полицейских надзирателей, которые присутствовали на этих собраниях. Также документы о надзоре за интересующей нас организацией были найдены нами в фонде канцелярии губернатора в Государственном архиве Владимирской области².

В ходе работы над статьей автор также широко использовал публикации периодической печати. Местная газета «Ивановский листок», принадлежавшая к «желтой» прессе, деятельностью таких организаций, как ИВО ИРТО, не интересовалась, поэтому был проведен фронтальный просмотр губернских газет, выходивших во Владимире. Наиболее надежные сведения содержались в губернском официозе — «Владимирских губернских ведомостях», гораздо осторожнее следует относиться к публикациям общественно-политических изданий — «Владимирской газеты» и «Старого владимирца». В целом, одновременное использование различных видов источников и перекрестная их проверка позволяют исследователю составить адекватную картину событий.

¹ Государственный архив Ивановской области. Ф. 4 (далее: ГАИО).

² Государственный архив Владимирской области. Ф. 14 (далее: ГАВО).

Методология и методы исследования

Автором при работе над темой использовались конкретно-исторические методы исследования: историко-системный, историко-сравнительный и историко-биографический. В рамках историко-системного метода изучаемая нами общественная организация рассматривалась как составная часть большой всероссийской структуры, объединявшей научную и техническую интеллигенцию — Императорского Русского технического общества, а последнее — как часть всего комплекса неполитических и некоммерческих легальных общественных организаций, существовавших в стране на рубеже XIX и XX в. Историко-сравнительный метод помог нам сопоставить деятельность ИВО ИРТО на двух различных этапах его деятельности — в 1870-х и в 1890-х — начале XX в. Это позволило с уверенностью констатировать возрастание общественной активности провинциальной интеллигенции. Историко-биографический метод применялся при изучении жизни и деятельности иваново-вознесенских интеллигентов-активистов, например, таких как С. Д. Смирнов и В. Н. Оглоблин.

Основная часть

В 1866 г. в Петербурге начало свою деятельность Русское техническое общество (РТО). Через восемь лет император Александр II принял на себя покровительство над ним, с тех пор оно именовалось «Императорским» (ИРТО). Главной целью общества было развитие промышленности и техники в России. Руководил обществом совет, состоявший из известных ученых. В Петербурге функционировали 16 профильных отделов этой организации: инженерно-строительный, химический, механический, железнодорожный, техники военного и морского дела и др. Организация издавала отраслевые технические журналы: «Железнодорожное дело», «Техническое образование», «Фотограф», «Химический вестник», «Электричество», «Техника воздухоплавания». ИРТО было тесно связано с высшей школой. Действительными членами и членами-корреспондентами его были многие профессора и преподаватели инженерных институтов, и, разумеется, инженеры [Иванов, 2002: 667].

В обществе насчитывалось около одной тысячи действительных членов. Его штаб-квартира находилась в Петербурге в так называемом Соляном городке на набережной реки Фонтанки. Общество было довольно состоятельным, кроме членских взносов оно получало добровольные пожертвования, сам император Николай II ежегодно выдавал обществу субсидию в 25 тыс. руб. Около 30 % бюджета ИРТО составляли средства, отпускаемые казной. В составе общества действовали его филиалы, называвшиеся отделениями, они работали в сорока различных городах страны, причем не только в губернских. В 1871 г. открылось такое отделение в Вознесенском посаде Шуйского уезда³. Через несколько месяцев, 2 августа 1871 г. посад и село Иваново были объединены в город с двойным наименованием, поэтому отделение стало называться Иваново-Вознесенским. В дальнейшем вместо длинного названия «Иваново-Вознесенское отделение Императорского Русского технического общества» мы будем называть эту организацию просто техническим обществом.

Кроме устава ИРТО члены иваново-вознесенского отделения руководствовались в своей деятельности «Инструкцией» для филиалов, которая была отпечатана в Москве и выдавалась каждому, кто пожелал вступить в эту организацию. Основная цель его звучала не так, как у центральной организации в столице, отделение возникло «для успешного содействия развитию местной промышленности». Высшим органом отделения являлось общее собрание его членов, оно избирало постоянно действующий исполнительный орган — совет. Все участники организации делились на несколько категорий: почетные, действительные члены, соревнователи, члены-корреспонденты⁴.

Возглавить техническое общество уговорили одного из самых богатых и авторитетных фабрикантов Мефодия Никоновича Гарелина, его заместителем стал другой текстильный промышленник — Н. Ф. Зубков. Секретарские обязанности, связанные

³ Русское техническое общество. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 04.10.2021); Сергей Дмитриевич Смирнов: некролог / сост. И. Волков. Иваново-Вознесенск, 1910. С 5.

⁴ Инструкция Вознесенскому отделению Императорского Русского технического общества. М., 1872. С. 3—6.

с ведением протоколов и другой канцелярской работой, сначала исполнял А. Л. Зимин, а потом их возложили на С. Д. Смирнова. В состав организации вошли местные фабриканты: Гарелины, Витовы, Борисовы, Напалковы. Членами ее были и иногородние предприниматели из Шуйского, Ковровского и Вязниковского уездов Владимирской губернии: И. М. Терентьев из Шуи, А. В. Ясунинский и А. А. Щербаков из Кохмы, Шорыгин из Новых Горок, Балин из Южи. Но большую часть членов ИВО составляли инженеры из Иваново-Вознесенска и окрестных промышленных центров⁵.

Основной формой работы общества было проведение технических бесед. Так назывались собрания, на которых заслушивали сообщения о различных новинках в области техники и технологии, в основном связанных с отделкой тканей. Например, в 1875 г. А. Н. Никифоров рассказал своим коллегам о запаривании ситцев артикула «двуроза» (двойного розового) и «гранат». Однако одними текстильными инновациями тематика технических бесед не ограничивалась. Например, инженер Л. А. Остроумов выступил с докладом на тему «Асфальт и его применение», в котором убеждал фабрикантов шире использовать этот новый материал в Иваново-Вознесенске для покрытия дворов и полов на предприятиях. Об устройстве асфальтовых тротуаров и мостовых в городе пока речи не шло, так как проезжую часть мостили булыжником, а тротуары делали из теса⁶.

От ИРТО из столицы иваново-вознесенское отделение получило сообщение о готовившейся в городе Филадельфия (США) выставке, посвященной 100-летию провозглашения независимости США, а заодно приглашение принять участие в этом мероприятии. В хлопотах по подготовке к выставке прошла вся первая половина 1876 г. Еще с января началась отправка техническим обществом экспонатов: это были ткани местных фабрик

⁵ Отчет о действиях Иваново-Вознесенского отделения Императорского Русского технического общества за 1875 г. Владимир, 1876. С. 20—21.

⁶ Владимирские губернские ведомости. 1877. № 12; Отчет о действиях Иваново-Вознесенского отделения Императорского Русского технического общества за 1875 г. С. 5—6.

Полушиных, Н. Гарелина, И. Гарелина, Куваевых, шуйского предприятия Посылиных. В показе своих достижений решились принять участие даже сравнительно небольшие предприятия Лопатиных и Меньшиковых из Иваново-Вознесенска⁷.

Наряду с изделиями текстильной промышленности в июле 1876 г. техническое общество отправило в Соединенные Штаты своего специального представителя. Ему дали подробную инструкцию для сбора коммерческой информации в Филадельфии. Более всего иваново-вознесенских фабрикантов интересовали два вопроса. Во-первых, можно ли покупать хлопок непосредственно в Америке, минуя Англию, и почему американцы сами не предлагают его России. Во-вторых, каков размер пошлины при ввозе в США иностранных ситцев. Последнее означало, что текстильные фабриканты задумывались об экспорте ивановских тканей в западное полушарие. Забегая вперед, скажем, что заокеанский рынок так и не удалось открыть для отечественных фабрик из-за серьезной конкуренции с западными тканями. Отправленный в Филадельфию агент возвратился в Иваново-Вознесенск в конце 1876 г. и доложил на заседании технического общества о том, что ему довелось увидеть на выставке и что ему удалось выяснить о перспективах коммерческих отношений с США⁸.

Отделение приняло участие еще в одном выставочном проекте. Оно отправило текстильные рисунки с иваново-вознесенских фабрик на выставку в Петербург в Музей прикладных знаний. Экспонаты на эту выставку представили фабрики А. Гандурина, Н. Зубкова, Н. Гарелина, И. Гарелина и др.⁹

Одной из важных заслуг технического общества было то, что оно впервые в Ивановском крае организовало геологоразведочные работы. Это было связано с тем, что леса в окрестностях Иваново-Вознесенска и других текстильных центров катастрофически быстро вырубались на дрова. Было решено искать в местных недрах другие виды топлива. Техническое общество отпустило средства, на которые в текстильный край приехал

⁷ Отчет о действиях Иваново-Вознесенского отделения Императорского Русского технического общества за 1875 г. С. 5—6.

⁸ Владимирские губернские ведомости. 1877. № 13, 15.

⁹ Там же. 1878. № 29.

от Императорского минералогического общества геолог А. А. Крылов. Ему было поручено отыскать в местных «подземных кладовых»... каменный уголь. А. А. Крылов с партией рабочих летом 1873 г. провел исследования вдоль железной дороги Ковров — Шуя — Иваново-Вознесенск — Кинешма, а также по берегу Волги от Решмы до Плеса. Уголь он, конечно, не нашел, зато обнаружил большие запасы торфа, пласты которого располагались очень близко к поверхности земли. О результатах своих исследований он сообщил на одном из заседаний технического общества¹⁰.

Престижным проектом технического общества стали созданные им воскресные классы (курсы) технического черчения для рабочих. В октябре 1874 г. совет общества предложил учредить такие курсы для тех, кто трудился в слесарных и модельных мастерских местных фабрик и заводов. Новые знания и практические навыки были им очень нужны, так как большинство рабочих-металлистов владели лишь элементарной грамотой, а профессиональным умениям и навыкам учились у более опытных рабочих по принципу «делай как я». Программу для классов разработал С. Д. Смирнов, который долгое время преподавал черчение и рисование в местном училище для детей мастеровых и рабочих.

Эту программу одобрило губернское начальство во Владимире, и 9 ноября 1875 г. состоялось первое занятие. К сожалению, документы того времени не упоминают имен тех, кто вел занятия на курсах, но с большой долей уверенности можно предположить, что среди них был Сергей Дмитриевич Смирнов, успевавший делать буквально все¹¹.

Программа курса черчения начиналась с того, что ученикам наглядно объясняли такие понятия, как точка, линия, треугольник, квадрат, ромб, окружность, способы измерения площадей. В программе изучали элементарные сведения и по предмету «детали машин»: винт, резьба, шатун, кривошип и др. Во время занятий рабочие пользовались бесплатными учебными пособиями, предоставленными техническим обществом. За ноябрь — декабрь 1875 г. было проведено десять уроков, на которых побывало

¹⁰ Там же. 1874. № 45.

¹¹ Отчет о действиях Иваново-Вознесенского отделения Императорского Русского технического общества за 1875 г. С. 3—4.

238 чел., или в среднем 24 чел. на одном занятии. Популярность курсов возрастала, с каждым уроком число учащихся увеличивалось. Газета «Владимирские губернские ведомости», сообщавшая о начале работы курсов, писала, что их организаторы с немалым удивлением заметили, что рабочие оказались «довольно понятливыми». В 1877 г. в рамках курсов было проведено 65 занятий, их более или менее постоянно посещали 133 чел.

Больше всего взрослых курсантов было набрано с фабрик Н. Ф. Зубкова, Н. М. Полушина, Н. М. Гарелина. Все расходы по устройству этих воскресных классов взял на себя председатель технического общества фабрикант М. Н. Гарелин. Последние сведения о воскресных классах относятся в 1879 г., тогда на них были сформированы уже две отдельные группы: для взрослых рабочих и для малолетних. Занятия с рабочими прекратились, по нашим предположениям, в начале 1880-х гг.¹²

В техническое общество из Петербурга был прислан разработанный в столичных канцеляриях проект закона об ограничении труда малолетних и подростков. Члены общества, что характерно — не только инженеры, но и фабриканты, в 1875 г. высказались за то, чтобы для этих категорий работников был введен 8-часовой рабочий день. Мнения о работе несовершеннолетних, полученные с мест, стали важным побудительным толчком для принятия в 1882 г. государственного нормативного акта об ограничении их труда.¹³

В 1875 г. некоторые члены общества выдвинули предложения о выработке комплекса правил по технике безопасности на фабриках. Характерно, что оно исходило от председателя Иваново-Вознесенского отделения ИРТО фабриканта Мефодия Ивановича Гарелина, которого в советский период мемуаристы и исследователи-краеведы сплошь и рядом обвиняли в таких грехах, как особенно жестокая эксплуатация рабочих, жадность и т. п.

¹² Владимирские губернские ведомости. 1876. № 25; Отчет о действиях Иваново-Вознесенского отделения Императорского Русского технического общества за 1875 г. С. 4.

¹³ Отчет о действиях Иваново-Вознесенского отделения Императорского Русского технического общества за 1875 г. С. 2, 5, 15; Сергей Дмитриевич Смирнов: некролог. С. 5.

Предложение М. Н. Гарелина было более чем своевременным, так как несчастные случаи происходили на местных фабриках нередко. С 1876 г. началась разработка таких норм. Шла она отнюдь не быстро, и только в 1879 г. правила техники безопасности разослали по фабрикам не только Иваново-Вознесенска, но и Шуи, Кохмы. Отметим в этой связи, что правила носили не обязательный, а рекомендательный характер¹⁴.

В каждом городе были свои изобретатели-самоучки. Они, не считаясь с затратами собственных денежных средств и времени, что-то выдумывали, а потом мастерили. Это могла быть очередная модель вечного двигателя или же менее глобальный, но более осуществимый проект из области механики. Для того чтобы самоутвердиться или получить одобрение своих новаторских идей, эти местные Кулибины шли в техническое общество. Например, в 1879 г. на его заседании рассматривались некие изобретения конструктора Шахова из Иваново-Вознесенска. Что он представил на суд специалистов с высшим образованием, в отчете отделения не говорилось. Известно только, что по двум его изобретениям общество ходатайствовало перед властями о выдаче патентов на них¹⁵.

Деятельность Иваново-Вознесенского отделения ИРТО прекратилась в середине 1880-х гг., причем, еще в первой половине того же десятилетия оно работало довольно вяло, главное заключалось в том, что председатель отделения М. Н. Гарелин утратил интерес к этой сфере общественной деятельности. Около десяти лет техническое общество в Иваново-Вознесенске не подавало никаких признаков жизни.

Инициатором его второго рождения стал С. Д. Смирнов, без которого в конце XIX в., кажется, не обходилось ни одно общественное начинание в Русском Манчестере. В январе 1893 г. он направил в Совет ИРТО в столицу письмо, в котором запрашивал, как возродить организацию в Иваново-Вознесенске. Оттуда ответили, что, как только удастся набрать 20 чел., желающих участвовать в ней, следует дать знать об этом в Петербург и оттуда последует разрешение на возобновление работы отделения.

¹⁴ ГАВО. Ф. 14. Оп. 6. Д. 846. Л. 3.

¹⁵ Там же. Л. 2.

Собрать два десятка подписей под прошением не составило труда. В это число, как и ранее, в 1870-х гг., вошли фабриканты и инженеры с местных текстильных предприятий. В июне 1894 г. Совет ИРТО дал разрешение на восстановление отделения в Иваново-Вознесенске. 26 февраля 1895 г. состоялось его первое после длительного перерыва собрание.

Несмотря на настойчивые просьбы, прежний руководитель организации М. Н. Гарелин отказался от председательствования, руководителем технического общества стал Николай Арсеньевич Ясюнинский — владелец крупной текстильной фабрики в селе Кохма. Его заместителем стал ивановский фабрикант П. Н. Дербенев, секретарем — неизменный С. Д. Смирнов. Через несколько лет председателем технического общества был выбран М. Н. Крылов, товарищем его — Ф. Ф. Надлер (оба — инженеры), секретарем стал преподаватель местной школы колористов И. И. Иванов. Таким образом, фабриканты на время ушли из руководства организации, но членами общества они оставались. Позже организацию возглавил фабрикант Владимир Антонович Гандурин¹⁶.

Отличительной особенностью рассматриваемого нами второго этапа работы технического общества (1895—1917 гг.) является увеличение числа инженеров, преподавателей местных учебных заведений. Это объяснялось тем, что в городе открылись новые общеобразовательные и профессиональные учебные заведения, так что людей с высшим техническим образованием на предприятиях стало заметно больше, чем в 1870-х гг. Среди членов общества мы видим колориста с фабрики Фокина Ф. Ф. Надлера, колориста с предприятия Н. Гарелина И. Г. Волкова, директора по технической части фабрики Новикова В. Н. Оглоблина, преподавателя реального училища А. В. Грушке, фабричных инспекторов Н. Н. Юргенсона, П. Я. Митрофанова и др.

Одной из самых значимых фигур в ИВО ИРТО в это время являлся член совета отделения Владимир Николаевич Оглоблин — директор по технической части фабрики Новикова. На рубеже XIX—XX вв. он являлся одним из широко известных в России

¹⁶ ГАИО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 77. Л. 7; ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1156. Л. 1, 2, 4, 5; Сергей Дмитриевич Смирнов: некролог. С. 5—6.

специалистов по отделке тканей. В. Н. Оглоблин — автор целого ряда соответствующих трудов, вышедших в столичных издательствах: «Кустарное крашение и меры к поднятию вообще кустарной промышленности» (1889), «Вода в красильном производстве» (1892), «Колористический сборник. Обзорение литературы за 1894 г. по технике красящих веществ, беления, крашения и печатания хлопчатобумажного товара» (1896)¹⁷.

Основной формой активности организации, как и прежде, являлись технические беседы. Например, Ф. А. Еремин сделал два сообщения: «Об электрических аккумуляторах» и «О рентгеновских лучах», Н. О. Артари-Колумб — «Об ацетилене как светильном газе». Темы свидетельствуют о том, что члены технического общества стремились быть в курсе новинок науки и техники того времени¹⁸.

Руководители отделения заботились о том, чтобы расширить общий кругозор членов организации в области естественных наук. В марте 1911 г. в зале Общественного собрания в Иваново-Вознесенске приват-доцент Московского университета М. Н. Новиков прочел лекцию «Современное состояние биологии». Для наглядности она сопровождалась показом «туманных картин» (слайдов) через «волшебный фонарь» (диапроектор) и продолжалась около двух часов¹⁹.

Нельзя сказать, что фабриканты были безмолвными слушателями на технических беседах, они сами выступали с сообщениями, будучи специалистами своего дела (многие из них в начале XX в. имели высшее техническое образование). В. А. Гандурин сделал доклад «О сушилке своей системы с возвратом исходящего горячего воздуха». Сама формулировка темы свидетельствует о том, что сушилка была сконструирована самим Гандуриным или при его непосредственном участии. Нужно учесть, что владелец крупной текстильной фабрики В. А. Гандурин имел высшее техническое образование, окончил Петербургский

¹⁷ Оглоблин Владимир Николаевич. URL: <http://gufo-me.turborages.org> (дата обращения: 14.10.2021).

¹⁸ Отчет о деятельности Иваново-Вознесенского отделения Императорского Русского технического общества за 1896 г. [Б. м.], [б. г.].

¹⁹ Старый владимирец. 1911. 15 марта.

политехнический институт²⁰. Большую активность проявлял председатель общества Н. А. Ясюнинский. Сфера его интересов была весьма широкой, об этом говорят темы его сообщений на заседаниях общества: «Об огнестойком строительстве», «О влиянии перемен в составе рабочих на число несчастных случаев». В последнем докладе шла речь о том, что большая текучесть в составе рабочих влекла за собой рост уровня травматизма²¹.

Вскоре после основания Русского технического общества оно стало издавать свой периодический орган, называвшийся «Записками». В филиал ИРТО в Иваново-Вознесенске в 1870-х гг. они поступали в нескольких десятках экземпляров и раздавались практически всем членам организации. В 1878 г. С. Д. Смирнов выступил с инициативой издавать «Записки» Иваново-Вознесенского отделения²².

Однако ждать этого пришлось довольно долго. Первый том «Записок» вышел в Иваново-Вознесенске только в 1904 г. при активном участии того же С. Д. Смирнова. Разрешение начальства на выпуск местного научного издания было получено 4 мая 1904 г. Его учредители представили программу этого периодического органа. В нем предполагались следующие разделы: 1. Протоколы общих собраний отделения. 2. Доклады и сообщения, сделанные на его заседаниях. 3. Отчеты о работе химической лаборатории. 4. Ежегодные отчеты о деятельности отделения²³.

И. А. Волков, который в 1910 г. писал некролог С. Д. Смирнова, вспоминал, с каким торжеством Сергей Дмитриевич принес ему пахнувший типографской краской том, полное название которого звучало так: «Записки Иваново-Вознесенского отделения Императорского Русского технического общества». Они печатались во Владимире в типографии губернского правления. Была открыта подписка на это издание, плата за год составляла всего 3 руб. Редакторские обязанности исполняли инженеры: сначала А. В. Грушке, его сменил В. А. Михирев, а затем

²⁰ Журналы и доклады чрезвычайных и очередного Шуйского уездного земского собрания 1914 г. Шуя, 1915. С. 87.

²¹ ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1308. Л. 10д.

²² Сергей Дмитриевич Смирнов: некролог. С. 5.

²³ ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 3825. Л. 8.

издание взялся курировать Н. А. Сыхра. Строгой периодичности в издании «Записок» не было, все зависело от поступления денежных средств, энергичности редактора и наличия интересных материалов для публикации.

Большую часть содержания составляли тексты тех сообщений, с которыми члены общества выступали на его заседаниях. Например, в «Записках» за 1911 г. появилось сообщение В. А. Михирева «О расходе воды на ситцевой и отбельной фабриках Товарищества Н. Дербенева». В этом сообщении, с которым он выступил на собрании 10 декабря 1910 г., поднимались в числе других вопросы экологии, связанные с катастрофическим загрязнением реки Уводь сбросами с текстильных фабрик [Записки, 1911]. Главной отраслью промышленности в дореволюционном Иваново-Вознесенске являлось отделочное производство, поэтому большинство статей было так или иначе связано с прикладными химическими проблемами [Записки, 1913].

В «Записках» печатались научные статьи известных ученых. В 1908 г. здесь было помещено сообщение А. П. Лидова об отбеливании тканей. Профессор А. П. Лидов в свое время трудился на известной во Владимирской губернии отделочной фабрике А. И. Баранова в Струнине, в дальнейшем он преподавал в Харьковском технологическом институте химическую технологию, написал ряд научных трудов по проблемам химии и экологии, в частности, об очистке фабричных сточных вод [Записки, 1908].

В заключении этого сюжета особо отметим, что «Записки» ИВО ИРТО были первым и единственным в дореволюционном Иваново-Вознесенске научным периодическим изданием.

Вскоре после своего возрождения в 1890-х гг. техническое общество обзавелось библиотекой, в которой была сосредоточена исключительно специальная литература. Этот фонд находился в здании Иваново-Вознесенской публичной библиотеки. В 1898 г. здесь насчитывалось около 600 томов по технической тематике общей стоимостью в 3 тыс. руб., среди них было особенно много объемистых атласов технических чертежей. В дальнейшем число книг возрастало. Техническое общество получало специальные периодические издания: «Горный журнал», «Ремесленную газету», «Технический вестник», «Зодчий», «Неделю строителя» и др.

Сюда приходили издания отделений ИРТО: Киевского, Одесского, Саратовского и др.²⁴

Техническая библиотека была открыта ежедневно с 10 до 15 часов, за посещение читального зала денег не брали, а за то, чтобы взять книги на дом, необходимо было заплатить. Кроме инженеров и фабрикантов, наведывавшихся в библиотеку за новинками специальной литературы, сюда приходили студенты столичных технических вузов, приезжавшие в родной город на каникулы. Во время учебного года книги брали учащиеся Иваново-Вознесенской школы колористов. В 1910 г. библиотеку посетили 210 чел., было оформлено 990 требований на книги и журналы²⁵.

В начале XX в. на иваново-вознесенских фабриках действовало несколько десятков химических лабораторий. В них производили и испытывали синтетические красители и другие химикаты, которые были необходимы в отделочном производстве. Описание таких лабораторий на фабриках Н. Гарелина, И. Гарелина, Зубковых, Н. Дербенева, Новиковых было направлено через ИВО ИРТО в юбилейный сборник Императорского Московского общества любителей естествознания в 1901 г.²⁶ Однако эти лаборатории, к сожалению, были частными и, соответственно, недоступными для посторонних лиц, которым нужно было провести те или иные анализы. Кроме того, в этих фабричных подразделениях не было возможности проводить комплексные и глубокие анализы различных веществ. При необходимости приходилось везти нужные продукты и вещества в Москву, тратя на это немалые средства. Между тем, анализ продовольственных товаров требовался для торговцев, вещественных доказательств — для сотрудников карательных органов²⁷.

В связи с этим в августе 1903 г. техническое общество открыло химико-аналитическую лабораторию, которая находилась в местной школе колористов. Цели ее были сформулированы в небольшой рекламной брошюре, изданной в Иваново-Вознесенске в 1903 г. В ней говорилось, что это учреждение может

²⁴ ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 670. Л. 5, 16.

²⁵ Бесплатная иваново-вознесенская газета объявлений. 1910. 18 дек.; ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1308. Л. 10д.

²⁶ ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 670. Л. 2.

²⁷ Старый владимирец. 1910. 17 дек.

давать заключения о «химическом составе и доброкачественности материалов, пищевых продуктов». Здесь же могли проверять термометры, ареометры и другие приборы. Образцы твердых веществ следовало представить в количестве от полуфунта до фунта в плотно закупоренной банке. Жидкости надо было приносить в сосудах емкостью до половины ведра. Это касалось солей, кислот, красок²⁸.

Оплата за проведение анализов производилась по определенному тарифу. Полный анализ воды обходился в 25—35 руб., определение степени пригодности воды для питья — 5 руб., для технических целей — 10—15 руб. В 1912 г. в это учреждение поступили 48 заказов. В частности, на анализ были представлены: хлопок, угары (отходы текстильного производства), кислоты, глицерин, мыло, накипь на котлах, патока, питьевая вода и многое другое²⁹.

Заведовал лабораторией преподаватель школы колористов Иродион Иванович Иванов, который получал за свои труды 150 руб. в год. Важной заслугой этого человека было то, что он в 1914 г. провел анализ воды из артезианской скважины, пробуренной на территории Покровской мануфактуры. И. И. Иванов убедительно доказал, что эту воду можно использовать в лечебных целях. Позже она стала широко применяться в бальнеологической лечебнице, созданной здесь в 1948 г.

В апреле 1916 г. на заседании ИВО ИРТО было принято решение создать в Русском Манчестере справочное бюро для покупки фабрикантами сырья и оборудования и для содействия предприятиям, изготовлявшим продукцию, которая ранее (до начала Первой мировой войны) импортировалась в Россию. Таким образом, отделение способствовало проводившемуся в это время курсу отечественной экономики на импортозамещение³⁰.

Вскоре после своего второго рождения общество решило возобновить для рабочих классы технического рисования, которые действовали в 1870—1880-х гг. и показали себя с самой лучшей стороны. Была создана постоянная комиссия по техническому образованию, которая занялась подготовкой к открытию классов,

²⁸ Химико-аналитическая лаборатория Иваново-Вознесенского отделения ИРТО в Иваново-Вознесенске при школе колористов. Иваново-Вознесенск, 1903. С. 3.

²⁹ Там же. С. 4.

³⁰ Старый владимирец. 1916. 15 апр.

а потом руководила ими. В 1896—1897 гг. составили программу и «Положение» о классах, эти документы утвердили во Владимире. Начиная с 1898/99 учебного года это общественное учебное заведение после перерыва почти в два десятилетия снова начало функционировать.

Для слушателей-рабочих посещение классов было совершенно бесплатным: организаторы понимали, что абсолютное большинство учащихся было не в состоянии платить за учебу. На содержание классов жертвовали деньги крупнейшие текстильные фирмы Русского Манчестера: Куваевская и Покровская мануфактура, фабрики М. Н. Гарелина, И. Н. Гарелина, Зубковых, А. М. Гандурина. Конкурс в эти классы был настолько высоким, что приходилось брать не более половины желавших поступить. Курс обучения был четырехгодичным, в первом классе слушателей распределяли на два отделения: для малограмотных и совсем неграмотных. Со второго класса уровень подготовки рабочих двух отделений выравнивался, и они начинали посещать занятия совместно. В 1902/03 учебном году в 1—3-х классах занимались примерно по 60 чел., в последнем 4-м классе — 20 чел., т. е. отсев был очень значительным³¹.

Программа обучения включала не только специальные, но и общеобразовательные дисциплины. В частности, в 1904 г. русскому языку, арифметике, истории и географии рабочих обучала А. К. Жарова, уроки Закона Божия вел диакон В. А. Соловьев, геометрии — Н. Д. Лоповок, физику — М. П. Воскресенский из реального училища, химию и механику — упоминавшийся выше И. И. Иванов, черчение — Г. Б. Зедлер из механико-технического училища. Таким образом, организаторам классов удалось привлечь к преподаванию квалифицированных специалистов из местных начальных, средних и профессиональных учебных заведений³².

В отличие от классов 1870—80-х гг., в которых преподавалось фактически одно лишь черчение, здесь большее внимание

³¹ Владимирская газета. 1902. 27 нояб.; 1903. 7 июня; Отчет о деятельности Иваново-Вознесенского отделения Императорского Русского технического общества за 1902 г. Иваново-Вознесенск, 1903. С. 7—9.

³² Там же.

уделялось общеобразовательным дисциплинам. Некоторых рабочих приходилось учить грамоте с самых азов. К числу специальных дисциплин в программе курсов можно было отнести только черчение и механику.

В конце учебного года слушатели держали серьезные экзамены. На них обычно присутствовал председатель технического общества Н. А. Ясюнинский, другие руководители этой организации. Успешно окончившим классы выдавали серьезные свидетельства о полученных знаниях. Если выпускники желали продолжить профессиональное образование, то такие документы можно было подать при поступлении в казенные технические учебные заведения, предьявителям их предоставлялось преимущество при поступлении³³.

К сожалению, классы проработали всего только 6 лет. Фатальную роль в их судьбе сыграли события первой российской революции. В мае 1905 г. в Иваново-Вознесенске началась всеобщая стачка. После короткого затишья революционные выступления возобновились в октябре 1905 г., когда ивановские рабочие приняли участие во Всероссийской политической стачке. В городе после объявления царского манифеста 17 октября 1905 г. прекратили работу промышленные предприятия, проходили митинги, демонстрации. Затем начались выступления праворадикальных сил, переросшие в массовые погромы.

В 1905/06 учебном году занятия в классах начались 3 октября 1905 г. в относительно спокойной обстановке. Но, по мере того как в стране и в городе по нарастающей развертывались революционные события, настрой рабочих на мирную учебу постепенно испарялся. Многие из них перестали посещать занятия, наверняка в классах циркулировала нелегальная литература, листовки, которые сотнями разбрасывались по улицам. В связи с этим руководители технического общества приняли решение временно закрыть классы [Записки, 1910].

Через несколько лет, когда революционная волна схлынула, техническое общество решило снова открыть их. Иваново-вознесенские фабриканты отпустили на это 1650 руб., Шуйское земство разрешило проводить занятия в вечернее время в помещении

³³ ГАИО. Ф 4. Оп. 1. Д. 670. Л. 4.

своего училища. Руководить классами дали согласие опытные профессиональные педагоги А. А. Селиванов и Н. Д. Лоповок. Удалось набрать девять опытных преподавателей. На учебу записалось немало рабочих. В местной печати сообщалось, что классы открываются 16 января 1911 г. Однако, к сожалению, ни в этот день, ни в последующие, учеба так и не началась. Чиновники из канцелярии Московского учебного округа, в которой решался вопрос об открытии, посчитали, что не стоит повторять опыт с классами, закончившийся в 1905 г. столь плачевно. Их открытия так и не удалось добиться ни в 1911 г., ни в последующие годы³⁴.

Заключение

На рубеже XIX—XX вв. в России постепенно появлялись отдельные элементы гражданского общества, хотя до формирования его было пока еще очень далеко. Одним из отчетливых маркеров этого процесса было появление десятков и сотен общественных организаций не только в столицах, но и в провинции как губернского, так и уездного уровня. Наиболее важными действующими лицами этих обществ являлись предприниматели и интеллигенция. Последняя вносила в их деятельность свою инициативу, энергию. Первые снабжали их материальными средствами, хотя некоторые деловые люди реально участвовали в практической общественной работе.

Императорское Русское техническое общество и его многочисленные отделения на местах были в этом отношении типичным общественным объединением. В нем вместе работали как фабриканты, так и интеллигенция: в Петербурге и Москве — ученые и инженеры, в провинции — в основном инженерно-технические работники. Судя по данным о составе администрации иваново-вознесенских фабрик, абсолютное большинство служащих с высшим образованием состояло в ИВО ИРТО. Они испытывали настоятельную потребность в повышении профессиональной квалификации. В связи с этим в рамках отделений ИРТО, в том числе Иваново-Вознесенского, такое повышение квалификации осуществлялось путем обмена опытом на технических

³⁴ ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1308. Л. 10в, 10г, 11; Старый владимирец. 1911. 18 янв.

беседах, которые проводились регулярно. Доклады инженеров были посвящены новинкам техники, технологическим инновациям в отделке тканей, путям решения социальных проблем фабричной жизни. С докладами здесь выступали и фабриканты, принадлежавшие к молодому поколению деловых людей, и имевшие высшее техническое образование.

Среди других направлений деятельности инженерно-технической интеллигенции в местном отделении ИРТО была организация химико-аналитической лаборатории, которая имела возможность проводить комплексные исследования высокой степени сложности, устройство научно-технической библиотеки. Эти проекты также способствовали профессиональному росту интеллигенции. Было налажено элементарное техническое обучение тех рабочих, которые стремились к расширению своего кругозора и повышению квалификации.

Однако инженерно-техническая интеллигенция чувствовала себя не очень комфортно в одной организации вместе с фабрикантами. Естественно, что последние доминировали здесь, и проявлять инициативу представителям интеллигенции было порой сложно. Выступить открыто против диктата фабрикантов инженеры не решались, так как зависели от них как от работодателей. Именно это обстоятельство стало причиной того, что в начале XX в. инженерно-техническая интеллигенция в Иваново-Вознесенске создала свою чисто корпоративную интеллигентскую организацию — кружок технологов. История этой организации представляет собой самостоятельную тему для исследования.

Список источников

- Добрынина А. М. Неполитические общественные организации Владимирской губернии в 1860-х — феврале 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2000. 187 с.
- Записки Иваново-Вознесенского отделения ИРТО. 1908. Вып. 2. Иваново-Вознесенск, 1908. 84 с.
- Записки Иваново-Вознесенского отделения ИРТО. 1910. Вып. 2. Иваново-Вознесенск, 1910. 106 с.
- Записки Иваново-Вознесенского отделения ИРТО. 1911. Вып. 1. Иваново-Вознесенск, 1911. 126 с.

- Записки Иваново-Вознесенского отделения ИРТО. 1913. Т. XIV. Иваново-Вознесенск, 1913. 128 с.
- Иванов А. Е. Наука // Россия в начале XX века. М.: Новый Хронограф, 2002. С. 652—700.
- Путеводитель по научным обществам России / сост. И. И. Комарова. Нью-Йорк: Ross, 2000. 883 с.
- Степанский А. Д. История научных учреждений и организаций дореволюционной России. М.: Моск. гос. ист.-арх. ин-т, 1987. 86 с.
- Туманова А. С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М.: Новый Хронограф, 2008. 320 с.

References

- Dobrynina, A. M. (2000), *Nepoliticheskie obshchestvennye organizatsii Vladimirskoi gubernii v 1860-kh — fevrale 1917 g.* [Non-political public organizations of the Vladimir province in the 1860s — February 1917], Ph. D. (History) Thesis, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Ivanov, A. E. (2002), ‘Nauka’, in *Rossii v nachale XX veka* [Russia at the beginning of the XX century], Novyi Khronograf, Moscow, Russia: 652—700.
- Komarova, I. I. (comp.) (2000), *Putevoditel’ po nauchnym obshchestvam Rossii* [Guide to scientific societies of Russia], Ross, New-York, N. Y.
- Stepansky, A. D. (1987), *Istoriia nauchnykh uchrezhdenii i organizatsii dorevoliutsionnoi Rossii* [History of scientific institutions and organizations of pre-revolutionary Russia], Moskovskii gosudarstvennyi istoriko-arkhivnyi institut, Moscow, Russia.
- Tumanova, A. S. (2008), *Obshchestvennye organizatsii i russkaia publika v nachale XX veka* [Public organizations and the Russian public in the early XX century], Novyi Khronograf, Moscow, Russia.
- Zapiski Ivanovo-Voznesenskogo otdeleniia IRTO* [Notes of the Ivanovo-Voznesensky branch of the IRTO] (1908), iss. 2, Ivanovo-Voznesensk, Russia.
- Zapiski Ivanovo-Voznesenskogo otdeleniia IRTO* [Notes of the Ivanovo-Voznesensky branch of the IRTO], (1910), iss. 2, Ivanovo-Voznesensk, Russia.
- Zapiski Ivanovo-Voznesenskogo otdeleniia IRTO* [Notes of the Ivanovo-Voznesensky branch of the IRTO], (1911), iss. 1, Ivanovo-Voznesensk, Russia.

Zapiski Ivanovo-Voznesenskogo otdeleniia IRTO [Notes of the Ivanovo-Voznesensky branch of the IRTO] (1913), vol. XIV, Ivanovo-Voznesensk, Russia.

Статья поступила в редакцию 09.11.2021; одобрена после рецензирования 05.12.2021; принята к публикации 29.12.2021.

The article was submitted 09.11.2021; approved after reviewing 05.12.2021; accepted for publication 29.12.2021.

Информация об авторе / Information about the author

К. Е. Балдин — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Ивановский государственный университет, Россия.

K. E. Baldin — Doctor of Science (History), Professor, Professor of the Department of Russian History, Ivanovo State University, Russia.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ INTELLIGENCE IN MODERN SOCIETY

Интеллигенция и мир. 2022. № 2. С. 52—77.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 2. P. 52—77.

Научная статья

УДК 821.161.1.09(571.6)"1990/2000"

DOI: 10.46725/IW.2022.2.3

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ В РОССИИ 1990—2000-х гг. В ЗЕРКАЛЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Елена Сергеевна Волкова

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
ДВО РАН, Владивосток, Россия, elenavolkova1@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6130-0299>

Аннотация. Перестройка дала старт новому этапу взаимодействия общества и власти в стране. Интеллигенция, в том числе художественная, выступала застрельщиком перемен, поэтому рефлексия литераторов на происходившие события и процессы, безусловно, заслуживает внимания. Предметом анализа выступают прозаические и поэтические произведения дальневосточных литераторов, созданные преимущественно в 1990—2000-х гг. Автор ставит задачи выявить основные практики взаимодействия общества и власти, которые нашли отражение в художественных текстах, определить отношение дальневосточных литераторов к этим практикам и к власти в целом, соотнести эти оценки

© Волкова Е. С., 2022

с преобладающим общественным мнением. В процессе исследования использовался дискурс-анализ, исторический синтез, системно-структурный, сравнительный и социально-психологический методы.

Анализ литературных произведений показывает, что «демократический романтизм» рубежа 1980—1990-х гг. быстро сменяется разочарованием, поскольку демократические институты оказались не в состоянии обеспечить реализацию важнейших потребностей жителей региона: определяющую роль сыграли резкое падение уровня жизни большинства населения, разрушение социальной инфраструктуры, рост преступности. Спорадические всплески политической активности не приносят результата, укрепляя дальневосточников в убеждении: отстаивать свои интересы с помощью классических демократических институтов и практик очень сложно, практически невозможно. В итоге значительная часть граждан и вовсе отказывается вступать в диалог с властью и «голосует ногами», покидая регион. Художественные тексты демонстрируют критический настрой дальневосточных писателей по отношению к власти и действующим демократическим институтам, связанный в том числе с падением благосостояния и общественного статуса провинциальной творческой интеллигенции в постсоветский период. Позиция литераторов, в общем и целом, отражает мнение широких слоёв населения, согласуясь с данными соцопросов и заключениями целого ряда исследователей.

Ключевые слова: Дальний Восток России, 1990-е, 2000-е, постсоветский период, демократия, общество и власть, гражданское участие, художественная литература, художественная интеллигенция

Для цитирования: Волкова Е. С. Взаимодействие общества и власти в России 1990—2000-х гг. в зеркале дальневосточной художественной литературы // Интеллигенция и мир. 2022. № 2. С. 52—77.

INTERACTION BETWEEN THE SOCIETY AND THE AUTHORITIES IN RUSSIA IN THE 1990—2000s IN THE MIRROR OF FAR EASTERN FICTION

Elena S. Volkova

Researcher of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of the RAS, Vladivostok, Russia, elenavolkova1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6130-0299>

Abstract. Perestroika marked the beginning of a new stage in the interaction of society and the authorities, the formation of Western-style democratic institutions is underway in the country. The intelligentsia, including the artistic one, initially acted as the instigator of change, the reflection of writers on the events and processes taking place in the country certainly deserves attention. The subject of analysis is the prose and poetic works of the Russian Far Eastern writers, created mainly in the 1990—2000s. The author seeks to identify the main democratic institutions and practices of civic participation, which are reflected in literary texts, and specific features of the interaction of society and government in the Far Eastern region, to determine the attitude of writers to “democracy in Russian”, to establish how these assessments relate to the prevailing public opinion. The research used discourse analysis, historical synthesis, system-structural, comparative and socio-psychological methods.

Analysis of works of art shows that “democratic romanticism” at the turn of the 1980—1990s quickly gives way to disappointment, because the institutions and practices traditional for Western democracies were unable to meet the most important needs of residents of the region. The sharp drop in the living standards of majority of the population and the rise in crime undermined confidence in post-Soviet democracy. Sporadic bursts of political activity do not bring results, strengthening the Far Easterners in the conviction that it is very difficult, almost impossible, to defend their interests with the help of classical democratic institutions and practices. As a result, a significant part of the citizens does not want to enter into a dialogue with the authorities, which, in their opinion, are unable to act as an adequate counterparty. The position of writers in general reflects the opinion of broad strata of the population, consistent with the data of opinion polls and the conclusions of a number of researchers.

Keywords: Russian Far East, 1990s, 2000s, post-Soviet period, democracy, society and authority, civic participation, fiction, artistic intelligentsia

For citation: Volkova, E. S. (2022), 'Interaction between the society and the authorities in Russia in the 1990—2000s in the mirror of far eastern fiction', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 52—77 (in Russ.).

Введение

Актуальность. С момента распада СССР и начала нового периода в истории России минуло тридцать лет, но результаты радикальных рыночных реформ до сих пор, в общем и целом, определяют ткань социальной реальности. В то же время надо признать, что за три десятилетия наша страна прошла определенный пореформенный путь, что дает уже возможность историкам производить научный анализ событий и процессов конца XX — начала XXI в. Дальний Восток, двигаясь в русле общероссийских процессов, тем не менее имел свою специфику, во многом обусловленную географическим положением региона и его предшествующей историей.

Интеллигенция, в том числе художественная, с «перестроечных» лет выступала застрельщиком перемен, и рефлексия литераторов на происходящие в стране события и процессы, безусловно, заслуживает внимания. С. Г. Кара-Мурза называет интеллигенцию главным субъектом легитимизации в современном обществе (по М. Веберу, легитимность является непременным условием устойчивости власти) [Кара-Мурза, 2012: 11—13]. Предметом анализа в данном исследовании выступают поэтические и прозаические произведения дальневосточных авторов, созданные преимущественно в 1990—2000-х гг.¹ По Ю. М. Лотману, художественный текст является конденсатором культурной памяти и генератором

¹ Использовано также несколько произведений, увидевших свет в 2010-х гг. (однако описанные в них события относятся к интересующему нас периоду — 1990—2000-м гг.).

смыслов, не только осваивая окружающую действительность, но в конечном итоге и воздействуя на нее [Лотман, 2002: 189—190].

Постановка вопроса. Все упоминаемые в статье литераторы пишут о современных им событиях и процессах, и главная ценность художественных произведений как исторического источника заключается в том, что они создают «эффект погружения» в интересующую нас эпоху вместе с ее повседневными структурами. Не претендуя на фактическую точность в изложении событий, происходивших в конкретное время в конкретном месте (а порой даже используя метод магического реализма), писатели-современники *volens-nolens* транслируют дух эпохи, социально-исторические типы поведения и образ мышления, что при анализе взаимоотношений общества и власти представляется особенно важным. Художественная литература, по меткому замечанию исследователя А. К. Соколова, обладает способностью «улавливать существующие в обществе настроения задолго до того, как они будут систематизированы и сделаны явно выраженными на языке науки» [Соколов, 2002: 63].

Задачи настоящего исследования — выявить основные практики взаимодействия общества и власти, которые нашли отражение в художественных текстах, определить отношение дальневосточных литераторов к этим практикам и к власти в целом, попытаться соотнести эти оценки с преобладающим общественным мнением.

Методология и методы. После ликвидации цензуры в перестроечный период литераторы были избавлены от необходимости использовать эзопов язык, иносказания и намеки, тем не менее, не вся интересующая нас информация лежит на поверхности. Автор зачастую не вдается в подробности и не комментирует то, что считает общеизвестным и само собой разумеющимся для современников. Свое отношение к демократическим институтам и практикам он может выражать прямо или опосредованно (через сюжет, через лирического героя, через образы и символы своего времени и пр.). Работая с художественными текстами, исследователю приходится неоднократно «настраивать» и «перенастраивать» оптику, привлекать дополнительные источники и справочные материалы. В то же время, по словам Ю. Н. Ковалевской, при изучении недавнего прошлого анализировать источники историку все же проще,

чем при обращении к «преданиям старины глубокой», поскольку здесь он обладает опытом «включенного наблюдения» [Ковалевская, 2011: 69].

В процессе исследования использовался дискурс-анализ, исторический синтез, системно-структурный, сравнительный и социально-психологический методы. Как справедливо отмечает Х.-Г. Гадамер, «отдельные тексты вместе с другими источниками и свидетельствами объединяются для историка в единство предания в целом. Единство этого целого и есть его подлинный герменевтический предмет» [Гадамер, 1988: 401].

Основная часть

**«...А мы считали, что Свобода всего нужней,
всего важней»**

В позднесоветский период основными формами взаимодействия общества и власти выступали обращения в партийные и советские органы, в средства массовой информации, были и дополнительные способы обратной связи, но при апеллировании к власти граждане чаще всего ограничивались жилищной и социально-бытовой тематикой [Коняхина, 2014: 44]. Новый этап начинается в конце 1980-х гг., в эпоху перестройки, когда стремительно расширяется спектр обсуждаемых вопросов и формируется запрос на такие, традиционные для западных демократий, формы гражданской активности, как участие в выборах на альтернативной основе, референдумах, акциях прямого действия (митингах, пикетах, забастовках и т. п.), работа в общественных организациях и политических партиях, подписание петиций, воззваний и т. д.

Определяющей характеристикой в восприятии обществом этого периода становится *свобода*, широкие слои населения приходят в состояние эйфории. Социолог В. В. Петухов использует для характеристики общественных настроений конца 1980-х — начала 1990-х гг. понятие «демократический романтизм» [Петухов, 2012: 55]. «*Ликуйте — ослаблены гайки! / И винтикам сладко скрипеть, / Не веря, что призрак нагайки / Посмеет над ними взлететь*», — иронизирует по этому поводу сахалинский писатель В. В. Семенчик [Семенчик, 2015: 108].

Интерес к демократическим процедурам и политическим баталиям в начале девяностых зашкаливал, в этот период политика и политики становятся неотъемлемой частью повседневной жизни и непреходящей темой разговоров в семье, при общении с друзьями, соседями, коллегами, случайными знакомыми... Герои литературных произведений дальневосточных авторов с жаром обсуждают программы политических партий и независимые СМИ, свою собственную политическую деятельность и *«посиделки в Кремле»*, кто-то *«Борю Ельцина хаёт на чём свет стоит»* [Гребенюков, 1999b: 46], а кто-то поднимает за него тост. Лирическая героиня владивостокского автора Т. В. Тутубалиной рассказывает о встрече с подругами: *«Мы в такой азарт вошли! Друг друга перебываем, свои политические проекты излагаем, Думу недобрый словом помянули. Сцепились из-за Немцова... И тут Ленка... захныкала: “Девочки, да вы что, с ума посходили? Ну сколько можно об этой ерунде!..” Мы на скаку остановились, отдышались, волосы в порядок привели. Потом как давай хохотать. Ну, смотрите, до чего страну довели! Где же это видано: девчонки, за бутылкой, два часа о политике дискутируют. Ужас!»* [Тутубалина, 2007: 37].

Исследователи постсоветской истории Дальнего Востока сходятся в том, что в 1990-е гг. одной из важнейших проблем, которая определяла политическую повестку, было взаимодействие с федеральным центром. Политика Москвы в отношении дальневосточных территорий воспринималась местным населением как колониальная — подобные оценки в изобилии представлены в художественных произведениях. *«Всё где-то там, столицы около, / А здесь — ни денег, ни руля. / Во мгле — провинция далёкая / Полухолопская земля»*, — констатирует приамурский поэт Г. П. Шумейко². Литераторы транслируют чувство брошенности, которое испытывают дальневосточники в постсоветский период, связанное с забвением их интересов и невниманием федерального центра к проблемам отдаленного региона. *«...Куда оно подевалось — это Отечество?»* — задается вопросом бывший авиастроитель в повести хабаровского прозаика А. В. Гребенюкова. — *Ведь*

² Шумейко Г. Дальневосточная империя // Зейские огни. 2000. 15 нояб.

совсем перестало заботиться о своих дочерях и сыновьях» [Гребенюков, 1999b: 16]. Ту же мысль выражает и владивостокский поэт А. В. Бочинин, используя более жесткий образ: *«Нас до третьего сорта / Всех реформа истискала. / Все мы жертвы аборта / Государства российского»*³.

Если на рубеже 1980-х—1990-х гг. гражданскую активность инициировали экологические, приграничные вопросы, проблемы межэтнического взаимодействия и положения коренных малочисленных народов, вопросы законодательного упорядочения льгот для граждан, проживающих в районах Крайнего Севера, борьба с номенклатурными привилегиями, требования гласного обсуждения проектов развития региона, то уже через несколько лет на первое место выходят проблемы снижения уровня жизни и роста преступности [Коняхина, 2014: 45—47]. Статистические данные свидетельствуют, что с началом рыночных реформ Дальний Восток оказался в более тяжелой социально-экономической ситуации, чем другие регионы страны, и показатели дифференциации доходов населения, как и показатели преступности, здесь стабильно превышали среднероссийские⁴, население региона быстро сокращалось [Мотрич, 2009: 47—67].

«Ах, как нас любят раз в четыре года дерущиеся клоуны за власть»

Самым простым и доступным способом участия в политической жизни страны были выборы, и введение принципа альтернативности, безусловно, способствовало электоральной активности населения, но только на начальном этапе. Так называемые избирательные технологии, как «белые», так и «черные», уже в первые постсоветские годы становятся известны широким слоям населения, и в начале 2000-х исследователи констатируют, что электоральная активность россиян от выборов к выборам снижается [Петухов, 2003: 8].

³ Поэт-изгой Анатолий Бочинин // Для тебя. Христианская газета. URL: <http://www.foru.ru/slovo.10054.1.html> (дата обращения: 29.02.2020).

⁴ Преступность и правонарушения (1990—1994): стат. сб. М.: Росстат, 1995; Преступность и правопорядок в России: статистический аспект. М.: Росстат, 2003.

Простые избиратели быстро усвоили, что перед выборами представители власти не принимают непопулярных решений — иначе на новый срок не переизберут. Хабаровский автор Г. Г. Ходжер описывает типичную историю из девяностых с повышением цен на бензин, не состоявшимся перед выборами благодаря президентскому указу, но случившимся в аккурат после выборов, где победил тот самый президент [Ходжер, 2011: 213]. Владивостокский писатель Л. Н. Князев рассказывает о том, как вышло *«шоковое постановление»* о запрете правого руля, которое не успело вступить в действие: *«Один — приказал, но тут близко — выборы, и другой отменил. И мы ему... похлопали. И проголосовали»* [Князев, 1996: 130]. Судя по всему, речь идет о постановлении правительства, которое было подписано премьер-министром В. С. Черномырдиным в марте 1993 г. и вызвало протестные акции на Дальнем Востоке. В это время шла подготовка к всероссийскому референдуму, который должен был состояться 25 апреля 1993 г., и чиновники из окружения президента Б. Н. Ельцина посоветовали ему не накалять обстановку в регионе, чтобы не потерять голоса дальневосточников, поэтому мартовское постановление было отменено. Но после того как избиратели сделали «правильный» выбор, отмечает Князев, вышли новые таможенные правила, удорожающие и затрудняющие импорт подержанных «японок» [Князев, 1996: 130].

В романе В. В. Семенчика ушлый консультант уговаривает действующего мэра «подыграть» более сильному кандидату за двадцать процентов от расходов на предвыборную кампанию, намекая, что у него самого мало шансов избраться на новый срок: *«Хотите, я найду в архиве ваши листовки четырёхлетней давности, вы вспомните, что народу сулили... Много ли выполнено? Думаете, конкуренты этим не воспользуются?»* [Семенчик, 2016: 173].

Для кандидата, пользующегося поддержкой населения, но неискушенного в пресловутых избирательных технологиях, вероятность одержать победу невелика, заключает уроженец Чукотки Ю. С. Рытхэу. Его герой Михаил Меленский принимает решение баллотироваться на должность главы администрации района. *«Что у рухнувшего, что у нынешнего непонятого образования, которое продолжало называть себя государством Россия, простой человек*

стоял на последнем месте. Выходит, надо самим браться за жизнь, поднимать людей на защиту собственных прав, как это сделали аборигены Аляски», — рассуждает Меленский [Рытхэу, 2002: 283—284]. «Не без труда» зарегистрировавшись кандидатом, он становится опасным соперником для кандидата от партии власти. Далее автор приводит циничный диалог чукотского губернатора Базарова и его протеже незадолго до выборов:

— *Боюсь, что ни бесплатный буфет, ни раздача гуманитарной помощи не помогут. Выпьют, заберут продукты, а голоса отдадут Меленскому.*

— *Вот дикари, дикари и есть!* — губернатор добавил несколько матерных слов. — *...Остаётся только одно... По закону, если ты снимешь свою кандидатуру, выборы не могут состояться. Демократические выборы могут быть только альтернативными...*

— *Но это, как говорится, будет шито белыми нитками.*

— *Много у нас чего шито белыми нитками, — жестко проговорил Базаров. — Но это мало кого волнует. Так что действуй!* [Рытхэу, 2002: 290].

Разумеется, о доверии к подобным «демократическим» процедурам говорить трудно, неудивительно, что они часто становятся объектом насмешек и анекдотов. В рассказе владивостокского прозаика Т. Ф. Алёшиной на экране телевизора появляется кандидат, который *«обещает каждой бабе по непьющему мужу, а на тюрьме повесил свой портрет и лозунг: «Я пришел дать вам волю!»* [Алёшина, 2001: 113]. Магаданский поэт А. А. Пчёлкин называет прошедший референдум комедией [Пчёлкин, 2000: 50]. В новом столетии социологи констатируют, что в российском обществе наличествует «значительная часть граждан, которая в принципе отвергает легитимацию власти через выборные процедуры», выражая свое политическое недовольство даже не через протестное голосование, а через неучастие в выборах [Петухов, 2012: 49]. По данным соцопросов Института социологии Российской академии наук (ИС РАН), только 20 % респондентов в 2001 г. считали участие в выборных кампаниях и референдумах эффективным способом воздействия на органы власти с целью отстаивания своих интересов (заметим в скобках,

что этот способ получил больше всего голосов опрошенных, остальные набрали еще меньше) [Петухов, 2012: 53].

«Ах, как нас любят раз в четыре года / Дерущиеся клоуны за власть», — иронизирует Г. П. Шумейко⁵. В конце концов, подобная периодичность в проявлении «любви к народу» приводит к тому, что местное сообщество традиционно активизируется перед выборами, справедливо полагая, что хоть какую-то часть актуальных проблем городского микрорайона (или населенного пункта, если речь идет о сельской местности) можно решить, обратившись к кандидатам: как правило, они демонстрируют готовность направить на эти цели часть средств, припасенных для проведения избирательной кампании.

«То Жириновский кричит, то Явлинский шепчет»

В первые постсоветские годы страна переживала бум партийного строительства, неразрывно связанный с поиском ее гражданами новых идентификаций, поскольку прежние были утрачены. По мнению социолога Л. Г. Ионина, формировавшиеся в большом количестве «так называемые политические партии имели на самом деле не политический, а культурный характер. Воспроизводились внешние атрибуты демократической партийной политики... Но при этом программные документы большинства партий... по существу не отличались друг от друга... Эти партии не представляли чьих-то социальных интересов, наоборот, они были объединениями людей, собравшихся в поисках идентификации» [Ионин, 2000: 244—245]. Отражением этого поиска явились, например, строки хабаровского поэта И. Сувида: *«Вступайте в партию поэтов: / Она — в подполье, но жива!»* [Сувид, 1995: 149].

В 1990-е гг., по словам исследователя Е. В. Буянова, партии становятся привычным элементом общественно-политического пейзажа страны, но при этом не оказывают ощутимого влияния на процесс принятия решений ни на федеральном, ни на региональном уровнях, и широкие слои населения, похоже, не строят иллюзий относительно эффективности этого института [Буянов, 2011: 189]. В художественных произведениях дальневосточных

⁵ Шумейко Г. Гастрономический уклон // Зейские огни. 1999. 3 дек.

авторов политические партии и политики, их представляющие, чаще всего изображаются в ироническом ключе, герои не воспринимают их всерьёз. *«Ты еще не катал тачку, / не жевал пайку? / Так голосуй за КПРФ!»* — читаем у А. А. Пчёлкина [Пчёлкин, 2000: 58]. Т. Ф. Алёшина так описывает будни приморского телевидения 1990-х: *«в шикарных интерьерах в студии то Жириновский кричит, то Явлинский шепчет, то Лебедь, то еще кто-нибудь залетит по пути в Японию»* [Алёшина, 2001: 109]. А. В. Гребенюков, отправляя своего героя на митинг, саркастически отзывается обо всех его участниках: и об анархистах-чернознаменцах (*«они выкрикивали что-то похабное и непотребное, и капитан-омоновец уже что-то бормотал в рацию, недобро поглядывая на этих то ли сатанистов, то ли придурков»*), и о *«соколах Жириновского»*, и о *«местной коммунистической партии, которая... звала к светлomu... будущему, где всех ожидают кисельные реки и молочные берега»*, но *«каким макаром она это будет делать, тщательно скрывала»* [Гребенюков, 1999а: 217—218]. Здесь же, на митинге, один из активных пенсионеров возмущается: *«...Гайдарчики повыскакивали, как черти из табакерки. Наломали дров»* [Гребенюков, 1999а: 217].

Лирический герой владивостокского поэта А. Р. Радушкевича, не видя разницы между партиями, мечтает самоустраниться от информационного шума, *«лежать часами на кровати»* и *«вовек не знать, о чем оратор — / один и тот же каждый год — / то демократ, то консерватор — / по телевизору поет»* [Пять по пятьдесят, 1999: 89]. С ним солидарен лирический герой А. А. Пчёлкина, подчеркивающий свою аполитичность: *«Не коммунист я и не демоплут, / и по царю не парю в ностальгии»* [Пчёлкин, 2000: 48]. О скептическом отношении широких слоев населения к политическим партиям говорят и данные соцопросов как по отдельным регионам, так и по России в целом. Так, например, только 6% опрошенных в рамках социологических исследований ИС РАН в 2001 г. назвали участие в деятельности политических партий эффективным способом воздействия на органы власти с целью отстаивания своих интересов [Петухов, 2012: 53]. Общероссийские соцопросы Института конкретных социальных исследований (ИКСИ) РАН на тему *«Без чего, на ваш взгляд, демократия существовать не может?»* показали, что доля респондентов,

считающих важным право выбора между несколькими партиями, в 1998 г. составила 16 %, а в 2003 г. 3 % [Петухов, 2007: 76].

Имена партийных деятелей, возглавляющих местные отделения на Дальнем Востоке России, в художественных произведениях и вовсе обнаружить не удалось. И это неудивительно: по словам Е. В. Буянова, местные филиалы политических партий зачастую представляли собой «аморфные и рыхлые структуры, мало скрепленные уставным и идеологическим единством, без фиксированного членства партийцев в организации»; как правило, это были «либо политические группировки кружкового типа, либо клиентелы федеральных политиков, созданные для их поддержки на местах в случае проведения избирательных кампаний» [Буянов, 2011: 190, 201].

***«Толпа качнулась, взбурлила, стала разваливаться
и редеть»***

Еще одной приметой времени стали акции прямого действия — митинги, пикеты, забастовки. *«Поле по шею травой заросло, / а под горой митингует село»*, — читаем у камчатского поэта И. Г. Рычкова⁶. *«Не ходи к площадям — / революции там. / Затолкают, затопчут, затравят...»*, — предостерегает сахалинец Н. А. Тарасов [Тарасов, 1997: 14]. Герой романа хабаровчанина К. А. Партыки, увидев на экране телевизора *«то ли пикетирование, то ли полудохлый митинг»*, спешит переключиться на другой канал [В исключительных обстоятельствах, 1994: 103]. А вот активная пенсионерка в рассказе Т. В. Тутубалиной (сатирический образ) с энтузиазмом участвует в подобных мероприятиях: *«Мне сегодня еще на два митинга успеть надо: один в поддержку Зюганова, второй — в защиту Черепкова»*⁷, — говорит она [Тутубалина, 2007: 75].

⁶ Рычков И. Г. Былина о ВПШ // Изба-Читальня. Литературно-художественный портал. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/408284/> (дата обращения: 28.02.2020).

⁷ В. И. Черепков (1942—2017) — мэр Владивостока в 1993—1994 и 1996—1998 гг., находившийся в конфликте с губернатором Приморья Е. И. Наздратенко и федеральными властями.

В повести А. В. Гребенюкова «Ангел и бес» на городской площади на митинг собирается около двух тысяч человек, включая представителей политических партий: *«В основном, пенсионеры. Правда, толкался народ и помоложе. В небольших кучках врачей и учителей торчали плакаты с надписями: “Отдайте наши деньги!” (Держите карман шире.) “Вон из Кремля!” (Па-абежали.) “Культура в загоне”. (Чаво?)»* [Гребенюков, 1999а: 217]⁸. В разгар митинга, когда очередной оратор, воспевая коммунистические идеалы, указывает собравшимся на статую Ленина, у вождя мирового пролетариата обнаруживается неизвестно откуда взявшийся хвост (автор относит это к проделкам беса). Шокированная произошедшим, *«толпа качнулась, взбурлила, стала разваливаться и редеть»*, и вскоре все разбежались — *«и профсоюзные деятели, и коммунисты, и жириновцы. А чернознаменцев милиция уже давно замела»* [Гребенюков, 1999а: 218].

Магаданский прозаик В. М. Фатеев описывает митинг без иронии и гротеска, в реалистических традициях: в романе «Город в законе» на площадь выходят медицинские работники, почти полгода не получавшие зарплату. *«Как всегда, среди митингующих находилось немало любопытных, примазавшихся и просто любителей пошуметь»*, — добавляет автор. Замгубернатора Чеснокова заверила собравшихся в том, что в ближайшее время задолженность по зарплате будет погашена, хотя *«прекрасно понимала, что это невозможно, так как львиная доля бюджета уже ушла на строительство аффинажки, частного, кстати, предприятия»*. Митинг проходил чинно и мирно до тех пор, пока к Чесноковой не подбежал человек, который, выкрикивая ругательства, плеснул ей в лицо из пузырька. Чиновница закрыла лицо руками, охрана скрутила нападавшего, однако, *«не поняв случившегося, группа молодых парней пыталась отбить “террориста”*. *Бюстители порядка пустили в ход “демократизаторы”, пролетариат, как и положено ему, схватился за бульжники... В потасовку втягивались все новые и новые люди, и вскоре на площади развернулось настоящее побоище»*. Боевики, представляющие организацию «Русское национальное единство»,

⁸ Судя по всему, в скобках автор воспроизводит предполагаемую реакцию властей на выдвигаемые требования.

в какой-то момент опрокинули омовцев, но на помощь им пришли пожарные, направив в толпу «кинжальные струи воды», которые и определили исход схватки. «*Это было первое открытое столкновение горожан и власти, — комментирует автор. — Для власти оно больше явилось проверкой силы, для демонстрантов — проверкой решимости. Как ни странно, результатами были удовлетворены обе стороны. Мы можем — понял народ. Мы сильнее — сделала вывод власть. Но добавила — пока*» [Фатеев, 1999].

Приморский автор В. О. Авченко в документальном романе «Правый руль» сравнивает акции протеста, проходившие на главной площади Владивостока в 1991-м (в дни августовского путча) и в 2008-м (реакция на «антиправорульное» законодательство). В первом случае, отмечает автор, «*никому и в голову не приходило разгонять стихийный митинг. Можно, конечно, всё списать на растерянность властей... Добрые дяди-милиционеры спокойно ходили по улицам без дубинок и пистолетов*» [Авченко, 2009: 334]. Через семнадцать лет омовцы из подмосковного «Зубра»⁹ «били, пинали, “винтили”» горожан, мирно водивших хоровод вокруг новогодней елки («*наученный вчерашними задержаниями, мёрзнувший народ уже не доставал транспарантов и мегафонов*», поясняет автор). «*Тащили людей в автозаки... Учили любить родину, стучая головами о железные борта отечественных казённых машин. “Спасибо, что не начали стрелять”, — говорили мы потом, вспоминая это воскресенье*» [Авченко, 2009: 335]. Анализируя произошедшее на площади, автор приходит к неожиданным выводам: «*Хорошо, что приехали “зубры”... Пусть они приедут ещё раз сто. Может быть, тогда откроются глаза у тех, кто не хочет замечать очевидное... Власть — это не добрый дядя-президент в телевизоре. Власть — это пятнисто-камуфлированный омовец, замахаивающийся дубинкой-“демократизатором” и похожий на фашиста из советских фильмов. Хотя сам по себе он, может быть, хороший парень*» [Авченко, 2009: 335—336].

⁹ «Зубр» — отряд милиции особого назначения, базировавшийся в г. Щёлково, напрямую подчинявшийся министру внутренних дел и негласно считавшийся спецподразделением по борьбе с «оранжевой угрозой».

Движения автомобилистов, как правило, квалифицируются социологами как движения «одного требования», но автор романа расставляет акценты по-другому: импорт подержанных автомобилей из Японии в постсоветский период становится настолько важным для дальневосточной экономики, что любые ограничительные меры инициируют волну недовольства широких слоев населения. *«21 декабря [2008 г.] на площадь вышли даже не автомобилисты. Мы требовали уже не отмены пошлин, а своего права жить на этой земле»,* — говорит лирический герой романа [Авченко, 2009: 336]. «В условиях неработающих институтов согласования протест становился своего рода криком отчаяния, обращённым на самый верх властной иерархии», — заключает исследователь А. П. Коняхина [Коняхина, 2015: 46]. Но этот крик остался без ответа: памятный жителям Владивостока «хоровод вокруг ёлки» в канун нового 2009 г. не привел к отмене «антиправовульных» постановлений.

«Новый мрак, новая несвобода»

Анализ художественных произведений дальневосточных авторов показывает, что эйфория по поводу перехода к демократическим формам и принципам правления в обществе быстро сходит на нет. *«...А мы считали, что Свобода / всего нужней, всего важней. / И всё упрямей год от года / её мы звали. Для народа! / Пришла она. Что делать с ней?»* — вопрошает А. А. Пчёлкин [Пчёлкин, 2000: 19]. Герой сахалинского писателя А. С. Тоболяка уже в первой половине 1990-х в разговоре с коллегой признается, что не чувствует себя свободным: *«Я представлял, что при коммуниках был полный мрак. Но теперь новый мрак, новая несвобода. Тогда давили обкомы, райкомы, цензура, а теперь сволочные деньги... Денежная сучья диктатура, согласен?»* [Тоболяк, 1994: 99] О свободе постсоветского образца рассуждает и героиня магаданского прозаика Ю. П. Пензина, которая мысленно полемизирует с противниками советской власти, акцентирующими внимание на перегибах и репрессиях: *«Разве это не репрессии, когда, как мухи по осени, мрут люди в нищете, спиваются от безысходности и лезут в петли? Кто их, этих несчастных, считал? А ведь ни войны*

не было, ни мора. Кричат: зато свобода, говори и делай, что хочешь! Конечно, держи карман шире! С нищенской-то копейкой с тобой и рядом никто не сядет и слушать тебя не будет <...> По нынешнему времени — никому ты не нужен» [Пензин, 2001].

Вожделенные демократические институты быстро утрачивают свои позиции в обществе. По словам В. В. Петухова, политические партии в постсоветской России превращаются в форму самоорганизации «элитных групп» и обнаруживают полную неспособность отстаивать общественные интересы [Петухов, 2003: 9]. *«Либералы, демократы, борцы за права человека... Чем они яростнее борются, тем хуже мы живем. Раньше вот вроде борьбы не было, да людей среди бела дня не убивали, и с голоду в обмороки дети не падали, и страна была как страна: кто работал или пенсию получал, мог о завтрашнем дне не беспокоиться»,* — недоумевает герой романа В. М. Фатеева [Фатеев, 1999], и в своих суждениях он не одинок.

Используемые литераторами народные неологизмы, производные от слова «демократ» — «демоплут» (у А. А. Пчёлкина), «дерьмократ» (у К. А. Партыки), а также народное название милицейской дубинки — «демократизатор» (у В. М. Фатеева и В. О. Авченко) красноречиво говорят об отношении широких слоев населения к российской демократии рассматриваемого периода. Социсследования 2000-х гг. показывают, что россияне не разочаровались в демократии, как идее, однако большинство населения различает нормативные представления о демократии и реальное положение дел в российском обществе. Только 15 % респондентов, опрошенных ВЦИОМ в середине 2000-х гг., считали, что за 15 лет в России утвердилась такая демократия, которая соответствует их нормативным представлениям, 37 % ответили, что Россия близка к тому, чтобы стать демократической страной, 33 % заявили, что Россия пока далека от демократии. В общем и целом, 55 % опрошенных были не удовлетворены работой демократии, главной причиной называлась ее низкая эффективность [Петухов, 2007: 76—77].

Если в конце 1980-х — начале 1990-х, *«когда взбурлил пображному народ»* [Асламов, 1998: 95], демократические институты сами по себе вызывали интерес и поддержку широких слоев населения, то на рубеже веков стало ясно: в российском обществе

могут быть востребованы только *работающие* механизмы и практики. По словам В. В. Петухова, «демократия в понимании подавляющего большинства россиян... должна обеспечивать, во-первых, законность и правопорядок, а во-вторых, реализацию социально-экономических прав граждан, чего в реальности многие наши сограждане не ощущают» [Петухов, 2007: 77].

Отсюда снижение политической активности: значительная часть населения от власти уже ничего не ждет, предпочитая рассчитывать на собственные силы. Исследователи констатируют, что в результате трансформаций 1990-х гг. ценности альтруистической солидарности в российском обществе вытесняются ценностями выживания и личного благополучия [Коняхина, 2015: 51]. *«Спасение утопающих происходит тем успешнее, чем активней барахтаются сами утопающие. А на правителей, что прежних, что нынешних, да надо думать и на будущих, надежды не было и нет»*, — рассуждает герой повести К. А. Партыки [Партыка, 1995: 29]. Сходную позицию выражает и лирический герой романа В. О. Авченко: *«А что я должен делать, по-твоему? Уйти в теплотрассу или упасть в канаву, если я не приемлю сложившийся в стране порядок? Глупо погибнуть, пойдя с булыжником на Кремль? Не дожждётся. Я переживу вас всех. Приспособлюсь даже к этим волчьим условиям. И к любым»* [Авченко, 2009: 318].

Кроме того, по мнению А. П. Коняхиной, причиной пассивности россиян зачастую является «невысокая оценка себя как субъекта изменений и контрагента власти» [Коняхина, 2015: 50]. Об этом пишет и поэт А. А. Пчёлкин: *«Врезали — вытерся, / выдохнул силло: / раз от правительства, / значит спасибо... / Сядем под деревце / сбоку припёка / дружно надеяться / снова на Бога»* [Пчёлкин, 2000: 19].

Так или иначе, по данным соцопроса ИС РАН, в 2001 г. 60 % респондентов заявили, что вообще не видят эффективных способов воздействия на власть с целью отстаивания своих интересов [Петухов, 2012: 53]. Важно, что сама власть, по словам А. П. Коняхиной, не воспринимается общественным мнением как полноценный, адекватный партнер, с которым можно вести диалог: корруппированность, некомпетентность и безответственность чиновников становятся притчей во языцех [Коняхина, 2015:

47—48]. Герой романа А. В. Гребенюкова говорит о правителях, «которые воруют целыми алмазными шахтами и нефтяными месторождениями» [Гребенюков, 1999b: 46]. В том же романе оратор на митинге держит речь: «Хочу обратить внимание моих сограждан на кровопийцев, сидящих в Кремле... Продажные чиновники смотрят на Запад. Оттуда, оттуда указывают, как нам жить» [Гребенюков, 1999a: 218]. Лирическая героиня владивостокского автора Т. А. Жариковой считает, что власти ставят эксперимент на собственном народе: «Острые шипы власти вонзаются в тело народа так, что впору клещами вытаскивать. Терпению моего соотечественника можно позавидовать. Выносливости — удивиться» [Жарикова, 1996: 58—59]. В рассказе приморца А. В. Стогней, как и у целого ряда его коллег, применительно к политикам звучит мотив клоунства: «...Разрушительным валом прокатились лихие девяностые по многострадальной России, запущенные иудушкой меченым и продолженные клоуном-алкашом, обещавшим лечь на рельсы»¹⁰ [Стогней, 2018: 91]. Герой романа Ю. С. Рытхэу размышляет: «Наверное, за всю историю России народ никогда не был так равнодушен к власти, не презирал так называемых “народных избранников”, как нынешних думцев» [Рытхэу, 2002: 341]. А. В. Бочинин и вовсе заключает, что «Русью правит сатана»¹¹.

Наконец, целый ряд литераторов приходит к выводу, что власть в России всегда была далека от народа. «Как и во дни престольные, / застойные, / народ для всех правителей — чужак», — скептически замечает камчатский поэт Е. И. Сигарёв [Сигарёв, 1992: 28]. «А уж нам / и впрямь до фени / все паханы и вожди: / Горбачёв ли, Ельцин, Ленин... / блага всё равно не жди» [Пчёлкин, 2000: 30], — соглашается с коллегой А. А. Пчёлкин, добавляя: «Всем — и давно! — начихать на народ» [Пчёлкин, 2000: 49]. «Не было ещё такой власти в России, чтобы при ней хорошо народу жилось», — резюмирует А. В. Гребенюков устами своего героя [Гребенюков, 1999a: 210].

¹⁰ Судя по описанию, в отрывке речь идет о М. С. Горбачёве и Б. Н. Ельцине.

¹¹ Поэт-изгой Анатолий Бочинин.

Заключение

В художественных текстах, вышедших из-под пера дальневосточных авторов, мы видим, как «демократический романтизм» рубежа 1980—1990-х гг. быстро сменяется разочарованием, прежде всего потому, что демократические институты оказались не в состоянии обеспечить реализацию важнейших потребностей жителей региона, который по основным показателям социально-экономического развития и преступности в России был аутсайдером. Резкое падение уровня жизни большинства населения и разгул криминала подорвали доверие к демократическим процедурам и институтам. Радикальные реформы привели к потере миллионов рабочих мест, разрушению основ социальной жизни (безопасности, трудовой занятости, систем ЖКХ, образования и здравоохранения). Жители Дальнего Востока в массовом порядке покидают регион, «голосуя ногами» — сокращение населения тихоокеанских окраин в постсоветский период стало более реальной практикой, чем формальный институт выборов.

Дальневосточные литераторы свидетельствуют, что на рубеже столетий политические баталии и предвыборные кампании воспринимаются многими гражданами как срежиссированный спектакль или цирк, вновь формирующиеся политические партии вызывают недоумение, акции прямого действия постепенно теряют популярность. Короткие всплески политической активности, такие как протесты против «антиправорульного» законодательства, всё чаще наталкиваются на глухую стену равнодушия федеральной власти, укрепляя дальневосточников в убеждении: отстаивать свои интересы с помощью классических демократических институтов в постсоветской реальности очень сложно, практически невозможно. Как результат — значительная часть жителей региона предпочитает опираться на собственные силы (или надеяться на Всевышнего), не желая вступать в диалог с властью, которая, по их мнению, не в состоянии выступить адекватным контрагентом.

При анализе дальневосточной художественной литературы, изданной начиная с 1992 г. и вплоть до конца 2010-х гг., нам не удалось обнаружить ни одной ясно, чётко и недвусмысленно выраженной положительной оценки эффективности действующих

в стране механизмов взаимодействия общества и власти — таких как выборы, референдумы, акции прямого действия (митинги, пикеты и пр.), деятельность политических партий.

Очевидным представляется критический настрой дальневосточных литераторов по отношению к власти в целом. Можно предположить, что определенную роль в этом сыграло падение статуса писателя в российском обществе. Если в позднесоветский период литераторы представляли собой полупривилегированную социальную группу, то в постсоветской реальности зарабатывать на жизнь исключительно литературным трудом становится невозможно, писательство превращается в хобби с негарантированным доходом (исключения есть, но они единичны и на территории Дальнего Востока отсутствуют) (подр. см.: [Волкова, 2019: 114—126]). Это приводит литераторов (прежде всего тех, кто имел опыт работы в условиях позднесоветской системы) к латентному конфликту с властью, который находит свое выражение в художественных текстах. В то же время писатели на дальневосточной периферии в период радикальных реформ не были оторваны от народа, а боролись за выживание вместе с миллионами россиян из других социальных групп. И с высокой долей вероятности можно предположить, что позиция авторов художественных произведений, в общем и целом, отражала мнение широких слоев населения, что подтверждают и данные социологических исследований.

Список источников

- Авченко В. О.* Правый руль. М.: Ад Маргинем Пресс, 2009. 352 с.
- Алёшина Т. Ф.* Жизнь удалась! Владивосток: [б. и.], 2001. 128 с.
- Асламов М.* Из зимы // Дальний Восток. 1998. № 9. С. 93—102.
- Буянов Е. В.* Становление и развитие многопартийности на юге Дальнего Востока России (1988—1995 гг.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. 264 с.
- В исключительных обстоятельствах: сборник / ред.-сост. Р. Павлова. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1994. 543 с.
- Волкова Е. С.* Трансформация социальной группы деятелей культуры на Дальнем Востоке России в постсоветский период (на примере литераторов) // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 23. С. 114—126.

- Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- Гребенюков А.* Ангел и бес (продолжение) // Дальний Восток. 1999а. № 5—6. С. 171—219.
- Гребенюков А.* Ангел и бес (окончание) // Дальний Восток. 1999b. № 7—8. С. 15—71.
- Жарикова Т.* В проёме... Владивосток: Приморское общество книголюбов, 1996. 68 с.
- Ионин Л. Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000. 432 с.
- Кара-Мурза С. Г.* Государственная политика в духовной сфере: задачи и провалы // Государственная политика и управление современной России в сфере идеологии, мировоззрения, религии, пропаганды, культуры и воспитания. Материалы научного семинара. М.: Научный эксперт, 2012. Вып. 2. С. 6—17.
- Князев Л. Н.* Зов океана // Дальний Восток. 1996. № 9—10. С. 90—131.
- Ковалевская Ю. Н.* Практики выживания населения в условиях рыночных реформ 1990-х гг.: проблемы изучения // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 4. С. 64—70.
- Коняхина А. П.* Практики гражданского участия на российском Дальнем Востоке. От частного интереса к публичной политике: в поисках солидарности // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 38—55.
- Коняхина А. П.* Власть как контрагент: случай российского Дальнего Востока (1985—2014 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2015. № 4. С. 43—54.
- Лотман Ю. М.* История и типология русской культуры. С-Пб.: Искусство-СПб, 2002. 768 с.
- Мотрич Е. Л., Найден С. Н.* Население и социальное развитие российского Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2009. № 2. С. 47—67.
- Партыка К. А.* Последний житель // Дальний Восток. 1995. № 3—4. С. 9—58.
- Пензин Ю. П.* К Колыме приговорённые. Магадан: МАОБТИ, 2001. 363 с.
- Петухов В. В.* Общественная и политическая активность россиян: характер и основные тенденции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 5—6. С. 4—13.
- Петухов В. В.* Демократия участия в современной России // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 73—90.

- Петухов В. В.* Гражданское участие в контексте политической модернизации России // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 48—60.
- Пчёлкин А. А.* Непогодь: Стихи перестроечных лет. Магадан: МАОБТИ, 2000. 94 с.
- Пять по пятьдесят: стихи. Владивосток: Приморское общество любителей книги, 1999. 94 с.
- Рытхэу Ю.* Чукотский анекдот. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2002. 352 с.
- Рычков И. Г.* Былина о ВПШ. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/408284/> (дата обращения: 28.10.2021).
- Семенчик В. В.* Качает ветер лодочку: стихи разных лет. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2015. 144 с.
- Семенчик В. В.* Консультант по любым вопросам: Избранная проза. Владивосток: Рубеж, 2016. 528 с.
- Сигарёв Е.* Прощание с эпохой // Дальний Восток. 1992. № 4. С. 26—28.
- Соколов А. К.* Наука, искусство и социальные реалии минувшего столетия // Отечественная история. 2002. № 1. С. 60—72.
- Стогней А.* Полевое // Литературный Владивосток. 2018. Осень. С. 89—97.
- Сувид И.* Вступайте в партию поэтов!.. // Дальний Восток. 1995. № 3—4. С. 148—150.
- Тарасов Н.* Окно моё всегда раскрыто... // Дальний Восток. 1997. № 8—9. С. 14—21.
- Тоболяк А.* Денежная история // Дальний Восток. 1994. № 10. С. 81—163.
- Тутубалина Т.* Владивостокские рассказы. Владивосток, 2007. 220 с.
- Фатеев В. М.* Город в законе. Магадан: МАОБТИ, 1999. 257 с.
- Ходжер Г.* Я и рождение моих произведений (продолжение) // Дальний Восток. 2011. № 1. С. 192—224.

References

- Avchenko, V. O. (2009), *Pravyi rul'* [Right-hand drive], Ad Marginem Press, Moscow, Russia.
- Aleshina, T. F. (2001), *Zhizn' udalas'!* [Life is good], bez izdatel'stva, Vladivostok, Russia.
- Aslamov, M. (1998), 'Out of winter', *Dal'nii Vostok* [Far East], no. 9: 93—102.
- Buyanov, E. V. (2011), *Stanovlenie i razvitie mnogopartiinosti na iuge Dal'nego Vostoka Rossii (1988—1995 gg.)* [Formation and development of a multi-party system in the south of the Russian Far East]

- (1988—1995)], Blagoveshchenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, Blagoveshchensk, Russia.
- Fateev, V. M. (1999), *Gorod v zakone* [City in law], Magadanskaia oblastnaia tipografiia, Magadan, Russia.
- Gadamer, Kh.-G. (1988), *Istina i metod: Osnovy filosofskoi germenevтики* [Truth and method: Fundamentals of philosophical hermeneutics], in Bessonov, B. N. (tot. ed. and intr. art.), Progress, Moscow, Russia.
- Grebenyukov, A. (1999a), ‘Angel and demon (continued)’, *Dal'nii Vostok* [Far East], no. 5—6: 171—219.
- Grebenyukov, A. (1999b), ‘Angel and devil (ending)’, *Dal'nii Vostok* [Far East], no. 7—8: 15—71.
- Hodger G. (2011), ‘Me and the birth of my works (continued)’, *Dal'nii Vostok* [Far East], no. 1: 192—224.
- Ionin, L. G. (2000), *Sotsiologiia kul'tury: put' v novoe tysiacheletie* [Sociology of Culture: the Way to the New Millennium], Logos, Moscow, Russia.
- Kara-Murza, S. G. (2012), ‘State policy in the spiritual sphere: challenges and failures’, *Gosudarstvennaia politika i upravlenie sovremennoi Rossii v sfere ideologii, mirovozzreniia, religii, propagandy, kul'tury i vospitaniia: materialy nauchnogo seminara* [State policy and management of modern Russia in the field of ideology, worldview, religion, propaganda, culture and education: scientific seminar materials], Nauchnyi ekspert, Moscow, Russia, iss. 2: 6—17.
- Knyazev, L. N. (1996), ‘The call of the ocean’, *Dal'nii Vostok* [Far East], no. 9—10: 90—131.
- Kovalevskaya, Yu. N. (2011), ‘Population survival practices in the conditions of market reforms of the 1990s: problems of study’, *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia* [Ecumene. Regional studies], no. 4: 64—70.
- Konyakhina, A. P. (2014), ‘Practice of civil participation in the Russian Far East. From private interest to public politics: in search of solidarity’, *Rossii i ATR* [Russia and the Pacific], no. 4: 38—55.
- Konyakhina, A. P. (2015), ‘Power as a counterparty: the case of the Russian Far East (1985—2014)’, *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia* [Ecumene. Regional studies], no. 4: 43—54.
- Lotman, Yu. M. (2002), *Istoriia i tipologiia russkoi kul'tury* [History and typology of Russian culture], Iskusstvo-SPB, St. Petersburg, Russia.
- Motrich, E. L. and Nayden, S. N. (2009), ‘Migration processes in the socio-economic development of the Russian Far East’, *Prostranstvennaia ekonomika* [Spatial Economics], no. 2: 47—67.

- Partyka, K. A. (1995), ‘Poslednii zhitel’ [Last resident], *Dal’nii Vostok* [Far East], no. 3—4: 9—58.
- Pavlova, R. (ed.) (1994), *V iskluchitel’nykh obstoiatel’stvakh* [In exceptional circumstances], Dal’nevostochnoe knizhnoe izdatel’stvo, Vladivostok, Moscow, Russia.
- Pchelkin, A. A. (2000), *Nepogod’: Stikhi perestroechnykh let* [Bad weather: Poems of Perestroika years], Magadanskaia oblastnaia tipografiia, Magadan, Russia.
- Penzin, Yu. P. (2001), *K Kolyme prigovorennnye* [Condemned to Kolyma], Magadanskaia oblastnaia tipografiia, Magadan, Russia.
- Petukhov, V. V. (2003), ‘Social and political activity of Russians: character and main trends’, *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes], no. 5—6: 4—13.
- Petukhov, V. V. (2007), ‘Participatory democracy in modern Russia’, *Obshchestvennye nauki i sovremennost’* [Social sciences and modernity], no. 1: 73—90.
- Petukhov, V. V. (2012), ‘Civic participation in the context of Russia's political modernization’, *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological research], no. 1: 48—60.
- Piat’ po piat’desiat: stikhi* (1999) [Five of Fifty: Poems], Primorskoe obshchestvo liubitelei knigi, Vladivostok, Russia.
- Rychkov, I. G. (1992), *Bylina o VPSH* [Epic about the Higher party school], available at: <https://www.chitalnya.ru/work/408284/> (Accessed 28 October 2021).
- Rytkeu, Yu. (2002), *Chukotskii anekdot* [Chukotka joke], Izdatel’stvo zhurnala “Zvezda”, St. Petersburg, Russia.
- Semenchik, V. V. (2015), *Kachaet veter lodochku: stikhi raznykh let* [The wind shakes the boat: poems of different years], Sakhalinskaia oblastnaia tipografiia Iuzhno-Sakhalinsk, Russia.
- Semenchik, V. V. (2016), *Konsul’tant po liubym voprosam: Izbrannaia proza* [Consultant for any questions: Selected prose], Rubezh, Vladivostok, Russia.
- Sigarev, E. (1992), ‘Farewell to the era’, *Dal’nii Vostok* [Far East], no. 4: 26—28.
- Sokolov, A. K. (2002), ‘Science, Art, and Social Realities of the Last Century’, *Otechestvennaia istoriia* [National history], no. 1: 60—72.
- Stogney, A. (2018), ‘The field’, *Literaturnyi Vladivostok*, Autumn: 89—97.
- Suvid, I. (1995), ‘Join the party of poets!..’, *Dal’nii Vostok* [Far East], no. 3—4: 148—150.

- Tarasov, N. (1997), 'My window is always open...', *Dal'nii Vostok* [Far East], no. 8—9; 14—21.
- Tobolyak, A. (1994), 'Monetary story', *Dal'nii Vostok* [Far East], no. 10: 81—163.
- Tutubalina, T. (2007), *Vladivostokskie rasskazy* [Vladivostok stories], Vladivostok, Russia.
- Volkova, E. S. (2019), 'Transformation of the social group of cultural figures in the Russian Far East in the post-Soviet period (on the example of writers)', *Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii Dal'nevostochnogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences], vol. 23: 114—126.
- Zharikova, T. (1996), *V proeme...* [In the opening...], Primorskoe obshchestvo knigolubov, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию 18.11.2021; одобрена после рецензирования 17.12.2021; принята к публикации 29.12.2021.

The article was submitted 18.11.2021; approved after reviewing 17.12.2021; accepted for publication 29.12.2021.

Информация об авторе / Information about the author

Е. С. Волкова — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение РАН, Россия.

E. S. Volkova — Candidate of Science (History), Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of the RAS, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

Интеллигенция и мир. 2022. № 2. С. 78—102.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 2. P. 78—102.

Научная статья

УДК 792.54(091)

DOI: 10.46725/IW.2022.2.4

У ИСТОКОВ СОЗДАНИЯ ОПЕРЫ «АЛМАСТ»

Сусанна Гургеновна Ованесян

Институт литературы Национальной академии наук
Республики Армения, Ереван, Армения, sushovh@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8718-6079>

Аннотация. В статье рассматриваются встречи, дружеские взаимоотношения и творческое сотрудничество двух духовно близких великих армянских национальных деятелей Ованеса Туманяна и Александра Спендиаряна.

Их дарования характеризовались общностью принципов обработки фольклорного материала, умением раскрывать сущность и дух народного творчества. Удачей для национальной культуры были их тифлиссские встречи 1916 г. Идея создания оперы «Алмаст» зародилась во время мартовского визита Спендиаряна в Тифлис и его встреч и бесед с Туманяном. Рождение оперы «Алмаст» было также обусловлено

© Ованесян С. Г., 2022

обстоятельствами культурной и национально-общественной жизни армянского народа. Десятые годы XX в. ознаменовались возросшим вниманием к творчеству Ованеса Туманяна со стороны армянских и русских деятелей искусства: Комитаса Вардапета, Мартироса Сарьяна, Вячеслава Иванова, Александра Гречанинова и др. Есть много свидетельств о том, насколько Спендиарян был вдохновлен поэмой Туманяна «Взятие Тмкаберда», ролью наития и предчувствия в искусстве.

Примечательно, что оба визита Спендиаряна в Тифлис состоялись в трагические для армянского народа и самого Туманяна дни, во время продолжавшейся мировой войны и геноцида. Вот почему Туманян как в своих устных, так и письменных выступлениях представлял Спендиаряна как «прославленного композитора», как «крупное дарование», как символ «жизнеспособности» возрождающейся нации. Оба визита композитора он воспринимал в контексте онтологии нации, объясняя это искренним стремлением вернуться к национальным корням, в «своей родной очаг», на свою историческую родину. Такой подход закрепился на вечерах Кавказского общества армянских писателей с участием композитора, в теплой литературно-музыкальной атмосфере, где два великих армянина были неразлучны. Они решили совместно создать оперное либретто, для чего Спендиарян пригласил Туманяна на свою крымскую дачу. Однако из-за военного времени это творческое сотрудничество так и осталось незавершенным.

Образ Ов. Туманяна навсегда остался в душе и в памяти Спендиаряна во всем своем очаровании. Наряду с А. Глазуновым, А. Чеховым, М. Горьким, Ф. Шаляпиным, Ов. Туманян стал для композитора одним из самых замечательных и выдающихся людей, с которыми ему довелось встретиться в жизни, стал неотъемлемой частью его биографии, феноменом, стимулировавшим его творческую деятельность.

Ключевые слова: А. Спендиарян, Ов. Туманян, Комитас, А. Гречанинов, А. Глазунов, Ф. Шаляпин, М. Горький, А. Чехов, опера «Алмаст», «Взятие Тмкаберда», тифлиские встречи

Для цитирования: Ованесян С. Г. У истоков создания оперы «Алмаст» // Интеллигенция и мир. 2022. № 2. С. 78—102.

AT THE ORIGINS OF THE “ALMAST” OPERA CREATION

Susanna G. Hovhannisyan

Institute of Literature of the National Academy of Sciences
of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia, sushovh@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8718-6079>

Abstract. The article considers the meetings, friendly relations and creative cooperation of two spiritually close great Armenian national figures Hovhannes Tumanyan and Alexander Spendiaryan.

Their talents were characterized by the common principles of processing folklore material, the ability to reveal the essence and spirit of folk art. Their meetings in Tiflis in 1916 were a success for the national culture. The idea of creating the “Almast” opera was born during Spendiaryan’s visit to Tiflis in March and his meetings and conversations with Tumanyan. The birth of the opera “Almast” was also due to the circumstances of the cultural and national-social life of the Armenian people. The 1910s were marked by increased attention to the work of Tumanyan by Armenian and Russian artists — Komitas, M. Saryan, V. Ivanov, A. Grechaninov and others. There is a lot of evidence of how Spendiaryan was inspired by Tumanyan’s poem “The Capture of Tmkaberd”, by the role of intuition and foreboding in art.

It is noteworthy that both visits of Spendiaryan to Tiflis took place on tragic days for the Armenian people and Tumanyan himself, during the ongoing world war and genocide. That is why Tumanyan, both in his oral and written speeches, presented Spendiaryan as a “glorified composer”, as a “great talent”, as a symbol of the “viability” of a resurgent nation. He perceived both visits of the composer in the context of the ontology of the nation, explaining this by a sincere desire to return to national roots, to “his own hearth”, to his historical homeland. This approach was fixed at the literary and musical evenings of the Caucasian Society of Armenian Writers with the participation of the composer, in a warm literary and musical atmosphere, where the two great Armenians were inseparable. They decided to jointly create an opera libretto, for which Spendiaryan invited Tumanyan to his Crimean dacha. However, due to wartime, this creative collaboration remained unfinished.

The image of Hovh. Tumanyan forever remained in the soul and memory of Spendiaryan in all its charm. Along with A. Glazunov, A. Chekhov, M. Gorky, F. Chaliapin, Hovh. Tumanyan became for the composer one of the most

remarkable and outstanding people he met in his life, became an integral part of his biography, a phenomenon that stimulated his creative activity.

Keywords: A. Spendaryan, Hovh. Tumanyan, Komitas, A. Grechaninov, A. Glazunov, F. Chaliapin, M. Gorky, A. Chekhov, opera “Almast”, “The Capture of Tmkaberd”, Tiflis meetings

For citation: Hovanesyan, S. G. (2022), ‘At the Origins of the “Almast” Opera Creation’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 78—102 (in Russ.).

Музыка — самая нежная и самая святая, самая дорогая вещь...

Ов. Туманян

Введение

Актуальность. Изучение жизни и творчества классиков, выдающихся деятелей культуры, литературы и искусства никогда не теряет своей актуальности. Ованес Туманян — самый народный, самый национальный армянский поэт, снискавший титул «Поэта всех армян». Композитор Александр Спендиарян (Спендиаров) прожил в России 46 лет. Будущий всемирно известный музыкант начал играть на фортепиано в четыре года, в 6 лет освоил ноты, в 7 лет написал свое первое сочинение — маленький вальс. В 14 лет он уже играл на скрипке, а в 17-летнем возрасте опубликовал свои романсы. Он 5 лет учился в Императорском университете в Москве, затем получил диплом юриста первой степени в Петербурге. Но его пристрастием, стихией была музыка. Он играл в Студенческом оркестре Николая Кленовского, брал уроки у скрипача Большого театра М. Пекарского. Н. Кленовский советует Спендиаряну серьезно заняться теорией музыкальной композиции и становится первым его учителем. Затем Спендиарян становится учеником Николая Римского-Корсакова, которому посвятил свое первое симфоническое произведение «Концертная увертюра». Особняк Спендиаряна в Ялте, который в свое время был летней резиденцией королевы Сербии Натальи, вскоре стал своеобразным культурным центром, куда приезжали Максим Горький, Антон Чехов, Александр Глазунов, Антон Аренский, Федор Шаляпин, Сергей Рахманинов, Илья Репин.

После установления советской власти Ал. Спендиарян поселился на родине, в Ереване. 20 января 1933 г., через пять лет после смерти композитора в Ереване открывается Государственный оперный театр Армении, первой постановкой которого была опера Спендиаряна «Алмаст». С 1939 г. театр носит имя Александра Спендиаряна. Несмотря на то, что о жизни и творчестве композитора написано немало статей и монографий, в его биографии всё еще остаются неизвестные страницы, освещение которых помогает лучше представить его творческие замыслы. 150-летие композитора было лишь поводом по-новому взглянуть на его творчество, обнаружить между литературой и музыкой связи, способные открыть перед будущими исследователями новые возможности для научного анализа творчества композитора.

Постановка вопроса. Целью статьи было рассмотрение тифлиских встреч двух великих деятелей армянской культуры Ов. Туманяна и Ал. Спендиаряна. Подробности этих встреч до сих пор не были предметом отдельного рассмотрения. Между тем они значимы не только для истории армянской культуры и искусства, но и для исследования плодотворности совместной работы, объединения усилий поэта и композитора, в результате которых рождается новое произведение искусства.

Методология и методы исследования

При исследовании проблемы нами использовались методы как научно-биографического и хронологического, так и сравнительного анализа. Методология эта включает в себя также и вопросы искусствоведения, рассматривает явления искусства в сфере социальных и общественных отношений. На основе изучения биографических фактов раскрываются обстоятельства создания музыкального шедевра Ал. Спендиаряна, творческая лаборатория композитора, замысел и процесс рождения оперы «Алмаст».

Рассматривая тифлиские встречи Туманяна и Спендиаряна в контексте исторической эпохи и реалий армянской действительности начала XX столетия, мы не могли также обойти стороной культурно-исторический метод, который является наиболее жизнеспособным из литературоведческих методов и прошел долгий путь развития, не теряя при этом своего практического,

прикладного значения в кругу других методов. Применение совокупности указанных методов дает возможность всестороннего и целостного исследования истории создания оперы «Алмаст» и придает следующим из статьи выводам и заключениям органичность и логическую завершенность.

Основная часть

Рождение каждого гения в той или иной области искусства имеет непреходящую художественную ценность в конкретной области мировой и национальной культуры. Однако еще более счастливым стечением обстоятельств можно считать встречу двух великих людей, творчество которых является воплощением наивысшего проявления человеческого таланта, вокруг одного и того же произведения искусства. Такой знаковой, поистине судьбоносной удачей мы вправе считать встречу самого национального армянского поэта, «Поэта всех армян» Ованеса Туманяна и известного армянского композитора Александра Спендиаряна в 1916 г. А произведением искусства, «спровоцировавшим» эту знаменательную встречу, была пока еще только задуманная опера «Алмаст».

Дарования Туманяна и Спендиаряна имели одну замечательную общую черту, которая сразу же сблизила их как творческих личностей, художников. Оба они на интуитивном уровне чувствовали, распознавали народные истоки, корни в любом произведении — будь то песня или необработанный фольклорный материал; они умели открывать для себя глубинную сущность, первозданную красоту и очарование народного творчества, его богатств и дух. На большую увлечённость Спендиаряна народным творчеством обратил внимание Александр Глазунов, который считал своего армянского коллегу «величайшим мастером, творчески использующим музыкальный фольклор» [Սպենդիարյանը փանսիակալիցների հուշերում, 1960: 156].

На первый взгляд даже сама попытка в разгар Первой мировой войны и геноцида создать эпическое музыкальное произведение выглядит несвоевременной, нереальной и поразительной, однако даже в этот страшный и совершенно неблагоприятный для творческой деятельности период армянская культурная жизнь время от времени проявляла большую активность. Народу,

находящемуся на грани физического истребления, необходимо было убедить мир в том, что он является носителем огромного пласта культуры, что он все еще обладает большой созидательной силой, продолжает оставаться частью цивилизованного мира, а следовательно, имеет право на жизнь. Возможно, это обстоятельство не имело большого значения для политических расчетов мировых держав, но восприятие деятелей культуры было другим.

Именно в таком контексте следует воспринимать поездки Валерия Брюсова и Александра Спендиаряна на Кавказ. Оба эти визита вызвали исключительно большой общественный резонанс — особенно в среде тифлисской армянской интеллигенции. Как раз в эти годы начал расти интерес армянских и русских композиторов и музыковедов к творчеству Ов. Туманяна. В частности, стали инсценироваться музыкальные произведения, написанные на основе произведений армянского поэта.

Поэзия Туманяна — источник творческого вдохновения для композиторов

Еще накануне мировой войны, 4 августа 1912 г., состоялась премьера оперы Армена Тиграняна «Ануш» на сцене Народного дома в Александрополе. Уже в следующем, 1913 г., эта опера демонстрировалась на сцене Маилянковского театра в Баку. В феврале 1913 г., 9 и 10 февраля, опера Тиграняна была поставлена в Ереване, в театре Джанполадян [Չիշիրյան, 2019: 54]. А в годы войны периодически инсценировалась опера Саркиса Мурадяна «Пес и Кот». Одно из представлений оперы — 9 декабря 1916 г. — совпало со вторым приездом Ал. Спендиаряна на Кавказ.

В этот же период возрастали стремления и попытки написать оперу не просто по какому-либо произведению Туманяна, а именно на основе поэмы «Ануш». Причем попытки эти предпринимались не только со стороны армянских композиторов, в частности, Комитаса, но и со стороны инонациональных композиторов. Когда в феврале 1916 г. поэт Вячеслав Иванов прочитал свой перевод поэмы «Ануш» композитору А. Гречанинову¹, тот сразу же принял решение переложить поэму в оперу и даже вознамерился поехать с этой целью в Армению, чтобы поближе ознакомиться с армянскими музыкальными традициями и народным

¹ Երևկոյան Երևան. 1969. 8 հունիսի. Էջ 4.

армянским мелосом². Аналогичное решение в том же году принял также Ал. Спендиарян, причем примечательно, что идею эту впервые предложил художник Мартирос Сарьян.

Изначально Спендиарян намеревался написать оперу по восточным мотивам. Музыковед Анна Асатрян отмечает: «Н. А. Римский-Корсаков посоветовал Ал. Спендиаряну написать “восточную” оперу. Композитору предложили написать оперу на основе легенды “Ара Прекрасный и Шамирам”. Предложение это поддерживал В. Суренянц. Ал. Спендиарян в 1915 г. в Москве познакомился с М. Сарьяном, который посоветовал ему взять для оперы поэму Туманяна “Ануш”» [Շիշմիրյան, 2019: 65].

В годы мировой войны поэма «Ануш» становилась предметом творческого вдохновения и для других композиторов. В 1917 г. Саркис Бархударян написал симфоническую поэму «Ануш», которая исполнялась в Тифлисе. За год до этого, в 1916 г., С. Бархударян из Петрограда обратился в письме к находившемуся в Тифлисе Григору Мирзояну-Сьюни, чтобы он записал в исполнении Туманяна звучащие на свадебных и иных торжествах «песни борьбы», однако поэт отказался напевать для записи какие-либо песни. «Это очень меня огорчило, — пишет по этому поводу С. Бархударян. — Я лишился возможности сохранить колорит свадьбы, описанной Туманяном» [Թումանյանի ժամանակակիցների հուշերում, 2020: 317].

Понять отказ Туманяна нетрудно: поэт еще не отошел от тягостных, кошмарных воспоминаний о тысячах голодных, больных и несчастных армянских беженцев и детей-сирот, так что ему было вовсе не до свадебных песен. Тем не менее, уже летом 1917 г. (не позднее 10 июля) С. Бархударян навещает Туманяна, являясь к тому времени автором завершеного музыкального произведения. «В качестве слушателей собрались все родные и близкие Туманяна. Были также и гости. Я заметил, что Туманян сосредоточенно слушает музыку — со своей пленяющей туманяновской улыбкой. Когда я закончил, Туманян поблагодарил меня за доставленное удовольствие, заметил, что мне удалось на языке музыки пересоздать содержание поэмы “Ануш”... Во время прощания Туманян пожелал мне дальнейших успехов в творческой работе, попросил навещать его почаще» [Բարխուդարյան, 1958: 71].

² Հորիզոն. Թիֆլիս. 1916. № 43. 25 փետրվարի. Էջ 3.

Первый визит Спендиаряна на Кавказ

Получив весной 1916 г. приглашение от тифлисского Армянского общества любителей музыки выступить с концертами в Тифлисе, Спендиарян охотно соглашается. Это могло стать благоприятным поводом для встречи с Ов. Туманяном.

Композитор прибыл в Тифлис из своей дачи в Судак, куда он недавно переехал с семьёй после продажи своего особняка в Ялте. Что касается Туманяна, для него этот период был особенно трудным. Бесчисленные лишения и горестные испытания, обрушившиеся на армянский народ, совершенно изнурили и преждевременно состарили его. 2 марта, в тот самый день, когда Спендиарян прибыл в Тифлис, Туманян пишет в письме, адресованном Эгине Мелик-Айвазян: «Действительно, эти последние несколько месяцев оказались ужасными в моей жизни. Сперва Ван, затем лето — Эчмиадзин, после этого убийство одного моего брата, затем другого, дом в совершенно запущенном состоянии — одни только растерянные женщины и дети, другие мои братья — на далеких фронтах или госпиталях, сыновья мои разбросаны тут и там и находятся в опасности, дома группы больных, да и то по месяцам, наконец, вместе со всем этим такие истории, что и писать о них не хочется — одним словом, пусть эти последние месяцы сгинут и не вернуться» [Թովմանյան Հովհ., 1999: 234]. При этом поэт больше всего волновало и беспокоило то, что он был вынужден скрывать от матери известие о гибели на войне ее сына. Во имя матери, находившейся в очень плохом физическом состоянии, он принял решение похоронить своего брата втайне от нее. «Повести ее, показать тело сына или сообщить о его смерти — это всё равно, что застрелить ее, убить или довести до сумасшествия, что еще хуже», — писал Туманян [Թովմանյան Հովհ., 1999: 234].

Вот в такое трагическое для Туманяна время, 1 марта 1916 г., в Тифлис приезжает Ал. Спендиарян. А 27 марта в 13 часов пополудни в зале Императорского театра состоялся симфонический концерт, в программе которого были произведения Спендиаряна. Сам композитор не только присутствовал на концерте, но и дирижировал оркестром³. Накануне, 24—26 марта, тифлисские газеты сообщали, что симфонический оркестр будет исполнять произведения

³ Կ.տ. 1916. № 72. 31 մարտի. Էջ 6.

Спендиаряна и что концертом будет управлять сам композитор. Программа концерта, насколько это возможно, была составлена с учетом военного времени. Прозвучали симфоническая картина «Три пальмы», сюита «Крымские эскизы», легенда «Бэда-проповедник», песня добровольца «На поле славы», марш на казачьи военные песни «Разудалые бойцы» и другие произведения⁴. «На зрителей особенно глубокое впечатление произвели сюита “Крымские эскизы” и симфоническая картина “Три пальмы”, в которой звучали колокольчики верблюжьего каравана. Тифлисская общественность была в полном восторге», — отмечала местная пресса⁵.

На следующий день после концерта состоялся банкет, на котором тамадой был Ов. Туманян. В провозглашаемых тостах поэт изложил содержание своей заметки «Приветствуем», опубликованной накануне концерта в качестве редакторской колонки на первой странице газеты «Оризон» («Горизонт»)⁶.

Пребывание Спендиаряна в Тифлисе было для Туманяна лучом света в «огромном море армянского горя». С первой же минуты знакомства Ов. Туманян, наряду с А. Глазуновым, А. Чеховым, М. Горьким, Ф. Шаляпиным, становится для композитора одним из самых замечательных и выдающихся людей, с которыми ему довелось встретиться в жизни. Знакомство с величайшим армянским поэтом эпохи не только добавило новые краски в жизнь композитора, но и стало составной и неотъемлемой частью его творческой биографии, важным явлением, дающим стимул его работе и искусству. Вовсе не случайно, что в приветственной речи, посвященной выдающемуся армянскому композитору, нашли отражение вера и надежда, что именно благодаря искусству и посредством культуры станет возможным духовное возрождение армянского народа. Принимая участие в подготовительных работах концерта Спендиаряна, Туманян стал очевидцем всеобщего воодушевления, и его природный оптимизм, его вера в светлое будущее своего народа еще больше укрепились. Поэт воспринимал Спендиаряна как символ жизнеспособности народа. Туманян пишет: «Удивительна жизнеспособность нашего народа: я полон незыблемой веры в эту

⁴ Ե.ս.

⁵ Ե.ս.

⁶ Ե.ս. 1916. № 69. 26 մարտի. Էջ 1.

великую жизнеспособность. Говоря “жизнеспособность”, я ссылаюсь на высокий и благородный смысл этого слова. И никакой тиран, и никакой варвар никогда не был в состоянии завоевать и подавить это могучее свойство армянского народа» [Թովմախանի Հոփ., 1995: 224—225].

Ов. Туманян никогда не отличался большой щедростью на похвалы в адрес деятелей культуры и искусства своей эпохи, хорошо знал цену, валентность слова, однако он при этом исключительно высоко оценивал талант Спендиаряна и его значение не только для армянского, но и мирового музыкального искусства. Поэт в своей приветственной речи отметил: «И вот сегодня в родные пенаты приходит снискавший славу в европейском музыкальном мире армянский выдающийся композитор Александр Спендиарян, он пришел из западной музыки в восточную музыку с большими и красивыми программами, и залогом их успешного претворения в жизнь являются его крупный талант и блестящая подготовка, а еще то обстоятельство, что возможностью своего передвижения он не зависит от нашей несчастной действительности. Это первый случай, когда наш талантливый соотечественник оказывается среди нас, впервые он выступает перед нашей общественностью, и с этого первого раза мы приветствуем его ликованием и аплодисментами» [Թովմախանի Հոփ., 1995: 226].

Своими впечатлениями от концерта в разделе «Театр и музыка» газеты «Оризон» поделился С. Меликян. В его заметке читаем: «Я слышал много концертов, однако этот концерт был совершенно иным. Говорил Восток, говорил впервые, и таким пленительным, таким притягательным языком!.. Концерт Ал. Спендиаряна представлял собой целостную и блистательную симфонию... Ал. Спендиарян — первый, кто выходит на сцену с такой грандиозной программой, чтобы воспеть страдания и страсти восточного мира»⁷.

Весь доход от концерта композитор передал в распоряжение руководства правления военной базы, находившейся под патронажем императрицы Александры Федоровны и Великой княгини Анастасии Николаевны. Считаю нелишним заметить также, что все свои гонорары от тифлиссских концертов и авторских

⁷ Ն.ս. 1916. № 72. 31 մարտի. Էջ 6.

выступлений Ал. Спендиарян передал пострадавшим от геноцида беженцам-армянам.

31 марта 1916 г. по приглашению Туманяна Спендиарян принимает участие в традиционном литературном четверге Кавказского общества армянских писателей, который состоялся в одном из тифлиских концертных залов и был посвящен 50-летию со дня смерти Микаела Налбандяна. В этот день среди почетных гостей мероприятия были также известный французский журналист Анри Барби и видные западноармянские писатели Гаспар Ипекян, Рубен Зардарян. В своем вступительном слове Туманян предложил «стоя и аплодисментами почтить присутствие выдающегося композитора Спендиаряна»⁸.

Как отмечает музыкальный критик Анна Асатрян, «уже с первого дня своего приезда в Тифлис Спендиарян начинает интересоваться поэмой Туманяна “Ануш”» [Չափարյան, 2019: 66].

Во второй половине марта 1916 г. Ал. Спендиарян был частым гостем в квартире Ов. Туманяна, в той самой известной на весь Тифлис гостеприимной квартире, которая была своеобразным «штабом», местом постоянных встреч для крупнейших армянских, грузинских и инациональных деятелей литературы, науки, культуры и искусства, а также дипломатов, общественно-политических деятелей начала XX столетия. Благодаря воспоминаниям дочери поэта Нвард Туманян и ее статье «Туманян и Спендиарян» до нас дошли подробности этих встреч, практически всё, о чем говорили поэт и композитор⁹.

Идея написать оперу на основе поэмы Туманяна «Взятие Тмкаберда» возникла у Спендиаряна весной 1916 г. И можно не сомневаться, что этому во многом способствовали встречи и продолжительные беседы композитора с поэтом. Нвард Туманян пишет: «В эти дни у Спендиаряна было приподнятое настроение.

⁸ Ն.ս. 1916. № 74. 2 փոփոխ. էջ 2.

⁹ Воспоминания Нвард Туманян могут считаться вполне надежным и заслуживающим доверия источником, так как они выполнены в виде дневниковых записей. Она записывала каждую встречу и беседу своего отца с классиками армянской литературы и деятелями культуры и искусства в тот же день (или на следующий день). Своей задачей и целью она считала донести до грядущих поколений точную запись бесед своего великого отца.

Он часто оставался обедать с отцом, когда приходил к нам домой. Вечера он проводил с отцом. Спендиарян заинтересовался поэмой “Ануш”, хотел записать ее. Но после ознакомления решил, что материал не стал для него близким. Решили поехать летом в Лори. Затем отец прочитал поэму “Парвана”, которая понравилась композитору, но он при этом заметил, что сюжет очень маленький. “Хорошая вещь, но сжато написано. Лирики много. Негде развернуться”. Просил, чтобы отец развернул некоторые места, добавил новые песни и тем самым дал ему возможность написать оперу. Отец, по-видимому, догадался о его желании и прочитал “Взятие Тмкаберда”. Спендиарян обрадовано встал с места:

— Вот это да! Вот это я и хочу!

И начал воодушевленно шагать по комнате. Спендиарян попросил, чтобы отец дословно перевел для него поэму. Особенно ему понравилось вступление. Он воодушевленно шагал и декламировал: “Эй, пароннер” и не мог продолжить, обращался к отцу:

— Ну, как дальше, парон Ованес?

Он не знал армянского языка. Просил отца, чтобы прочитал снова» [Թ-նւիւիւիւի Ն., 1987: 153].

Далее из дневниковых записей Нвард Туманян узнаем, что кроме «Вступления» композитору понравились сцена пира, сон Татула и отрывок, повествующий о коварстве и предательстве безымянной владелицы крепости Тмук. «Сидя вдвоем, до поздней ночи делили поэму на сцены, вычерчивали картины... На следующий вечер продолжали работать. Спендиарян интересовался исторической стороной поэмы. Отец доставал из шкафов различные книги, читал отрывки и разъяснял их» [Թ-նւիւիւիւի Ն., 1987: 154; см. также: Թ-նւիւիւիւի Ն., 1958: 68].

Спендиарян попросил Туманяна написать новые песни для главного героя поэмы Татула, чтобы обогатить текстурой его роль. Поэма «Взятие Тмкаберда» нравилась композитору как своим содержанием, так и ашугской стилизацией «Вступления». Этот прием использовался автором для того, чтобы еще больше оттенить, акцентировать самовлюбленность и эгоцентричность владелицы крепости Тмук. Как человек искусства, наделенный тонким художественно-эстетическим вкусом, Спендиарян придавал большое значение вдохновению, наитию, предчувствию, и, следовательно, изначально задался целью во всех подробностях

и по возможности ярче и красочнее представить на сцене сон Татула. «На сцене, вдали будет виден трон Надир Шаха, затем надо ярко и сильно показать сон Татула. Вот эти драконы, все эти предчувствия Татула во время пира» [Թովմիշյանի Կ., 1987: 154].

Мы видим, с какой точностью и подробностью Нвард Туманян представляет воодушевление и вдохновение Спендиаряна, описывает глубокое впечатление, которое произвело на композитора произведение армянского поэта. Без этого воодушевления и вдохновения опера не имела бы той задуманной цельности и завершенности и, следовательно, не оказывала бы на зрителей ожидаемого воздействия, не очаровывала бы их с первых своих тактов. Нвард пишет: «Беседы в кабинете отца продолжались до поздней ночи. Они оба усаживались рядом на тахте и беседовали. Отец спокойно читал, а Спендиарян беспокойно слушал и после каждого отрывка вставал с места, легкими шагами прохаживался от одного конца стола до другого, разговаривая при этом сам с собой:

— Трон шаха, драконы, песни ашуга — замечательно, замечательно!» [Թովմիշյանի Կ., 1987: 154].

Во время одной из таких весенних встреч обсуждался вопрос имени владелицы крепости Тмук. В поэме Туманяна главная героиня была безымянной, поскольку являлась символом единства противоречивых чувств и ощущений. С помощью драматического образа хозяйки крепости автор стремился показать всю сложность и противоречивость внутреннего мира человека, в котором мирно сосуществовали, уживались добро и зло, сила и слабость, наивность и коварство, преданность и лживость, жестокость и нежность, гордыня и смиренность... Но несмотря на то, что противоречивость и философско-психологическая насыщенность, некоторая обобщенность, схематичность и символичность образа главной героини поэмы была очевидна и для Спендиаряна, тем не менее, он, исходя из требований сценического искусства, терпеливо и настойчиво разъяснял Туманяну, что хозяйка крепости не может не иметь имени, что зритель не будет в состоянии воспринимать безымянную главную героиню. Композитор предложил поэту подобрать имя для своего ключевого персонажа. Для Туманян подобный подход оказался вполне резонным и приемлемым, поскольку он сам считал, что образ хозяйки крепости

является центральным и должен быть доминирующим и акцентированным, чтобы полностью раскрыть тему. Поэт предложил имя Гоар, поскольку это имя носила героиня его сказки «Золотой город», царица, которая владела секретом дарить людям счастье. Правда, в опере ей предстояло делать людей несчастными, ведь она была предательницей и тщеславной, самовлюбленной женщиной. «По желанию отца опера должна была называться “Гоар”, по имени княгини, — пишет Нвард Туманян. — Однако, как впоследствии пояснил Спендиарян, близость двух гласных — *o* и *a* — в русском варианте мешало ему при написании музыки, поэтому имя “Гоар” было заменено на близкое по смыслу имя “Алмаст”» [Թ-նվաճիյան Կ., 1987: 154].

Ал. Спендиарян был далеко не единственным человеком, восхищавшимся поэмой «Взятие Тмкаберда». Произведение это, являющееся блестящим художественным воплощением идеалов правдивого, благородного, непорочного человека, покорило друзей поэта еще задолго до того, как обрело законченный вид. Ав. Исаакян пишет: «Помню, как сегодня: когда он (Туманян. — С. О.) продекламировал первый вариант Вступления “Тмкаберда”, это вызвало во мне большое восхищение» [Թ-նվաճիյան Կ. 1969: 13]. Заметим, что уже во «Вступлении» поэмы декларируется, что дела человека бессмертны, что заветная мечта лирического героя о человеческом совершенстве станет самостоятельной художественно-философской темой поэмы, темой, которая во все времена постоянно волновала каждого деятеля искусства.

Второй визит Спендиаряна на Кавказ

После мартовских встреч с Туманяном Спендиарян почувствовал необходимость в продолжении совместной работы с автором поэмы. Об этом свидетельствует письмо композитора от 20 октября 1916 г., хранящееся в фонде Туманяна Музея литературы и искусства им. Егише Чаренца: «Многоуважаемый Парон Ованес!

Приблизительно через месяц я предполагаю выехать в Тифлис, — на этот раз в сопровождении моей жены, — чтобы ознакомиться с тем, что Вы успели сделать в отношении обещанной Вами мне переработки Вашей чудесной поэмы “Взятие

Тымкаперта” в драму, и чтобы собрать нужный мне для этого сюжета музыкальный материал.

Буду бесконечно рад снова встретиться с Вами и так же приятно, как и в первый мой приезд, провести время в интересной беседе с Вами и Вашими симпатичными дочерьми.

Если Вы не имели еще времени заняться переработкой “Взятие Тымкаперта”, то пусть это Вас нисколько не стесняет: за время моего пребывания в Тифлисе мы во всяком случае успеем с Вами окончательно выработать сценариум и кроме того, как я уже писал, я займусь собиранием музыкального материала, а потому мой приезд в Тифлис не будет напрасным.

Прошу передать мой сердечный привет Вашей семье.

Искренно преданный Вам
Ваш горячий почитатель
А. Спендиаров»¹⁰.

Второй приезд Ал. Спендиаряна на Кавказ не заставил себя долго ждать. Он приехал в Тифлис 1 декабря 1916 г. На этот раз приезд композитора совпал с постановкой оперы Саркиса Мурадяна «Пес и Кот», написанной на основе одноименной баллады Туманяна, на сцене театра Маилаян в Баку¹¹.

Рассказывая о втором, декабрьском приезде Ал. Спендиаряна на Кавказ, тифлиссские газеты в качестве причины и цели визита единодушно указывали желание композитора продолжить беседы и совместную работу с Ов. Туманяном. Более того, в информационных отчетах отмечалось, что композитор уже начал писать свою оперу и нуждается в консультационной помощи автора поэмы. В сообщении за 1 декабря 1916 г. читаем: «Известный музыкальный деятель Спендиарян переложил в оперу поэму Ов. Туманяна «Взятие Тмкаберда». Именно с этой целью автор приехал в Тифлис — посоветоваться с Ов. Туманяном и ознакомиться с армянской и персидской музыкой, с армянскими танцами, чтобы использовать все это в своей опере»¹². Это было не совсем верно: опера «Алмаст»

¹⁰ Եղիշե Չարենցի անվան գրականության և արվեստի թանգարան (GAT): Թումանյանի ֆոնդ (ԹՖ). № (թերթիկ) 1999 (980).

¹¹ Հորիզոն. Թիֆլիս. 1916. № 275. 9 դեկտեմբերի. Էջ 3. См. также: Մշակ. Թիֆլիս. 1916. № 275. 9 դեկտեմբերի. Էջ 2.

¹² Հորիզոն. Թիֆլիս. 1916. № 269. 1 դեկտեմբերի. Էջ 3.

еще не была написана, правильнее было бы говорить об отдельных фрагментах оперы, которые к тому же существовали в черновых вариантах и нуждались в серьезной доработке. Цель приезда в Тифлис всемирно известного композитора широко обсуждается; в информации, опубликованной в той же газете неделю спустя, мы находим одновременно и опровержение, и подтверждение предыдущего репортажа. Сообщается, что «Спендиарян приехал, чтобы ближе познакомиться с армянской и вообще восточной музыкой и переложить поэму Ов. Туманяна “Взятие Тмкаберда” в оперу»¹³.

5 декабря 1916 г. в гостеприимной квартире Ов. Туманяна (по адресу ул. Вознесенская, 18), в рабочем кабинете поэта состоялась очередная беседа двух выдающихся деятелей армянской культуры, главным предметом которой было обсуждение армянских народных песен, армянского мелоса. Дочь поэта Нвард пригласила по этому поводу свою одноклассницу Бемию Тер-Минасян, которая знала много народных песен. В ее исполнении прозвучало более десятка армянских песен. Спендиаряну особенно понравились песни «Твои очи, Алагяз», «Джан, марал джан», «Ненаглядная любимая моя», «Бингёл», «Вард кошикес», а также другие песни. Впоследствии песня «Вард кошикес» в переплетении с мелодиями «Кяндербаз» и «Шавали» была использована композитором при создании танцевальной мелодии для главной героини оперы «Алмаст». Туманян в благодарность за прекрасное исполнение народных песен подарил Бемии экземпляр своей поэмы «Взятие Тмкаберда», надписав ее: «Соловью крепости Тмук». Спендиарян также поставил на книге свой автограф [Սպենդիարյանը ժամանակակիցների հուշերում, 1960: 153]. Композитор записывает все эти песни и некоторые восточные мелодии, которые в будущем использует в ряде своих произведений.

Во время своего декабрьского пребывания в Тифлисе Спендиарян практически все дни проводил в компании Ов. Туманяна и композитора Романоса Меликяна. Последний сопровождал Спендиаряна в так называемые «старые кварталы Тифлиса», посещал вместе с ним чайные и питейные заведения («гайфаханы»), где оба известных композитора слушали песни

¹³ Ն.տ. № 274. 8 դեկտեմբերի. Էջ 3.

ашугов, мелодии, исполняемые на народных струнных инструментах — таре и кяманче.

В начале XX столетия многие армянские культурные организации — союзы и общества, за неимением постоянных помещений зачастую проводили свои мероприятия, причем не только заседания правления, но и литературные и музыкальные вечера, в домашних условиях. В этих целях, как правило, использовались квартиры председателей общественных организаций. И если практически постоянным местом для встреч и заседаний правления Кавказского общества армянских писателей служила квартира Ов. Туманяна, то для Армянского музыкального общества таким «штабом» являлась квартира председателя правления пианиста, востоковеда и музыкального деятеля Овсеп Тер-Давтяна. Именно здесь во вторник 6 декабря 1916 г. состоялась встреча музыкальной общественности с Ал. Спендиаряном. Композитора сопровождал Ов. Туманян. Информация об этом вечере была помещена в тифлиских газетах. В одном из таких сообщений читаем: «В квартире Овсеп Тер-Давтяна намечается собрание армянских ашугов, на котором известный музыковед Спендиарян будет записывать восточные мелодии для оперы “Взятие Тмкаберда”»¹⁴. А через день после мероприятия газеты подтвердили, что «дома у Тер-Давтяна состоялся вечер армянской народной и ашугской песни»¹⁵. Сообщалось также, что на вечере присутствовали члены правления Армянского музыкального общества, армянские музыканты, певцы и певицы, а также известные ашуги. Исполнялись песни армянских композиторов, народные песни и песни ашугов¹⁶. По мнению участников и гостей мероприятия, «вечер представил довольно полную картину относительно ашугской и армянской народной песни»¹⁷.

Из тифлисской армянской периодики мы узнаем также, что 8 декабря 1916 г. Спендиарян принимал участие в «специальном заседании» Армянского Музыкального общества¹⁸.

¹⁴ Նույն տեղում. 1916. № 272. 6 դեկտեմբերի. Էջ 3.

¹⁵ Մշակ. Թիֆլիս. 1916. № 274. 8 դեկտեմբերի. Էջ 3.

¹⁶ Ն.ս.

¹⁷ Ն.ս.

¹⁸ Ն.ս.

На следующий день, в пятницу 9 декабря в восемь часов вечера Ов. Туманян как председатель правления Кавказского общества армянских писателей организовал в честь Спендиаряна большой литературно-музыкальный вечер, который состоялся в зале тифлисской Консерватории [Սպենդիարյանը ժամանակակիցների հուշերով, 1960: 154; Թովմանյան Ն. 1958: 68]. В своем выступлении прославленный композитор отметил, что наслышан о благотворительной деятельности как Литературного фонда Кавказского общества армянских писателей, так и самого Ов. Туманяна. Выразив свою признательность и безоговорочную моральную поддержку находившимся в бедственном материальном положении армянским писателям, он подарил Литературному фонду триста рублей¹⁹.

По свидетельствам современников и информационным сообщениям газет, вечер проходил в битком забитом зале Армянского музыкального общества (в здании Консерватории). «В зале и амфитеатре Музыкального общества были заполнены не только все сидячие места, но и все проходы. Вечер прошел в очень живой обстановке», — читаем в одной из газетных репортажей²⁰. Считаю не лишним напомнить, что вечер проходил в суровых условиях голодного и холодного военного времени, когда людям приходилось бороться с каждодневными трудностями и лишениями, заботиться о хлебе насущном. А входной билет на вечер стоил от 75 копеек до трех рублей.

Вечер открылся обращенным к почетному гостю Тифлиса приветственным словом Ов. Туманяна. Поэт отметил, какую пагубную роль сыграли мировая война и геноцид армянского народа на развитие культуры, литературы и искусства, сказал, «как была перебита и разгромлена наша древняя нация, как далеко рассеялись и раскинулись ее обломки и как были исковерканы и искажены наши национальные духовные произведения»²¹.

Как первый, так и второй визит Ал. Спендиаряна на Кавказ Туманян воспринимал в контексте онтологии, экзистенции, борьбы за физическое существование армянского народа. Мотивацию обоих визитов всемирно известного композитора он видел

¹⁹ Հորիզոն. Թիֆլիս. 1916. № 276. 11 դեկտեմբերի. Էջ 3.

²⁰ Ն.ս. № 279. 15 դեկտեմբերի. Էջ 4.

²¹ Ն.ս.

в благородном и возвышенном стремлении его души быть в это трудное и судьбоносное время рядом со своим народом. Спендиаряну, считал Туманян, непременно было необходимо принять непосредственное участие в борьбе армянского народа за право свободной и мирной жизни в большой семье свободных и мирных народов. Композитору, всю свою жизнь проживавшему в России, важно было ощущать себя полноценным армянином, важно было вернуться к своим истокам, национальным корням. «В последнее время, — сказал в своем обращении Туманян, — среди нас набрало силу и окрепло стремление к возвращению своей целостности, к оздоровлению, к тому, чтобы благодаря своей культуре стать целостной нацией, и вывело на первый план какое-то всеобщее движение во всех направлениях и во всех сферах нашей жизни. И вот из дальних мест стремятся к родине все наши разобщенные частицы, мы собираем крупички наших стародавних произведений, крупички нашей разгромленной культуры, соединяем их, чтобы заново обрести свою целостность и вернуться к творчеству» [Թ-նւնիւնիւն Հոփ., 1995: 298].

Обращаясь к Спендиаряну как «прославленному композитору», Туманян сказал: «В последние десятилетия наши композиторы стали возвращаться к песням и мелодиям родного народа и к произведениям и песням армянских поэтов. Это явление уже стало всеобщим движением, и в этом всеобщем движении знаменательно и Ваше возвращение к армянской действительности и армянской литературе — как удостоверенное возвращение прославленного композитора, который приходит, чтобы гармонизировать слово армянского поэта и родную музыку» [Թ-նւնիւնիւն Հոփ., 1995: 298].

Продолжая и развивая свою приветственную речь, Туманян сказал: «Я как председатель Общества армянских писателей приветствую Ваше возвращение от имени Общества армянских писателей и приветствую Вас, как родного человека, который после долгого пребывания на чужбине, возвращается к себе домой, к своему родному очагу, принеся с собой музыку, эту самую нежную и самую святую, самую ценную вещь, которая существует в мире и в жизни» [Թ-նւնիւնիւն Հոփ., 1995: 299].

Встречи Ов. Туманяна и Ал. Спендиаряна, этих двух великих деятелей армянской культуры, стали для поэта прекрасным

поводом для выражения в афористической форме своих мыслей и своего отношения к музыкальному искусству. В своем приветственном обращении к Спендиаряну, Туманян формулирует также сближающие, общие черты и различия между музыкой и поэзией, роль их взаимосвязанности, соприкосновенности в духовном мире людей и в контексте эстетического воздействия искусства на человека. Послушаем Туманяна: «Поэт всего лишь дает плоть своим мыслям и чувствам и своим вдохновением одухотворяет эту плоть, чтобы она жила вечно; но для того, чтобы она летела, для этого ей нужны крылья, а обрести крылья она может только и только в том волшебном мире, который зовется музыкой. Таким образом, вы приходите, чтобы окрылить живые художественные произведения армянских поэтов, чтобы они стали могучими и совершенными, волшебными творениями» [Թումանյան Հովհ., 1995: 298—299]. По свидетельству очевидца, «Выступление Ов. Туманяна было встречено громоподобными аплодисментами»²². Далее поэт предоставил трибуну музыкальному деятелю Овсепу Тер-Давтяну, который выступил с лекцией «Роль армянской народной песни в нашей жизни»²³.

Художественно-музыкальная часть вечера была довольно насыщенной и многожанровой. Ансамбль струнников-сазандаров ашуга Арутюна исполнил несколько армянских и персидских народных песен; гусан Бабаджик со своей группой исполнили арабские и курдские композиции на малоазиатском щипковом инструменте сантуре. Среди выступавших были также дудукисты группы Сандро. С большой долей вероятности можно утверждать, что именно на этом вечере Спендиарян услышал персидскую песню «Новруз Арар», отрывок из которой («Гейдари») впоследствии был использован композитором в опере «Алмаст», при создании марша персидских войск шаха Надира. По признанию самого Спендиаряна, ему в этом деле помогли музыкальные материалы, изданные Никогайосом Тиграняном, а также записи и обработки народных песен («Гейдари», «Канатоходец», «Вард кошикес», «Шавали»).

²² Նույն տեղում. 1916. № 279. 15 դեկտեմբերի. Էջ 4.

²³ Մշակ. Թիֆլիս. 1916. № 274. 8 դեկտեմբերի. Էջ 3; № 275. 9 դեկտեմբերի. Էջ 2.

На вечере прозвучали также песни Саят-Новы и «Антуни» Комитаса в исполнении Мушега Агаяна и Б. Тер-Минасян. Песни Саят-Новы исполняла также ашугская группа Азири, которую Туманян пригласил специально для того, чтобы по возможности полнее представить Спендиаряну песенное творчество великого армянского поэта-ашуга. В тифлиских газетах отмечалось, что «прославленному композитору понравились некоторые песни и мелодии, и он их записал»²⁴.

Во втором отделении вечера, после первого антракта, А. Тер-Давтян призвал ашугов и музыкантов-исполнителей слагать песни о трудной, полной лишений жизни армянского народа²⁵.

На вечере выступил также Ал. Спендиарян. Он исполнил на рояле свои «Крымские эскизы», «Три пальмы» и романсы. По свидетельству очевидца, композитор «по просьбе общественности сыграл на фортепьяно фрагменты из Крымских татарских эскизов»²⁶. И снова отмечается, что зрителям особенно понравились «симфоническая сюита “Три пальмы” с пленительными переливами бубенцов и колокольчиков шагающего каравана и с чарующей сольной партией Рубена»²⁷. «В заключение, — пишет автор развернутого репортажа о мероприятии, — по просьбе народа г-н Спендиарян исполнил на фортепьяно две татарские мелодии — “Базламс” и “Хайтарма”, которые доставили обществу большое удовольствие, и она вознаградила деятеля искусства бурными аплодисментами»²⁸. 10 декабря Ал. Спендиарян приглашает Ов. Туманян в гости и устраивает в его честь прием в доме брата, успешного тифлиского юриста Ованеса Спендиаряна, где он останавливался во время обоих своих визитов. Туманян бывал здесь и раньше, во время первого приезда композитора в Тифлис. И снова, как и во всех предыдущих случаях, дружеское застолье «плавно переходит» в вечер романса. Звучат русские, европейские и, конечно же, армянские романсы. Так, Юлиана

²⁴ Հորիզոն, Թիֆլիս 1916, . № 279. 15 դեկտեմբերի. Էջ 3.

²⁵ Ն.ս. Էջ 4.

²⁶ Ն.ս. № 276. 11 դեկտեմբերի. Էջ 3.

²⁷ Ն.ս. № 279. 15 դեկտեմբերի. Էջ 4.

²⁸ Ն.ս.

Спендиарян исполняет уже ставший к тому времени очень известным и популярным романс Романоса Меликяна «Роза».

Еще во время первого, мартовского визита Ал. Спендиаряна на Кавказ Ов. Туманян принял предложение композитора поехать летом в Крым, погостить на его даче в Судаке, чтобы поработать над либретто для оперы «Алмаст». Однако поэту при всём своем желании так и не удалось выполнить данное Спендиаряну обещание ни летом 1916 г., ни следующим летом. С подобной просьбой — поработать совместно над либретто для оперы «Ануш» — обращался к поэту в свое время и Комитас, но и тогда Туманян не смог выкроить свободное время для поездки в родной Дсех²⁹. Суровое и смутное военное время диктовало свои условия и перечеркивало одно творческое намерение поэта за другим. Но в отличие от оперы Комитаса, так и оставшейся незавершенной, опера Спендиаряна «Алмаст» была успешно завершена. Ее славная сценическая жизнь продолжается и сегодня, а само музыкальное произведение заполняет собой одну из важных страниц в истории армянского оперного искусства.

Образ Ов. Туманяна навсегда остался в душе и в памяти Спендиаряна, который пережил своего великого друга и творческого собрата на пять лет. А после переезда в Ереван в 1924 году он, по свидетельству современников, очень часто вспоминал свои встречи с поэтом. «Он вспоминал гостеприимство Туманяна, интересные беседы с ним, теплое отношение, песни и мелодии» [Թովմանյանը ժամանակակիցների հուշերում, 1969: 156].

Заключение

Встречи и контакты двух величайших деятелей армянской культуры сыграли исключительно важную, можно даже сказать, судьбоносную роль для дальнейшего развития армянской поэзии и музыкального искусства. Прямым следствием этих встреч стало рождение оперы «Алмаст», яркого, выдающегося произведения армянской музыкальной культуры, в котором в гармоническом единстве выступила вся палитра красок замечательного творчества

²⁹ Либретто для оперы Комитаса «Ануш» написала проживавшая в Крыму московская поэтесса Софья Парнок. Подр. см.: Երկվյախ Երևան օրաթերթ. Երևան. 1969. № 132. 8 հունիսի. Էջ 4.

двух наших национальных гениев. И если Армен Тигранян написал свою оперу «Ануш» под эмоциональным воздействием поэмы Туманяна и по личной просьбе княгини Мариам Туманян, то в истоках, в зарождении идеи и в истории создания оперы Спендиаряна «Алмаст» стояли именно личные контакты, встречи с великим поэтом, с творчеством которого композитор до своих визитов на Кавказ был знаком опосредованно и поверхностно.

В завершение считаем нелишним отметить, что как своим художественным творчеством, так и личным обаянием, сотрудничеством и практическими советами Ов. Туманян содействовал созданию лучших, величайших армянских опер. Ал. Спендиарян, в свою очередь, навсегда сохранил в душе чувства искренней любви и признательности к поэту. Опера «Алмаст» стала для него вехой; до конца своей жизни он неоднократно обращался к доработке оперы, редактируя и обогащая ее партитуру, оркестровку и аранжировку, продолжая добиваться совершенства.

Список источников

- Ասատրյան Ա.* Էջեր երաժշտական թումանյանապատումից // Պատմաբանասիրական հանդես. 2019. № 1. Էջ 51—71.
- Բարխուդարյան Ս.* Անմոռանալի հանդիպումներ // Սովետական արվեստ. 1958. № 8. Էջ 70—71.
- Թումանյանը ժամանակակիցների հուշերում. Երևան: ՀՀ ԳԱԱ հրատ, 1969. 1004 էջ.
- Թումանյանը ժամանակակիցների հուշերում. Հ. 2. Երևան: ՀՀ ԳԱԱ Մանուկ Աբեղյանի անվ. գրականության ինստիտուտի հրատ 2020. 576 էջ:
- Թումանյան Հովհ.* Երկերի լիակատար ժողովածու: 10 հատորով. Երևան: ՀՀ ԳԱԱ հրատ. 1988—1999, հ. 7: Զննադատություն և հրապարակախոսություն 1913—1922, 1995. 721 էջ.
- Թումանյան Հովհ.* Երկերի լիակատար ժողովածու: 10 հատորով. Երևան: 10 հատորով. Երևան: ՀՀ ԳԱԱ հրատ. 1988—1999, հ. 10: Նամակներ 1905—1922, 1999. 711 էջ.
- Թումանյան Ն.* Թումանյանն ու Սպենդիարյանը // Սովետական արվեստ. 1958. № 8. Էջ 67—70.
- Թումանյան Ն.* Հուշեր և գրույցներ. Երևան: Լույս, 1987. 335 էջ.
- Սպենդիարյանը ժամանակակիցների հուշերում / կազմ. Ա. Թադևոսյան. Երևան: Հայպետհրատ, 1960. 159 էջ.

References

- Asatryan, A. (2019), 'Pages of Musical Tumanian', *Patmabanasirakan handes* [Historical and Philological Bulletin], no. 1: 51—71.
- Barkhudaryan, S. (1958), 'Unforgettable meetings', *Sovetakan arvest* [Soviet art], no. 8: 70—71.
- Tadevosyan, A. (comp.) (1960), *Spendiaryany jhamanakacicneri howsherowm* [Contemporaries about Al. Spendiaryan], Publishing house "Haipetrat", Yerevan, Armenia.
- T'owmanyany' jhamanakacicneri howsherowm* [Tumanyan in the memoirs of contemporaries] (1969), Publishing house of NAS RA, Yerevan, Armenia.
- Tumanyan, N. (1958), 'Tumanyan and Spendiaryan', *Sovetakan arvest* [Soviet Art], no. 8: 67—71.
- Tumanyan, N. (1987), *Howsher & zrowycner* [Memoirs and conversations], Publishing house „Luys", Yerevan, Armenia.
- Tumanyan, Hovh. (1995), *Yerkeri liakatar zhoghovatu: 10 hatorov* [Complete works: in 10 vols], vol. 7: Criticism and journalism 1913—1922, Publishing house of NAS RA, Yerevan, Armenia.
- Tumanyan, Hovh. (1999), *Yerkeri liakatar zhoghovatu: 10 hatorov* [Complete works: in 10 vols], vol. 10: Letters 1905—1922, Publishing House of NAS RA, Yerevan, Armenia.

Статья поступила в редакцию 08.11.2021; одобрена после рецензирования 07.12.2021; принята к публикации 29.12.2021.

The article was submitted 08.11.2021; approved after reviewing 07.12.2021; accepted for publication 29.12.2021.

Информация об авторе / Information about the author

С. Г. Ованесян — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела древней армянской литературы, Институт литературы им. М. Абегамяна, Национальная академия наук Республики Армения, Армения.

S. G. Hovanesyan — Doctor of Science (Philology), Leading Researcher, Department of Ancient Armenian Literature, Institute of Literature after M. Abeghyan, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Armenia.

Научная статья
УДК 94(47).084
DOI: 10.46725/IW.2022.2.5

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ЭМИГРАНТА К. Д. ПОМЕРАНЦЕВА

Людмила Валерьевна Климович

Ульяновский государственный педагогический университет
им. И. Н. Ульянова, Ульяновск, Россия, lusek84@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3541-7159>

Аннотация. В данной статье реконструирован жизненный путь беженца из России, представителя молодого поколения послереволюционной эмиграции К. Д. Померанцева. На основе ранее не введенных в научный оборот документов из архива Центра изучения стран Восточной Европы при Бременском университете уточнены некоторые факты его биографии.

К. Д. Померанцев получил среднее образование в английской школе-интернате для мальчиков в Буюкдере в Константинополе. Благодаря американской стипендии «Комитета помощи в получении образования русской молодежи в изгнании» поступил в университет в Париже, но окончить его не смог. В молодые годы увлекся антропософским учением немецкого философа Р. Штейнера, которое повлияло на его мировоззрение и идейную линию в поэтическом творчестве. Участвовал в Национальной организации русских разведчиков (НОРР), но по невыясненным причинам покинул объединение, создав собственную организацию из числа разведчиков. Этот факт обострил отношения с руководителем НОРР П. Богдановичем.

Во время Второй мировой войны ему удалось покинуть Париж и принять участие в движении Сопротивления. В послевоенные годы знакомство и общение в кругу интеллигенции российской эмиграции способствовало проявлению его поэтического таланта. Его произведения печатали такие издания, как: «Новый журнал», «Возрождение», «Мосты», «Опыты», «Континент», «Русская мысль», «Новое русское слово».

О встречах с талантливыми людьми, оказавшими влияние как на его судьбу, так и на его творчество, он рассказал в своей книге «Сквозь смерть». С произведениями К. Померанцева постепенно знакомятся российские читатели. Во многом благодаря другу и популяризатору его творчества А. Радашкевичу. В 2018 году им был издан сборник «Оправдание поражения», куда вошли опубликованные и неопубликованные работы, книга «Сквозь смерть», ряд других материалов Померанцева и о Померанцеве.

Ключевые слова: история России, российская эмиграция, русское зарубежье, К. Д. Померанцев, А. Радашкевич, журнал «Русская мысль», интеллигенция, творчество

Благодарности: автор выражает благодарность директору Центра изучения стран Восточной Европы при Бременском университете профессору Сюзанне Шаттенберг и архивариусу Марии Классен за предоставленную возможность работать с архивными документами и предоставленную информацию.

Статья подготовлена в рамках программы «Имманиул Кант» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Германской службы академических обменов (DAAD).

Для цитирования: *Климович Л. В.* Жизненный путь и общественная деятельность российского эмигранта К. Д. Померанцева // Интеллигенция и мир. 2022. № 2. С. 103—122.

Original article

LIFE AND PUBLIC ACTIVITY OF RUSSIAN EMIGRANT K. D. POMERANTSEV

Lyudmila V. Klimovich

Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov,
Ulyanovsk, Russia, lusek84@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3541-7159>

Abstract: This article reconstructs the life path of a refugee from Russia, a representative of the younger generation of post-revolutionary emigration, K. D. Pomerantsev. On the basis of previously unintroduced documents from the archives of the Center for the Study of Eastern European Countries at the University of Bremen, some facts of his biography have been clarified.

K. D. Pomerantsev received his secondary education at an English boarding school for boys in Buyukdere in Constantinople. Thanks to an American scholarship from the “Committee for Assistance in the Education of Russian Youth in Exile”, he entered the university in Paris, but could not finish it. In his younger years, he became interested in the anthroposophical teachings of the German philosopher R. Steiner, which influenced his worldview and ideological line in poetic work. He participated in the National Organization of Russian Explorers, but for unknown reasons, left the association, creating his own organization from among the intelligence officers. This fact aggravated relations with the head of NORR P. Bogdanovich.

During World War II, he managed to leave Paris and take part in the resistance movement. In the post-war years, acquaintance and communication in the circle of the intelligentsia of the Russian emigration contributed to the manifestation of his poetic talent. His works were published by such publications as: “New Journal”, “Renaissance”, “Bridges”, “Experiments”, “Continent”, “Russian Thought”, “New Russian Word”.

He spoke about meetings with talented people who influenced both his fate and his work in his book “Through Death”. Russian readers are gradually getting acquainted with the works of K. Pomerantsev, in many ways, thanks to a friend and popularizer of his work A. Radashkevich. In 2018, he published the collection “Justification of Defeat”, which included published and unpublished works, the book “Through Death”, a number of other materials by Pomerantsev and about Pomerantsev.

Keywords: history of Russia, Russian emigration, Russia Abroad, K. D. Pomerantsev, A. Radashkevich, magazine “Russian Thought”, intelligentsia, creativity

Acknowledgments: The author expresses his gratitude to the director of the Center for the Study of Eastern Europe at the University of Bremen, Professor Susanne Schattenberg and archivist Maria Klassen for the opportunity to work with archival documents and the information provided.

The article was prepared within the framework of the Immanuel Kant program of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the German Academic Exchange Service (DAAD).

For citation: Klimovich, L. V. (2022), ‘Life and public activity of Russian emigrants K. D. Pomerantsev’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 103—122 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Революционные события в России отразились на судьбах людей, многие покинули Родину, навсегда изменив ход своей жизни. Особенно остро это коснулось детей и молодежи, которые были вынуждены получать образование и устраивать свою жизнь в эмиграции. Судьбы российских подданных в изгнании сложились по-разному, всем им приходилось встраиваться в иную политическую, социальную, экономическую среду. На этом пути они столкнулись с трудностями, преодолевали преграды. Жизненные судьбы молодых эмигрантов демонстрируют поиски своего предназначения, в особенности это характерно для людей, расцвет творчества которых пришелся на годы эмиграции.

Постановка вопроса. Статья посвящена исторической реконструкции жизненного пути, общественной деятельности и творчества представителя молодого поколения российских эмигрантов Кирилла Дмитриевича Померанцева.

Методология и методы исследования

На сегодняшний день отсутствует специальное научное исследование, посвященное жизненному пути К. Д. Померанцева, в сборнике его воспоминаний, приводятся портреты людей, с кем ему довелось общаться, все они затрагивают послевоенный период, о себе он упоминает в контексте биографий своих героев. Краткая биографическая справка представлена в работе, повествующей о русских поэтах [Венеция в русской поэзии: 2019]. Сопратник и популяризатор его творчества Александр Радашкевич многое сделал, для того чтобы с творчеством Померанцева познакомиться в России. Ему принадлежит серия интервью с Кириллом Померанцевым, краткие биографические очерки. О годах молодости Померанцева известно мало, в литературные круги российской эмиграции он влился уже после окончания Второй мировой войны.

Тем ценнее материалы, хранящиеся в архиве Центра изучения стран Восточной Европы при Бременском университете¹. Документы были переданы в архив в марте 1999 г. из редакции журнала «Русская мысль» (Париж) вместе с книгами, фотографиями и личными документами, которые принадлежали бывшему ее сотруднику К.Д. Померанцеву. К сожалению, документы малочисленны и представлены лишь официальными бумагами. Но, несмотря на это, они позволяют проследить жизненный путь Померанцева как представителя молодого поколения эмигрантов, показать сложности, с которыми сталкивалась эмигрантская молодежь в чужой стране. Кроме этого, в статье уточнены некоторые факты его биографии, о которых не было известно в историографии.

Основная часть

Детство в России

Кирилл Померанцев родился в Москве, в 1906 или 1907 г., обе эти даты фигурируют в источниках. В своем интервью, он заявлял, что при переезде из Константинополя во Францию, выбрал дату своего рождения 14 июля, день взятия Бастилии. Во французском документе с видом на жительство (1979 г.) указан 1906 год рождения². Сам же он писал, что родился в 1907 г. [Содружество, 1966: 539]. О его родителях известно мало: его отец работал нотариусом в Полтаве, где провел детство Кирилл Померанцев. Эти сведения нам доступны благодаря составленной Александром Радашкевичем биографической справке [Померанцев, 2006: 151]. О своем отце Померанцев вспоминал: «Мой отец был одно время товарищем председателя орловского окружного суда и считал русский суд после реформ Александра II самым совершенным и гуманным в мире. В эмиграции он не столько тосковал по прежней России, сколько по ее суду. Он был “патриотом русского суда”» [Померанцев, 1986: 70].

Мать умерла, когда ему было 12 лет, а сам он рос болезненным ребенком [Померанцев, 2018: 401]. Вместе с отцом

¹ Archiv der Forschungsstelle Osteuropa an der Universitat Bremen, fond 01-112 (K. D. Pomerancev) (далее: FSO). Архив был создан в 1982 г.

² FSO, fond 01-112 (K. D. Pomerancev).

и мачехой Кирилл Померанцев в 1919 г. переехал в Новороссийск, откуда и покинул Россию. Скорее всего, Померанцевы эвакуировались в марте 1920 г. Первые годы в эмиграции он провел в Константинополе, где посещал английскую школу-приют для мальчиков в Буюкдере.

Учеба в Константинополе

С первых же дней в Константинополе началась самоорганизация эмигрантов. Уже в мае 1920 г. в Константинополе была возобновлена деятельность Всероссийского союза городов, благодаря которой были открыты учебные заведения. В период 1921—1922 г. для детей русских эмигрантов было организовано 2 детских дома, 9 детских садов, 3 училища и 3 гимназии. В течение следующих двух лет практически все учебные заведения были переведены в европейские страны, преимущественно в Чехословакию и Королевство сербов, хорватов и словенцев. К осени 1923 г. в Константинополе действовали только два средних учебных заведения, «которые содержались на средства Британского фонда помощи и восстановления — в Буюкдере (около 200 мальчиков) и на острове Проти (60 девочек)» [Шевченко, 2017: 133].

Занятия в английской школе-приюте в Буюкдере были организованы по программе подобной русским реальным училищам. Большой объем времени был отведен на изучение иностранных языков (английский, французский, немецкий), при этом английский язык изучали более глубоко: грамматика, устная речь и письменный язык были представлены отдельными дисциплинами. В 1922 г. К. Померанцев закончил 6 класс на «хорошо», но педагоги отмечали, что мог бы заниматься лучше: «учится крайне неровно, рвения особого не имеет»³. Из 100 возможных баллов, он набирал 70—80, что по существующей системе оценивалось как «очень хорошо».

С целью разностороннего развития детей в свободное от учебных уроков время в школе работали мастерские: столярная, слесарная, сапожная, переплетная, портняжная, рисования масляными и водяными красками [Шевченко, 2017: 133]. Сведений

³ FSO, fond 01-112 (K. D. Pomerancev).

о том, принимал ли участие Кирилл Померанцев во внеучебной деятельности, нет.

Внутреннее устройство школы напоминало английские школы-интернаты. Дети были распределены на 3 группы, в каждой из которых за порядком следил воспитатель (House-master), его помощник и старший воспитатель (headmaster). Ежедневно часть детей получала дежурство по уборке помещения, по работе в саду и на кухне [Шевченко, 2017: 133].

Несмотря на пережитые ужасы Гражданской войны, молодые люди стремились получить образование, хотя не всегда усердно и основательно. В этой школе учились многие видные деятели эмиграции. Ее посещал Анатолий Сергеевич Штейгер (1907—1944), известный поэт в эмиграции, некоторое время примыкавший к движению младороссов⁴. Померанцев был с ним знаком, они совместно пробовали издавать журнал «Дети России», для которого статьи писал К. Померанцев, а иллюстрации делал А. Штейгер. Как вспоминал Померанцев, их пути в будущем не пересекались.

В 1924 г. со средними баллами К. Померанцев окончил 7 класс. Анализ успеваемости позволяет говорить, что успешнее ему давались точные предметы: алгебра, геометрия, физика. После окончания школы Померанцев еще год провел в Константинополе, как он вспоминал: «я с 13-ти до 19-ти лет прожил в Константинополе или в его окрестностях, кончил там среднюю школу и всегда с грустной нежностью вспоминаю это время. В Константинополе остался мой отец и моя belle-mere, ставшая моей второй матерью» [Померанцев, 1986: 70].

Американская стипендия и незаконченное образование

После окончания школы Померанцев смог получить американскую стипендию профессора Т. Уиттмора, который возглавлял Комитет помощи в получении образования русской молодежи в изгнании (American committee for the education of the Russian

⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 10207. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

youth in exile) (США), что позволило ему продолжить образование в Париже. В те годы Париж являлся культурным и литературным центром русского зарубежья: печатались газеты и журналы, выходили книги, создавались литературные общества. Культурная атмосфера Парижа закладывала основы дальнейшего литературного творчества К. Д. Померанцева.

В Константинополе, пока К. Померанцев ждал визу, он занимался тяжелым неквалифицированным трудом: «разгружал пароходы на угольном складе в Караксе, на Босфоре» [Померанцев, 2018: 439]. В интервью Померанцев говорил, что приехал во Францию 1928 г. В турецком паспорте, выданном для переезда, указана дата выдачи 26 ноября 1926 г., таким образом, Померанцев прибыл в Париж в конце 1926 г. [Встречи — это божественный дар...]. Здесь его поддержал Василий Алексеевич Маклаков⁵, однокурсник отца Кирилла Померанцева. К сожалению, нам не удалось установить, в чем состояла помощь со стороны В. А. Маклакова. Померанцев вспоминал: «Он был другом моего отца. Они вместе кончили и московскую Пятую гимназию, и Юридический факультет. Поэтому, когда я приехал в Париж, то через какое-то время пошел к Маклакову. Маклаков мне много чего помог...» [Встречи — это божественный дар...].

Благодаря американской стипендии Померанцев смог поступить в Специальную школу общественных работ, строительства и промышленности в Париже. Изначально он был зачислен на курс Высшей школы по направлению инженер «Общественных работ», успешно в январе 1927 г. закончил курс по «Рекам» в рамках инженерного курса в этой же школе. К сожалению, мы не располагаем сведениями, входил ли этот курс в общую программу подготовки, или шел как дополнительный.

⁵ Маклаков В. А. (1869—1957) — бывший посол Российской Империи во Франции. После событий октября 1917 г. остался во Франции и исполнял свои обязанности вплоть до признания Францией СССР. Он внес весомый вклад в деле защиты и представительства русских беженцев. С 1919 г. в составе «Русского политического совещания» возглавлял Центральный офис по делам русских беженцев во Франции, Эмигрантский комитет объединенных организаций.

Летом 1927 г., директор школы направил письмо родителям Кирилла Померанцева с информацией о его успеваемости: после 1-го года обучения на курсе Высшей школы экзамены он не сдал. В сложившейся ситуации директор учебного заведения в письме предлагал вариант сдачи экзаменов осенью, а в случае «неуда» переход на средние технические трехгодичные курсы. Как поступил Померанцев, не известно, но его студенческий билет на 1927/28 учебный год выдан уже на обучение в среднем специальном учебном заведении по направлению подготовки: «Инженер общественных работ» (Travaux publics).

Пропуски учебных занятий, отсутствие сданных практических работ не позволило руководству школы сформулировать мнение о «плодах, которые Померанцев К. смог извлечь из своего обучения»⁶. В приложенном формуляре с оценками по всем предметам запись «отсутствовал». С таким отношением к учебе учебное заведение он так и не закончил. Интересы к техническим наукам он не проявлял, его больше интересовало гуманитарное направление. В 1950-е годы он писал: «любителем и вольнослушателем посещал курсы философии, богословия, литературы и прочих мудрствований» [Содружество, 1966: 539]. Можно предположить, что ему были интересны лекции, которые проводились в Русском народном университете в Париже. Наличие большого количества профессоров из России позволило организовать лекционные курсы разной тематической направленности. Деятельность этой организации строилась в культурно-просветительском русле, с высоким качеством лекций, но диплома для устройства в дальнейшем на работу Университет не выдавал [Постников, 2009: 283]. Померанцев так и не смог получить образование в Европе: «Никаких дипломов, докторатов, кафедр и пр. не имею» [Содружество, 1966: 539].

⁶ FSO, fond 01-112 (K. D. Pomerancev).

Молодежь в поисках себя

Это не помешало ему найти другие жизненные увлечения. Померанцева привлекла антропософия Рудольфа Штейнера⁷. Он входил в антропософский кружок под руководством Наталии Алексеевны Тургеневой. Входила в его состав и ее сестра Анна (Ася) Алексеевна Тургенева, первая жена Андрея Белого. Антропософское учение оказало огромное влияние на становление личности К. Д. Померанцева и его творчество, позднее он писал: «Встреча, — утверждал он, — всегда судьба, результат кармической связи людей. Но ее результат, возникающие в ее результате отношения между встретившимися, — результат их свободной воли» [Померанцев, 1986: 111].

Параллельно его привлекла деятельность в Национальной организации русских разведчиков под руководством П. Н. Богдановича. Стоит отметить, что П. Н. Богданович был сначала в составе Национальной организации русских скаутов (НОРС), являлся начальником Французского отделения НОРС. В 1928 г. он с частью скаутов вышли из НОРС и создали собственную скаутскую организацию, но зарегистрировать ее в Бойскаутском интернациональном бюро в Лондоне Богдановичу не удалось [Герзов, 2009: 151]. Как вспоминал скаут Р. В. Полчанинов, стремление к лидерству и личные взаимоотношения привели к расколу в русском скаутском движении: «У Богдановича были сильные связи в интернациональных скаутских кругах, но сместить Пантюхова и занять его место ему не удалось. В 1932 г.⁸ он порвал со скаутизмом, объявил всех скаутов масонами и переименовал свою скаутскую организацию в НОРР — Национальную Организацию Русских Разведчиков, преемницу потешных Петра Великого» [Полчанинов, 2015: 188]. Исследователи считают, что сложности

⁷ Штейнер Рудольф (1861—1925) — немецкий философ-мистик, писатель, основатель антропософического общества (1912), генеральный секретарь немецкой секции теософического общества (с 1902).

⁸ Здесь имеет место ошибка памяти, так как П. Н. Богданович создал собственную организацию еще в 1928 г. Исследователи отмечают, что в 1932 г. Богданович издал приказ о смене символики организации, в то время как идейная платформа существовала уже с 1928 г. [Булатов, Быстрова, 2021: 49].

во взаимоотношениях между старшим скаутом О. И. Пантюховым и П. Н. Богдановичем были обусловлены не только личными мотивами, они глубже и кроются в копировании британских принципов скаутизма и игнорировании русских национальных особенностей воспитания в духе любви к Родине [Терзов, 2009: 152].

Какую конкретно роль играл К. Д. Померанцев в Национальной организации русских разведчиков, осталось неизвестным. В одном своем интервью он упоминал, что в его задачи входила агитация детей школьного возраста для участия в летнем лагере [«Встречи — это божественный дар»...]. Померанцев вспоминал, что был в организации НОРР с 1929 г. до начала войны в 1939 г., отмечая, что «в конце Богдановича уже не было» [«Встречи — это божественный дар»...].

Из документов следует, что взаимоотношения Померанцева и Богдановича были сложными, 1 ноября 1931 г. инструктор Померанцев вышел из НОРР по собственному желанию⁹. Выйдя официально из состава НОРР, Померанцев не порвал связи с организацией. К 1939 г. он создал из молодых людей группу, которая формально оставалась в составе НОРР. Но при этом цели группы были враждебны целям НОРР и не поддерживали ее монархической направленности¹⁰. В своем интервью он упоминает о том, что «мы, часть старших разведчиков, около 10 или 12 человек, создали собственную организацию русских патриотов (название точно не помню). Причем я написал нечто вроде устава, и первая глава гласила, что мы не политическая организация, но борьбу с национал-социализмом и коммунизмом считаем делом чести каждого порядочного человека. Это и стало известно немцам. Об этом знал и полковник Богданович... Он ли донес, я не могу ручаться» [«Встречи — это божественный дар»...]. Эти обстоятельства послужили, по мнению К. Д. Померанцева, основанием для постановления о его аресте немецкими оккупационными властями после нападения Гитлера на СССР. Сведениями о том, соответствуют ли его слова действительности, мы не располагаем. Померанцев вспоминал, что благодаря знакомству в Префектуре Парижа ему удалось получить пропуск и уехать.

⁹ FSO, fond 01-112 (К. Д. Pomerancev).

¹⁰ Ibid.

Документы подтверждают, что пропуск им был получен 20 сентября 1941 г., для проезда на общественном транспорте в Тулузу. Цель поездки была обозначена: покупки¹¹. В интервью он отметил, что сначала уехал в Тарбе, что находится недалеко от Тулузы, где у него были знакомые, а затем в Лион [«Встречи — это божественный дар»...]. Отметим, что пропуск в Тарбе он пытался еще получить в апреле 1941 г., но ему отказали¹².

Померанцев заявлял, что документы ему были сделаны поддельные на французского гражданина [«Встречи — это божественный дар»...], но имеющийся в архивном фонде пропуск выдан на имя Померанцева, где указано, что он русский и родился в Москве¹³. Что имел в виду Померанцев, остается неизвестным, во всяком случае, с этим пропуском ему удалось уехать из Парижа, захватив с собой, вероятно, свой гоночный велосипед Oscar Egg, дубликат сертификата владельца которого он получил 5 января 1944 г. Тяга к велоспорту проявилась еще в юности, он вспоминал: «В свободное время увлекался велосипедом (чудная вещь, куда лучше автомобиля!), даже участвовал в гонках, брал какие-то дурацкие призы» [Померанцев, 2018: 439].

Вторая мировая война ознаменовала новый этап в жизни российской эмиграции и Кирилла Померанцева, в частности. Он вспоминал, что участвовал в движении Сопротивления, после войны обдумывал вопрос о возвращении в СССР: «Лично я наверняка взял бы советский паспорт, если бы советское посольство стало выдавать паспорта сразу же после ухода немцев. Но выдача началась, как помнится, лишь через полгода, когда стало ясным, что в “стране советов” решительно ничего не изменилось. И таким образом, я был спасен» [Померанцев, 1986: 70].

Его отношение к Родине хорошо демонстрируют строки его стихов:

Россия... Стихи о России...
Как встарь, «бубенцами звеня...»
«Россия, стихия, мессия,
Мессия грядущего дня».

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

Как встарь, без конца, без предела,
«Пока загорится восток...»
Россия — Есенин и Белый,
Ахматова, Анненский, Блок.
Люблю ль тебя «странной любовью»?
Да я не люблю никакой.
Но связан я плотью и кровью
С тобой и с твоею судьбой.
Россия... Стихи о России...
Да разве возможны они?
Мелькают сквозь ветки сухие
Над чёрною Сеной огни.

1952 [Померанцев, 2018: 13—14].

Причастность к судьбе России, к истории и культуре Родины отчетливо прослеживается в его действиях. Прожив практически всю жизнь во Франции, гражданство он не получил, всю жизнь прожив с паспортом с видом на жительство, как «русский беженец»¹⁴. В этом документе, выданном в 1979 г., в графе гражданство значится русский беженец/эмигрант, профессия — наемный работник¹⁵. Этот статус лица без гражданства затруднял устройство на национальном рынке труда. Ограничительные меры, введенные для иностранцев, распространялись и на русских эмигрантов. Документальных сведений о том, чем он зарабатывал себе на жизнь, у нас нет. Из открытых источников и его интервью известно, что он работал на бензоколонке, на заводе грампластинок, в ателье по росписи шелка. Не стоит забывать, что конец 1920-х — начало 1930-х гг. — это годы тяжелого экономического кризиса во Франции. О личной жизни нам неизвестно. Ни в интервью, ни в воспоминаниях не упоминается о жене и детях, архивные документы по данному вопросу отсутствуют.

Призвание

Только в послевоенные годы К. Д. Померанцев смог обрести свое призвание: он выступал в эмигрантских периодических изданиях как поэт, автор интервью и очерков о деятелях русской эмиграции. Его произведения публиковались в изданиях: «Новый

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

журнал», «Возрождение», «Мосты», «Опыты», «Континент», «Русская мысль», «Новое русское слово» [Радашкевич]. Хотя писать он начал еще в детстве: «Стихи писал с самого детства, но очень плохо. Да и теперь пишу совсем не так, как этого бы хотелось» [Содружество, 1966: 539]. В оценке своего творчества был очень критичен.

Своим учителем он считал Георгия Иванова, известного поэта российской эмиграции. Но тот критично относился к творчеству К. Д. Померанцева: «Убийственный ивановский сарказм и систематический “разнос” помогли Померанцеву на всю жизнь сохранить величайшую самокритичность к своим произведениям, доходившую порой до самоуничужения» [Померанцев, 2018: 4]. В его творчестве прослеживаются трагические ноты оказавшего сильное влияние на его мировоззрение антропософского учения, которым он увлекся еще в молодости.

В 1963, 1965 гг. в альманахе «Мосты» вышли его путевые очерки «Итальянские негативы» [Радашкевич], в 1986 г. он написал мемуары «Сквозь смерть», изданные в Лондоне. Название своей работы он дал символичное, в нем прослеживаются идеи антропософского учения о «жизни после смерти», помимо этого многих героев его произведения уже не было в живых. Таким образом, описывая встречи с ними, он, как-бы «преодолевая смерть», рассказывает о них живых. В своих воспоминаниях, он рисует портреты ярких личностей российской эмиграции: поэтов, прозаиков и художников. На страницах его книг предстают истории об Александре Гингере, Сергее Шаршуне, Владимире Смоленском, Юрии Одарченко, Сергее Маковском, Владимире Ильине, Владимире Крымове. С большинством из них он познакомился в 1950-е гг., а с Сергеем Шаршуным в 1930-е: «он был членом нашего антропософского кружка, возглавляемого Н. А. Тургеневой» [Померанцев, 1986: 157]. Эти литературные воспоминания рисуются как встречи с писателями и поэтами.

Георгий Иванов и Ирина Одоевцева оказали сильное влияние не только на творчество Померанцева, но и на его восприятие окружающей действительности. Этим фигурам в своих воспоминаниях он отводит исключительное место. Описывая творчество Г. Иванова, Померанцев отмечает, что оно формировалось под воздействием житейских неурядиц: отсутствие постоянного

заработка, жизни в съемных комнатах, постоянного поиска средств к существованию. «Оставалось лишь — ходить с протянутой рукой по “меценатам” — небольшой кучке богатых русских — и буквально просить “на кусок хлеба”. И это ему — Георгию Иванову!» [Померанцев, 1986: 29]. Эти факторы, способствовали, по мнению Померанцева, тому, что «грубость и цинизм служили лишь прикрытием его (Иванова. — прим. Л. К.) внутренней беззащитности, боли, обнаженной раны, которыми становилась в такие периоды его жизнь» [Померанцев, 1986: 30]. Произведения Г. Иванова подкупали правдивостью, их трагизм заключался в тоске по Родине: «каждый эмигрант, где бы он ни находился и к какой бы национальности ни принадлежал, может сказать о себе то же самое и такими же словами, превращая их в общеэмигрантскую трагедию» [Померанцев, 1986: 30].

Через описание встреч с известными людьми К. Д. Померанцев раскрывает те стороны их жизни и деятельности, которые его волнуют: кто оказал влияние на творчество? Как отнеслись близкие? Именно эти вопросы Померанцев задавал Марку Шагалу. Таким образом, Померанцев солидарен с Шагалом, выдвигая на первое место внутренний мир человека: «Живопись — не внешний мир, а внутренний, “вещь в себе”, недоступная никакой философии и уж тем более фотографическому аппарату» [Померанцев, 1986: 166].

С Георгием Адамовичем за разговорами он проводил много времени, в том числе обсуждая христологию Штейнера, что привело, по мнению К. Померанцева, к тому, что Адамович поверил в жизнь после смерти: «Не знаю, верил ли он в перевоплощение, но в жизнь после смерти — абсолютно» [Померанцев, 1986: 22].

Ему удалось познакомиться и вести беседы с творческими личностями из Советского Союза. Так, он рассказывает о встречах с редактором журнала «Новый мир» Александром Трифоновичем Твардовским и поэтом Алексеем Александровичем Сурковым осенью 1965 г. Спустя двадцать лет, когда его собеседников уже не было в живых, Померанцев вспоминал: «Но внутренний духовно-душевный облик каждого из них стал для меня более осязаемым, образовалась как бы связь “через смерть”. И я еще раз вспомнил французского философа (христианского экзистенциалиста) Габриэля Марселя, утверждавшего, что “настоящее

присутствие человека начинается после смерти”. Телесная оболочка спадает, и контакт с душой усопшего становится более тесным, более ощутимым» [Померанцев, 1986: 185]. В этих строках прослеживается внутренняя позиция Померанцева, его приверженность антропософскому учению. Это учение в трактовке немецкого философа Рудольфа Штейнера о цепочке земных перевоплощений человека на пути к высшему духовному совершенству было основополагающим в его духовном мире. Согласимся с мнением его друга и популяризатора его творчества А. Радашкевича: «Кирилл Дмитриевич был, безусловно, человеком, разочарованным в горькой и предрешенной земной юдоли, и всё свое мужество, всю доброту и терпимость, всю скромность и обаяние он черпал именно из этой “благой вести” о реинкарнации» [Померанцев, 2018: 2].

В 1986 г. в Париже был опубликован единственный прижизненный сборник его работ «Стихи разных лет». В 2018 г. в Санкт-Петербурге благодаря стараниям А. Радашкевича вышла книга К. Д. Померанцева «Оправдание поражения». Впервые российский читатель знакомится с полным корпусом стихотворений поэта, кроме них в состав сборника вошли опубликованные ранее воспоминания «Сквозь смерть», произведения из серии «Итальянские негативы», статьи и рецензии автора, статья о нем А. Радашкевича [Померанцев, 2018]. В этом сборнике отчетливо прослеживается, насколько критично и осмысленно Кирилл Дмитриевич Померанцев подходил к своему творчеству: «У меня никогда не болела спина от угольных корзин. А вот теперь перед каждой строкой, перед каждым словом моих итальянских воспоминаний — хоть выходи на улицу и вой» [Померанцев, 2018: 254].

Померанцев привлекал к себе творческих личностей, устраивал у себя дома литературные вечера, в которых участвовали писатели и поэты российской эмиграции: Иван Бунин, Георгий Иванов, Ирина Одоевцева, Борис Зайцев, Юрий Одарченко, Владимир Смоленский [Радашкевич].

С 1947 года Померанцев стал сотрудником газеты «Русская мысль», с 1957 г. составлял и редактировал отдел политической информации, с 1958 г. заместитель главного редактора [Содружество, 1966]. Газета «Русская мысль» начала выходить в Париже в 1947 г., взяв название прекратившего выпуск журнала в 1927 г.

В газете печаталась информация о событиях, происходивших в русской диаспоре, расписание богослужения в православных приходах, объявления помогали найти друзей и близких. Она была ценным источником информации на протяжении второй половины XX века. В 1970—1980-е гг. газета активно публиковала материалы правозащитного движения. Приход на должность редактора Зинаиды Шаховской, известной писательницы и общественной деятельницы, поднял газету на новый уровень. Благодаря финансированию Государственного департамента США газета могла активно развиваться и привлекать новых сотрудников.

Скончался К. Д. Померанцев в Париже 5 марта 1991 г.

Заключение

Жизненный путь и общественная деятельность К. Д. Померанцева демонстрирует судьбу молодого послереволюционного эмигранта. Сложности с получением образования, дальнейшее трудоустройство, трудности эмигрантской жизни — все это на себе испытал К. Померанцев. Творческий талант К. Д. Померанцева раскрылся уже в зрелом возрасте. Его поэзия создана под воздействием идей антропософского учения, которым он увлекся еще в молодости. Попытка найти свой путь привела его в Народный университет в Париже, Национальную организацию русских разведчиков. Но переломным моментом в его жизни стало начало сотрудничества с журналом «Русская мысль» в 1950-е гг. Встречи с творческими людьми, поэзия стали неотъемлемой частью его жизни. Он до последних дней чувствовал свою связь с Родиной, хотя покинул Россию в возрасте тринадцати лет.

Как много прожито, как мало пережито...
Жизнь тянется, как в церкви лития.
И кажется, что вот уже раскрыты
Державные врата небытия.
И имена, когда-то дорогие,
Мы повторяем, словно в полусне —
Как будто снова в юности, в России,
В несущей нас над пропастью ладье.

[Померанцев, 2018: 79—80].

Список источников

- Булатов И. А., Быстрова Ю. М. Несколько слов о дате возникновения национальной организации русских разведчиков // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. Вып. 1. С. 46—55.
- Венеция в русской поэзии. Опыт антологии. 1888—1972 / сост. А. Л. Соболев, Р. Д. Тименчик. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 1104 с.
- «Встречи — это божественный дар». Кирилл Померанцев: о себе, о судьбе, об эмиграции. (Беседа Александра Радашкевича с Кириллом Померанцевым: в 6 ч.) URL: http://www.radashkevich.info/publicistika/publicistika_314.html (дата обращения: 17.07.2021).
- Полчанинов Р. В. Мы, сараевские скауты-разведчики. Югославия. 1921—1941 гг. М.: НП «Посев», 2015. 320 с.
- Померанцев К. Оправдание поражения / сост. А. П. Радашкевич. СПб.: Русская культура, 2018. 637 с.
- Померанцев К. Сквозь смерть. Биографическая справка А. Радашкевича // Зарубежные записки. 2006. № 6. С. 151—157.
- Померанцев К. Сквозь смерть. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1986. 193 с.
- Постников Е. С., Квакин А. В. Преподавательский состав и студенчество России в пореволюционное время (1917 — конец 1930-х годов). М.: Ветераны спецслужб, 2009. 526 с.
- Радашкевич А. Из истории русской эмиграции. К. Д. Померанцев. URL: https://www.partner-inform.de/zapiski/text%20html/6/12-Kirill_Pomerantzev.htm (дата обращения: 17.07.2021).
- Содружество: Из современной поэзии Русского Зарубежья. Вашингтон: Изд. Рус. книж. дела в США: Victor Kamkin, 1966. 559 с.
- Терзов А. С. История и идеология русских эмигрантских молодежных организаций на примере национальной организации русских разведчиков (НОРР) // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского: Гуманитарные науки. 2009. № 11. С. 151—155.
- Шевченко В. А. Русская школа в эмиграции. От Белграда до Харбина. М.: АЙРИС-пресс, 2017. 576 с.

References

- Bulatov, I. A., Bystrova, Yu. M. (2021), 'A few words about the date of the emergence of the national organization of Russian intelligence officers', *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii* [Questions of national and federal relations], vol. 11, iss. 1: 46—55.

- “*Vstrechi — eto bozhestvennyi dar*”. Kirill Pomerantsev: *o sebe, o sud’be, ob emigratsii. (Beseda Aleksandra Radashkevicha s Kirillom Pomerantsevym: v 6 chastiax)* (2007) [“Meetings — are a divine gift”, Kirill Pomerantsev: about himself, about fate, about emigration, (Alexander Radashkevich’s conversation with Kirill Pomerantsev: in 6 parts)], available at http://www.radashkevich.info/publicistika/publicistika_314.html (Accessed 17 July 2021).
- Polchaninov, R. V. (2015), *My, saraevskie skauty-razvedchiki* [We are Sarajevo scouts], Nekommercheskoe partnerstvo “Posev”, Moscow, Russia.
- Pomerantsev, K. (2018), *Opravdanie porazheniia* [Justification of defeat], A. P. Radashkevich (comp.), Russkaia kul’tura, St. Petersburg, Russia.
- Pomerantsev, K. (1986), *Skvoz’ smert’* [Through death], Overseas Publications Interchange Ltd, London, UK.
- Pomerantsev, K. (2006), ‘Through death. Biographical information of A. Radashkevich’, *Zarubezhnye zapiski* [Foreign notes], no. 6: 151—157.
- Postnikov, E. S. and Kvakin, A. V. (2009), *Prepodavatel’skii sostav i studenchestvo Rossii v porevoliutsionnoe vremia (1917 — konets 1930-kh godov)* [The teaching staff and students of Russia in post-revolutionary times (1917 — the end of the 1930s)], Veterany spetssluzhbb, Moscow, Russia.
- Radashkevich, A. *Iz istorii russkoi emigratsii. K. D. Pomerantsev* [From the history of Russian emigration. K. D. Pomerantsev], available at: https://www.partner-inform.de/zapiski/text%20html/6/12-Kirill_Pomerantzev.htm (Accessed 17.07.2021).
- Shevchenko, V. A. (2017), *Russkaia shkola v emigratsii. Ot Belgrada do Kharbina* [Russian School in Emigration. From Belgrade to Harbin], AIRIS-press, Moscow, Russia.
- Sobolev, A. L. and Timenchik, R. D. (comps) (2019), *Venetsiia v russkoi poezii. Opyt antologii. 1888—1972* [Venice in Russian poetry. An anthology experience. 1888—1972], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Sodruzhestvo: Iz sovremennoi poezii Russkogo Zarubezh’ia* [Commonwealth: From the modern poetry of the Russian Diaspora] (1966), Izdatel’stvo Russkogo knizhnogo dela v SShA, Victor Kamkin, Washington, USA, DC.
- Terzov, A. S. (2009), ‘History and ideology of Russian emigrant youth organizations on the example of the national organization of Russian intelligence officers (NORR)’, *Izvestiia Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo, Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Penza State Pedagogical University. V. G. Belinsky, Humanitarian sciences], no. 11: 151—155.

Статья поступила в редакцию 26.11.2021; одобрена после рецензирования 22.12.2021; принята к публикации 29.12.2021.

The article was submitted 26.11.2021; approved after reviewing 22.12.2021; accepted for publication 29.12.2021.

Информация об авторе / Information about the author

Л. В. Климович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, Россия.

L. V. Klimovich — Candidate of Science (History), Associate Professor, Associate Professor, Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia.

Интеллигенция и мир. 2022. № 2. С. 123—138.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 2. P. 123—138.

Научная статья

УДК 94(470.23-25).082

DOI: 10.46725/IW.2022.2.6

СЛУЖАЩИЕ КАНЦЕЛЯРИИ ПОПЕЧИТЕЛЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА III: ОПЫТ ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Игорь Андреевич Трофимов

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Средняя общеобразовательная школа № 147,
Санкт-Петербург, Россия, andantaz@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-7128-2418>

Аннотация. Статья посвящена малоизученной теме в истории образования: составление коллективного портрета служащих канцелярии попечителя учебного округа. В настоящее время не имеется специальной работы по организации работы канцелярии и попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. Также в общей истории изучения русского чиновничества имеется мало трудов, посвященных служащим канцелярии попечителей, ведомства Министерства народного просвещения. Ведущим методом исследования являлся просопографический: раскрывается сословное происхождение служащих и уровень их образования; рассматривается материальное положение и срок их службы. Основной вывод статьи: служащий канцелярии являлся человеком с высшим образованием, отработавшим в заведении не менее десяти лет, имеющий

несколько работ и государственные награды. Данное исследование может приблизить нас к определению реального положения «местного» чиновничества и составлению его портрета в истории России.

Ключевые слова: История образования, Министерство народного просвещения, Санкт-Петербург, просопография, чиновничество, служащие, канцелярия, попечитель учебного округа, коллективный портрет, Александр III

Для цитирования: Трофимов И. А. Служащие канцелярии попечителя Санкт-Петербургского учебного округа в период правления Александра III: опыт просопографического исследования // Интеллигенция и мир. 2022. № 2. С. 123—138.

Original article

OFFICIALS IN THE OFFICE OF THE TRUSTEE OF THE ST. PETERSBURG EDUCATIONAL DISTRICT DURING THE REIGN OF ALEXANDER III: EXPERIENCE OF PROSOPOGRAPHIC RESEARCH

Igor A. Trofimov

Russian State Pedagogical University named after A. I Herzen,
Secondary school No. 147, St. Petersburg, Russia, andantaz@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-7128-2418>

Abstract. The article is devoted to an insufficiently studied topic in the history of education: drawing up a collective portrait of the employees of the office of the trustee of the educational district. Currently, there is no research on how the work of the office and the trustee of the St. Petersburg educational district was organised. Also, in the general history of the study of Russian bureaucracy, there are few works devoted to employees of the office of trustees, a department of the Ministry of Public Education. The research was made on the example of the office of the trustee of the capital's educational district during the reign of Alexander III, based on comparative-historical, typological and systemic methods of studying historical patterns. However the main research method was prosopographic: reveals the estate origin of employees and their level of education; the financial situation and their

service life are considered. The main conclusion of the article is that the office clerk was a person with higher education, who had worked in an institution for at least ten years, who had had several jobs and state awards. This study can bring us closer to the real position of the “local” bureaucracy and its portrait in the history of Russia.

Keywords: History of education, Ministry of Public Education, St. Petersburg, prosopography, bureaucracy, employees, chancellery, trustee of the educational district, collective portrait, Alexander III

For citation: Trofimov, I. A. (2022), ‘Officials in the office of the trustee of the St. Petersburg educational district during the reign of Alexander III: Experience of prosopographic research’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 123—138 (in Russ.).

Введение

Актуальность. В условиях управленческих реформ в отечественной системе образования (упразднение Министерства образования и науки и выделение из него Министерства просвещения Российской Федерации, а также Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в 2018 г.)¹ исторический опыт Российского государства в организации и развитии образования на местах весьма актуален. В период 1990—2000-х гг. в стране началось возрождение учебных округов [Наумченко, 1996: 9—11; Макаркин, 2001: 8—10; Жураковский, Кураков, 2000: 10—11, 14]. В настоящий момент организации, напоминающие учебные округа дореволюционной России, функционируют в Оренбурге, Казани, Перми² [Каргапольцева, Ерофеева, Полухина, 2013: 213—214].

¹ Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2018 г. № 215 «О структуре федеральных органов исполнительной власти». URL: <https://rg.ru/2018/05/15/struktura-site-dok.html> (дата обращения: 19.11.2021).

² Ассоциация «Оренбургский университетский (учебный) округ». URL: <http://okrug.osu.ru/> (дата обращения: 19.11.2021); Казанский университетский образовательный округ. URL: <https://kpfu.ru/kuoo/obschaya-informaciya/istoriya-sozdaniya> (дата обращения: 19.11.2021); История создания и состав Университетского округа НИУ ВШЭ. URL: <http://univerokrugperm.hse.ru/okrug/#history> (дата обращения: 19.11.2021).

С учетом этого большинство исторических трудов посвящено именно данным территориям. Специальных исследований по организации работы канцелярии и попечителя Санкт-Петербургского учебного округа не проводилось. Большинство трудов посвящено периоду первой половины XIX в., то есть времени, когда университеты имели автономию и были центрами учебных округов. Мало освещается не только деятельность попечителя округа, но и служащих его канцелярии [Жуковская, Калинина, 2014: 22—32; Жуковская, 2015: 21—32].

Несмотря на имеющиеся общие труды по истории русского чиновничества [Рагимова, 2019: 75—76; Курочкина, 2011: 276—280], специальных исследований по составлению коллективного портрета как чиновников и служащих Министерства народного просвещения, так и служащих в канцеляриях попечителей учебных округов нет. Ряд работ посвящен корпусу учителей, преподавателей университета, окружных инспекторов или главам учебных округов, при этом не затрагиваются служащие окружного управления. [Слотин, 2010; Крапоткина, 2010: 123—132; Крапоткина, 2014: 77—78; Сахарова, Слотин, 2014: 113—119; Балдин, 2015: 9—27; Баринов, 2019: 25—33; Мамкина, 2020: 42—50].

Постановка вопроса. В данной статье предпринята попытка составить коллективный портрет служащих канцелярии попечителя Санкт-Петербургского учебного округа в период правления Александра III — времени окончательного становления системы управления образованием в столичном учебном округе, а также определенной «стабильности» в кадровом вопросе. Основными критериями для составления «коллективного» портрета служащего автор работы выбрал: сословное происхождение, уровень образования, материальное положение, срок службы на должности.

Методология и методы исследования

В качестве методологической основы исследования были использованы сравнительно-исторический, типологический и системный методы изучения исторических закономерностей. Однако основным методом исследования являлся просопографический. Просопография представляет собой метод создания коллективных биографий, «позволяющий получить описание наиболее типичных представителей творческого меньшинства, выявить

и изучить определенный круг лиц как типов, персонифицирующих те или иные процессы и события» [Энциклопедия..., 2009: 761]. В нашем случае указанный метод позволяет не только составить обобщенный портрет служащих канцелярии, но и выявить особенности их биографии, материального происхождения.

Основная часть

Количество служащих в канцелярии попечителя учебного округа

Восстанавливая количество служащих в канцелярии учебного округа, мы должны исходить из двух подходов: законодательного и реального положения дел. На уровне законов необходимо опираться на проект штата управлений учебных округов Министерства народного просвещения, принятого императором 1-го января 1881 г.³ В нем указано не только количество штатных чиновников, но и годовое содержание, классы и разряды для получения пенсии и шитья на мундир. По штату канцелярия столичного округа выглядела следующим образом⁴: 1) правитель канцелярии; 2) четыре столоначальника; 3) четыре помощника столоначальника; 4) бухгалтер; 5) журналист и архивариус; 6) окружной архитектор; 7) писцы (количество не указано); 8) рассыльные (количество не указано); 9) сторожа (количество не указано)⁵. Из них только первые шесть позиций (двенадцать человек) входили в штатное расписание (имели право на получение орденов и медалей, пособий и пенсий, а также получение новых чинов), остальные же — писцы, рассыльные и сторожа — не входили в категорию «классных чиновников». Однако это касается лишь законодательных источников.

³ Российский государственный исторический архив. Ф. 1152. Оп. 9. 1880. Д. 616. Л. 91—91 об. (далее: РГИА); Циркуляр попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. 1881. № 2. С. 3—6.

⁴ Для восстановления структуры канцелярии попечителя учебного округа автор работы учел чиновников как входящих в штат, так и внештатных.

⁵ Циркуляр попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. 1881. № 2. С. 4.

Восстанавливая реальную численность служащих канцелярии (в том числе и тех, кто работает по найму, то есть находился вне штата), мы опирались на следующие источники: формулярные списки чиновников, хранящиеся в РГИА и ЦГИА СПб. (насколько они могли сохраниться); список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения, а также справочные книги: «Весь Петербург» за 1894 г., «Адресная книга города С.-Петербурга» за 1892—1893 гг.; журналы входящих и исходящих бумаг канцелярии попечителя учебного округа. Количество служащих представлено в следующей таблице⁶:

Год	Правитель канцелярии	Столоначальник	Помощник столоначальника	Бухгалтер	Журналист и архивариус	Окружной архитектор
1881	1	2 + <i>I</i>	2 + <i>I</i>	1	1	1
1882	1	3	2 + 2	1	1	1
1883	1	4 + <i>I</i>	1 + 2	1	1	1
1884	1	4	1 + <i>I</i>	1	1	1
1885	1	4	2	1	1	1
1886	1	4	2	1	1	1
1887	1	4	2	1	1	1
1888	1	4	2	1	1	1
1889	1	4	2	1	1	1
1890	1	5	2 + <i>I</i>	1	1	1
1891	1	5	1 + <i>I</i>	1	1	1
1892	1	4	1 + <i>I</i>	1	1	1
1893	1	4	3 + <i>I</i>	1	1	1
1894	1	4	3 + <i>I</i>	1	1	1

С опорой на таблицу мы можем увидеть, что наибольшее количество изменений в числе служащих в канцелярии было в 1881—1883 гг., а также 1892—1893 гг. На наш взгляд, это может быть вызвано несколькими факторами: 1) переход на новый штат

⁶ Количество служащих «по найму» помечено курсивом для облегчения количества подсчёта штатных чиновников. В данную таблицу не включены писцы, рассыльные и сторожа, так как их количество нигде не указывалось и на настоящий момент не удалось найти ни одного формулярного списка данной категории служащих.

учебных округов, активное взаимодействие канцелярии округа с русскими учебными заведениями Великого княжества Финляндского, которое могло увеличить количество служащих в канцелярии⁷; 2) в данные годы происходила смена главы учебного округа (в 1881 г. на смену князю М. С. Волконскому пришел Ф. М. Дмитриев⁸; в 1890 г. после смерти генерал-лейтенанта И. П. Новикова был назначен М. Н. Капустин⁹), которая также могла повлечь за собой кадровые изменения в составе служащих. Однако второй фактор маловероятен, так как в период попечительства И. П. Новикова (1885—1890 гг.) численность канцелярии не изменялась. Автор исследования склоняется к тому, что первая причина является более объективной.

Стоит отметить, что попытка восстановить реальное количество служащих канцелярии учебного округа подводит нас к некоторым выводам: реальное количество служащих в канцелярии не соответствовало штатному расписанию; малое количество штатных служащих также негативно влияло на то, что делоборот канцелярии постоянно увеличивался, что приводило к задержке обработки и отправки бумаг. Данный итог недостатков был подведен Министерством народного просвещения к 1902 г., когда снова был поднят вопрос об увеличении штатов в Санкт-Петербургском, Киевского и Виленского учебных округах¹⁰.

Происхождение и образование

Для изучения происхождения и уровня образования служащих необходимо привлечение архивных документов канцелярии Санкт-Петербургского учебного округа. В 139 фонде ЦГИА СПб. (Канцелярия попечителя Петроградского учебного округа) находятся личные дела служащих, в которых имеются их формулярные

⁷ Журнал Министерства народного просвещения. 1883. ССХХVII. Июнь. С. 17—19; Циркуляр по Петербургскому учебному округу. 1884. № 12. С. 501—519.

⁸ Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1881/82 учебный год. СПб.: [б. и.], 1881. С. 81.

⁹ Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1890/91 учебный год. СПб.: [б. и.], 1890. С. 207.

¹⁰ РГИА. Ф. 1153. Оп. 1. 1902. Д. 171. Л. 1—8.

списки. В них мы можем найти информацию не только о карьерной службе, но и о сословном происхождении. Если в фонде канцелярии не находилось личное дело, автор работы привлекал материалы фонда 733 РГИА (Департамент народного просвещения). В них мы нашли формулярные списки служащих, которые не были найдены в ЦГИА СПб. Стоит заранее отметить, что в формулярных списках часто не встречались данные о сословном происхождении, месте рождения, семейном положении. В настоящий момент автором выявлено 25 служащих в канцелярии попечителя столичного учебного округа в период правления Александра III. Из них только на 9 человек найдены формулярные списки или информация о происхождении, месте рождения, образовании, что составляет 36 % от общего числа (25 человек). Из 9-ти человек у двоих — столоначальника канцелярии И. Е. Орнатского и помощника столоначальника А. М. Гусятникова — не имеется информации о сословном происхождении и месте рождения¹¹. Таким образом, более полную информацию удалось собрать по 7 лицам (28 % от общего числа), что накладывает некоторые ограничения на объективность нашего исследования.

Анализируя *сословное происхождение служащих*, стоит отметить, что на данный момент выявлены только три служащих из дворянского сословия (потомственного) (12 % от общего числа). Это правитель канцелярии Исидор Петрович Борейша; бухгалтер и казначей, столоначальник канцелярии Николай Никандрович Косоговский и столоначальник канцелярии Сергей Александрович Комаров¹². Два человека (8 %) происходили из военного сословия — помощник столоначальника Павел Александрович Майглер¹³ и окружной архитектор Андрей Николаевич Иосса¹⁴. 1 человек происходил из мещанского (городского)

¹¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 139. Оп. 1. Д. 16476. Л. 1, 3—4; Д. 16098. Л. 1—2, 3—5 (далее: ЦГИА СПб.).

¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 221. Л. 51; Оп. 122. Д. 1061. Л. 2 об.; ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 8779. Л. 11 об.—12.

¹³ РГИА. Ф. 733. Оп. 122. Д. 831. Л. 4 об.—5.

¹⁴ Список лиц, состоящих на действительной службе по С.-Петербургскому учебному округу на 1895/96 год. СПб., 1896. С. 9.

сословия — столоначальник, а в последствии правитель канцелярии Владимир Федорович Демант¹⁵. 1 человек происходил из духовенства — помощник столоначальника Сергей Иванович Мелиоранский¹⁶. Исходя из представленного материала, мы можем заметить, что служащие канцелярии происходили из разных сословий Российской империи. Возникает вопрос: что могло сподвигнуть их остановить свой выбор именно на данной деятельности? Ответить на него мы можем только в отношении той части служащих, у которых в формулярных списках сохранились интересные страницы их службы.

И. Е. Орнатский по первой службе был военным. В 1879 г. он вышел в отставку в чине майора по артиллерии. И только в 1882 г. вновь поступил на службу — в канцелярию попечителя Санкт-Петербургского учебного округа¹⁷. Такая же карьера была и у П. А. Майглера, но он поступил на гражданскую службу в 1890 г.¹⁸ А. М. Гусятников в 1860—1863 гг. служил архитектором в министерстве государственных имуществ, однако, перейдя на службу в Министерство народного просвещения, стал столоначальником канцелярии столичного учебного округа¹⁹. С. А. Комаров служил в 1860 гг. в Казанской палате государственных имуществ. Он имел судимость в 1859 г. за то, что самовольно наказал крестьян розгами, но был помилован. И только в апреле 1881 г. был принят на службу в канцелярию округа²⁰. На наш взгляд, наиболее интересна и показательна карьера С. И. Мелиоранского. В 1871—1872 гг. он работал судебным приставом в Саратовском окружном суде. Однако был уволен с формулировкой «за растраты книг» и судим 1 апреля 1875 г. По приговору суда он был отстранен от государственной службы. И со следующего, 1876 г., работал в канцелярии попечителя помощником столоначальника, но только по найму. Был восстановлен

¹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 122. Д. 1631. Л. 7 об.—8.

¹⁶ Там же. Оп. 225. Д. 308. Л. 11 об.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 16476. Л. 1, 3—4.

¹⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 122. Д. 831. Л. 4 об.—5, 11—13 а.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 16098. Л. 1—2, 3—5.

²⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 221. Л. 51—57.

в правах государственной службы и наград решением императора от 9 марта 1884 г.²¹

Указанные выше примеры показывают нам, что причины прихода в канцелярию попечителя Санкт-Петербургского учебного округа могли быть совершенно разные: возможность «реанимировать» свою карьеру; продвижение по государственной службе; шанс работать в столице Российской империи и получать более высокое содержание, чем в регионе и т. д. Несмотря на возможные личные мотивы прийти на такую службу, из их формулярных списков видно, что данные лица оставались на службе по Министерству народного просвещения до своего увольнения или смерти. Несмотря на «прошлое» некоторых служащих, попечитель округа мог видеть в них людей, имеющих образование, и, главное, опыт работы в государственных учреждениях.

Безусловно, данные рассуждения являются не более, чем гипотезой автора работы, и они требуют дальнейшего исследования. Следует также учитывать, что данные сведения касаются лишь на незначительной части служащих в канцелярии попечителя. Однако даже такие истории могут показать, что в любой бюрократической системе могут быть совершенно разные люди со своими взглядами и интересами.

Интересна также *география происхождения исследуемых лиц*. 6 человек являлись выходцами из столицы Российской империи, что составляет 24 %. У двоих в формулярном списке происхождение не указано. В. Ф. Демант был родом из современной Украины²².

Изучая уровень образования служащих, мы можем отметить его неоднородность. Сразу же оговоримся, что все они имели уровень не ниже гимназического. Можно предположить, что при наборе в канцелярию существовал определенный «образовательный ценз», однако это требует дальнейшего исследования. На данный момент нам известно, что только 4 человека (И. П. Борейша, А. М. Гусятников, И. Е. Орнатский, А. Н. Иосса) получили высшее образование (16 %). В основном они получили образование в столице империи — Санкт-Петербургском

²¹ Там же. Д. 308. Л. 11 об.—15.

²² РГИА. Ф. 733. Оп. 122. Д. 1631. Л. 9, 13 об.

университете, военном училище (без указания, какое именно) и академии художеств.

Среднее образование (интересно отметить, что в основном это была III и IV (Ларинская) мужская гимназия СПб.) получили 4 человека, что составляет 16 %. Выбиваются из этого ряда двое: В. Ф. Демант и помощник столоначальника П. А. Майглер. У Деманта не указан уровень образования, однако судя по тому, что он выдержал в 1880 г. экзамен на звание учителя в Херсонской губернии, он мог получить образование не ниже уровня гимназии. Вторым был воспитанником Николаевского сиротского института Гатчины, но курс данного учебного заведения не окончил²³. Также интересна дальнейшая судьба Н. Н. Косоговского, С. И. Мелиоранского и С. А. Комарова после окончания столичных мужских гимназий. Они сразу начали служить в канцеляриях государственных органов власти²⁴.

С опорой на вышеуказанный материал можно сделать вывод, что большинство известных нам служащих происходили из дворянских и военных сословий, меньший процент из мещанского (городского) и духовного сословия. По уровню образования они имели не ниже мужской гимназии или же могли получить такое образование, начиная свою службу в ведомствах. Анализируя географию происхождения, можно отметить, что большинство служащих канцелярии происходило из Санкт-Петербурга и одноименной губернии.

Материальное положение

Анализируя материальное положение, мы можем отметить, что на законодательном уровне оно также регламентировалось штатом учебных округов от 1881 г. Согласно данному документу содержание правителя канцелярии составляло 2000 руб., столоначальников — 1000 руб., его помощников — 700 руб., бухгалтера — 1000 руб., журналиста и архивариуса — 750 руб., архитектора — 1200 руб.²⁵ Другим источником содержания служащих

²³ Там же. Д. 831. Л. 4 об.—5.

²⁴ Там же. Оп. 225. Д. 221. Л. 51; Д. 308. Л. 11об.; Д. 1061. Л. 6 об.—7.

²⁵ Циркуляр попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. 1881. № 2. С. 4.

являлись: 169 руб. — квартирные деньги служащим при канцелярии попечителя (которые собирались со средних учебных заведений всего округа); 100 руб. — канцелярскому эконому²⁶.

Реальное положение дел, в целом, соответствовало законодательной основе. Однако из формулярных списков видно, что годовое содержание служащих канцелярии складывалось не только из основного места работы. Отметим, где еще могли работать служащие канцелярии и получать за это жалованье: И. П. Борейша — секретарь попечительского совета (получал 400 руб.) и обер-секретарь 1-го департамента Сената и юрисконсульства²⁷ [Вейтбрехт, 2009: 24]; И. Е. Орнатский — 600 руб. за ведение дел испытательной комиссии при Санкт-Петербургском университете и 1250 руб. за такую же должность при Санкт-Петербургском женском медицинском институте²⁸. Другие служащие работали в канцелярии, совмещая не только свою должность, но и выполняя иную работу. Так, например, В. Ф. Демант и С. А. Комаров издали сборники циркуляров и распоряжений по Санкт-Петербургскому учебному округу²⁹; П. А. Майглер, работая помощником столоначальника, заведовал изданием циркуляров и приказов по округу³⁰. Н. Н. Косоговский совмещал должность столоначальника и казначея канцелярии до 1889 г.³¹

²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 174. Оп. 1. Д. 3479. Л. 36 об.—37; Ф. 139. Оп. 3. Д. 33. Л. 237 об., 247, 287, 441, 506 об.; Оп. 5. Д. 19. Л. 18 об., 27 об., 38 об., 60 об., 64 об., 440, 463, 480, 508 об.

²⁷ Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1888/89 учебный год. СПб., 1888. С. 110.

²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 16476. Л. 1.

²⁹ Алфавитный сборник постановлений и распоряжений по С.-Петербургскому учебному округу за 1876—1882 г., извлеченных из изданных округом циркуляров / сост. С. Комаров. СПб., тип. А. Якобсона, 1884, 906 с.; Алфавитный сборник законоположений и распоряжений, помещенных в циркулярах по С.-Петербургскому учебному округу за время с 1883 по 1893 гг. включительно. С приложением хронологического указателя / сост. В. Ф. Демант СПб., тип. и лит. А. Якобсона насл. 1895, 1338 с.

³⁰ Циркуляр по С.-Петербургскому учебному округу. 1890. № 9. С. 335.

³¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 122. Д. 1061. Л. 2 об., 6 об.—7.

Также они могли получать деньги за совмещение основной работы и получения пенсии; награды, на которые классные служащие имели право (в основном, это ордена св. Станислава, Анны и Владимира 2-й, 3-й ст., медали: в память о войнах 1853—1856 гг., 1877—1878 гг., в память о коронации 15 мая 1883 г., в память Александра III); единовременные или постоянные пособия.

С опорой на вышесказанное мы можем предположить, что, несмотря на содержание, выделяемое по штатам учебных округов, его явно не хватало служащим для жизни. Причин этому несколько: дороговизна жизни в столице Российской империи; многодетная семья; плата за долги (если они имелись) и т. д. В основном, чтобы получать более высокое содержание, служащие канцелярии или совмещали основную работу с дополнительной, или брали на основной работе «дополнительную».

Срок службы

Несмотря на хорошую сохранность опубликованных источников, в которых указаны сроки службы служащих в канцелярии попечителя, реальность состоит в том, что по ним не до конца можно определить точный срок службы. Нередко необходимо дополнять данную информацию формулярными списками. Но даже привлечение делопроизводственных документов не гарантирует восстановление точного срока службы, так как на некоторых лиц нет дел или указания срока службы. С опорой на данные материалы, можно сделать вывод, что минимальный срок службы служащего составлял 1 год, средний срок службы составил 16,9 лет³². Максимальный срок службы в период правления Александра III (начали карьеру в канцелярии или в период его правления; или раньше) имели: Н. Н. Косооговский — 52 года; А. М. Гусятников — 31 год; И. Е. Орнатский — 25 лет; И. П. Борейша — 19 лет; С. П. Мелиоранский — 14 лет.

Таким образом, служащие в канцелярии оставались минимум на десять лет. Несмотря на высокую загруженность работой, многие по разным причинам (некоторые из них были указаны выше) оставались здесь надолго.

³² Срок службы основан на данных архивных источников.

Заключение

Подводя итог данному исследованию, можно представить портрет служащих канцелярии попечителя Санкт-Петербургского учебного округа в период правления Александра III получается? Это человек, родившийся в столице империи или ее губернии; происходивший в основном из дворянского или военного сословия; получивший образование не ниже среднего; отработавший до данной должности в других ведомствах; живший в Санкт-Петербурге; имеющий содержание, позволяющее ему содержать его семью, однако искавший дополнительную работу для жизни в данном городе; работавший в канцелярии попечителя в среднем 10 лет. Безусловно, данный портрет требует дальнейшего исследования. Как указывалось на протяжении работы, имеется ряд особенностей, которые требуют особой оценки. Наиболее трудно поддавалось восстановлению численности служащих канцелярии, не менее сложным являлось малое количество сохранившихся формулярных списков служащих канцелярии, что также затруднило составление «полного» портрета. Не менее важным аспектом было обобщение большого количества информации, которое требовало разных подходов.

Но, несмотря на вышеуказанные минусы, просопографический метод позволил нам составить «коллективный» портрет служащих, а заявленные вначале критерии помогли отобрать информацию и обработать ее. Однако отметим, что данная тема требует дальнейшего изучения, дополнения.

Список источников

- Вейтбрехт Е. А.* Душа моя — элизиум теней. СПб.: [б. и.], 2009. 284 с.
- Жураковский В. М., Кураков Л. П.* Укрепление российской государственности: место и роль системы образования. М.: Гелиос, 2000. 421 с.
- Каргапольцева Н. А., Ерофеева Н. Е., Полухина В. И.* Оренбургский учебный округ: ретроспективный взгляд в будущее // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 12. С. 210—214.

- Курочкина Е. Н. Российское чиновничество XIX века. Эволюция историографических подходов // Вестник Иркут. гос. технич. ун-та. 2011. № 2. С. 276—280.
- Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И. Т. Касавина. М.: Изд-во «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.
- Макаркин Н. П., Ивлев В. И. Региональный учебный округ в истории развития университетских комплексов // Интеграция образования. 2001. № 4. С. 8—13.
- Наумченко И. Региональный учебный округ // Высшее образование в России. 1996. № 4. С. 9—11.
- Рагимова К. З. Источниковедческие аспекты социально-правового статуса чиновников ведомства Министерства народного просвещения Западно-Сибирского учебного округа // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 47. С. 75—77.

References

- Kargapoltseva, N. A., Erofeev, N. E. and Polukhina, V. I. (2013), 'Orenburg educational district: a retrospective look into the future', *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Current problems of the humanities and natural sciences], no. 12: 210—214.
- Kurochkina, E. N. (2011), 'Russian bureaucracy of the XIX century. Evolution of historiographic approaches', *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Technical University], no. 2: 276—280.
- Kasavina, I. T. (ed.) (2009), *Entsiklopediia epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science], Izdatel'stvo «Kanon+», Regional'naiia obshchestvennaia organizatsiia invalidov "Reabilitatsiia", Moscow, Russia.
- Makarkin, N. P., Ivlev, V. I. (2001), 'Regional educational district in the history of the development of university complexes', *Integratsiia obrazovaniia* [Integration of education], no. 4: 8—13.
- Naumchenko, I. (1996), 'Regional educational district', *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], no. 4: 9—11.
- Ragimova, K. Z. (2019), 'Source study aspects of the social and legal status of officials of the department of the Ministry of Public Education of the West Siberian educational district', *Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia* [Trends in the development of science and education], no. 47: 75—77.

- Weitbrecht, E. A. (2009), *Dusha moia — elizium tenei* [My soul is the elysium of shadows], bez izdatel'stva, St-Petersburg, Russia.
- Zhurakovskiy, V. M. and Kurakov, L. P. (2000), *Ukreplenie rossiiskoi gosudarstvennosti: mesto i rol' sistemy obrazovaniia* [Strengthening Russian statehood: the place and role of the education system], Gelios, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 12.12.2021; одобрена после рецензирования 10.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.

The article was submitted 12.12.2021; approved after reviewing 10.01.2022; accepted for publication 26.01.2022.

Информация об авторе / Information about the author

И. А. Трофимов — аспирант кафедры русской истории (XIX — начала XX в.), Институт истории и социальных наук, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, учитель истории и обществознания, Средняя общеобразовательная школа № 147, Санкт-Петербург, Россия.

I. A. Trofimov — postgraduate student of the Department of Russian History (XIX — early XX century), Institute of History and Social Sciences, Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, teacher of history and social science, Secondary School No. 147, St. Petersburg, Russia.

Интеллигенция и мир. 2022. № 2. С. 139—152.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 2. P. 139—152.

Научное сообщение

УДК 18:745

DOI: 10.46725/IW.2022.2.7

**МИНИАТЮРЫ ВСЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО:
ДИСТАНТНЫЕ РАЗГОВОРЫ С МАГИСТРАНТАМИ
(размышления над книгой академика
А. В. Смирнова «Всецеловеческое vs.
общечеловеческое»)**

Григорий Станиславович Смирнов

Ивановский государственный университет,

Иваново, Россия, smirnovgs@ivanovo.ac.ru, gssmirnov@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-5797-2121>

Аннотация. Одна из актуальных дискуссий последнего времени в отечественной философии касается взаимосвязи понятий *всецеловеческое* и *общечеловеческое*. Она связана с выходом в 2019 г. монографии А. В. Смирнова «Всецеловеческое vs. общечеловеческое». Из всего богатства идей этой книги для разговора с магистрантами выбрана ключевая проблема: как правильно понимать смысл *всецеловеческого* в контексте истории русской философии. Обсуждается вопрос о поисках российской этнонациональной идентичности в контексте представлений о различных логиках культуры.

Ключевые слова: село-академия Палех, общечеловеческое, всечеловеческое, всерусское сознание, NBIC-человек, постСССР, общерусское мышление, изофилософия, всеобщечеловеческое

Для цитирования: Смирнов Г. С. Миниатюры всечеловеческого: дистантные разговоры с магистрантами (размышления над книгой академика А. В. Смирнова «Всечеловеческое vs. общечеловеческое») // Интеллигенция и мир. 2022. № 2. С. 139—152.

Scientific message

**MINIATURES OF THE ALL-HUMAN:
DISTANT CONVERSATIONS
WITH UNDERGRADUATES
(reflections on the book of academician
A. V. Smirnov “All-human vs. generally-human”)**

Grigory S. Smirnov

Ivanovo State University,
Ivanovo, Russia, smirnovgs@ivanovo.ac.ru, gssmirnov@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5797-2121>

Abstract. One of the most pressing discussions of recent times in the national philosophy concerns the relationship of the concepts of “universal” (*vsechelovecheskoye*) and “common human” (*obshechelovecheskoye*). It is connected with the release in 2019 of A. V. Smirnov’s monograph “The All-Human vs. the Generally-Human [Vsechelovecheskoye vs. obshechelovecheskoye]”. From all the richness of ideas of this book, a key problem of how to properly understand the meaning of “all-human” in the context of the history of Russian philosophy is chosen for conversation with undergraduates. The issue of the search for Russian ethno-national identity in the context of ideas about different cultural logics is discussed.

Keywords: village-academy Palekh, universal-to-all-mankind [generally-human] (*obshechelovecheskoye*), universum-to-all-mankind [all-human] (*vsechelovecheskoye*), Russian universum consciousness, NBIC-human, post-USSR, universal Russian thinking, isophilosophy, universal-um-human (*vseobshechelovecheskoye*)

For citation: Smirnov, G. S. (2022), ‘Miniatures of the all-human: distant conversations with undergraduates (reflections on the book of academician A. V. Smirnov “All-human vs. Generally-human”)', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 139—152 (in Russ.).

Преподаватель университета, с некоторых пор работающий в магистратуре, постоянно задает себе вопросы: О чем разговаривать с магистрантами, которые изучают теоретические и прикладные философские дисциплины? Что они должны узнать через три года после краткого бакалаврантского курса философии, чтобы не было разочарования в современной гуманитаристике? Какие философские компетенции они должны приобрести, чтобы была польза для своего диссертационного исследования? Опыт подсказывает, что им будет полезно знакомство с академиками, мыслителями, которые могут и не быть профессиональными философами, но демонстрируют высочайший уровень понимания глобального мира. Знакомство с научным и социальным творчеством академика-натуралиста В. И. Вернадского (см.: [Вернадский, 1991]), академика-математика Н. Н. Моисеева (см.: [Моисеев, 2001]), академика-лингвиста Вяч. Вс. Иванова (см.: [Иванов, 2004]) не пройдут бесследно для любого русскоязычного и иностранного студента. Но особое значение для формирования российской идентичности в контексте философского сознания магистранта имеет знакомство с творчеством отечественных академиков-философов. Академики В. С. Стёпин [Стёпин, 2003], В. А. Лекторский [Лекторский, 2012], А. А. Гусейнов [Гусейнов, 2009] — философы, труды которых десятилетиями помогают студентам понимать логику духовно-интеллектуального развития человека и человечества. В этом формате предлагается и освоение книги академика А. В. Смирнова [Смирнов, 2019].

Российская философская наука открывает тайны человеческого, постоянно находясь в поисках новых приставок, префиксов, кванторов: Богочеловеческое, сверхчеловеческое, нечеловеческое, античеловеческое, общечеловеческое, всечеловеческое, постчеловеческое...

Поиски феноменов околочеловеческого трудны по причине того, что никто не знает, что такое «настоящее человеческое».

Каждый человек верит в то, что рано или поздно ему откроется главная антропологическая и гуманистическая тайна, ибо там, где лично открывается человек, одновременно открывается и тайна «человеческого». Не только философия, как сложный путь «фундаментальной антропологии», но и искусство, как способ интуитивного раскрытия этой тайны, позволяют увидеть картины «большого» и «малого» человеческого. Еще не успели отшуметь бури вокруг «постчеловеческого», которое развенчало сущность и смысл «феномена человека» в его стремлении к «точке Омега», но человек уже постепенно понимает, что «пост» — это совсем не «после», а скорее всего, «пост» — это место, которое занимает человек в сети, когда «постит» в интернете свои неожиданные или непричесанные мысли, забыв, что он совсем не функция компьютера, а образ Большой вселенной. «Постчеловеческое» теоретически приморозили, ибо оказалось, что «постчеловеческое» — это не «сверхсверхчеловеческое», а просто «недочеловеческое»; информационная эпоха не столько приподняла человека, сколько придавила его «тяжелой пятой». Атланты современной антропосферы стонут под невыносимой тяжестью современной техносферы, и каждый день человечество спрашивает себя: «Еще не катастрофа?» Нечто подобное было с образом «космочеловека» начала XX века, когда была полная уверенность в том, что еще день-два и «наступит пятый день коммунизма» (А. Платонов), а за ним человек улетит в космос от всех своих земных проблем. Но затем пришло охлаждение голов, стало ясно, что «космонавтов» еще долго будут считать по пальцам, а человек еще долго останется на Земле и будет упорным трудом и творческой мыслью осваивать планету, что приспособливаться придется не только к биосфере, но и к жизни в едином человечестве. «Постчеловек» при желании может появиться как «NBIC-человек» цифровой эпохи, но, сколько времени придется ждать, когда человечество превратится в «постчеловечество»? «Главная проблема нашего времени» (П. А. Сорокин) в том, по каким путям пойдет планетная человеческая революция, о которой размышлял А. Печчеи.

В последние годы Россию постоянно убеждают в том, что она исчерпала лимит на революции (понимая под революцией —

социальные революции), но должна ли страна останавливаться перед научной и образовательной, духовной и человеческой революциями? Не обозначает ли формула «есть у революции начало, нет у революции конца» (В. В. Маяковский) причину гибели СССР, коммунистическая партия которого на определенном этапе решила, что время революционных изменений в советской стране закончилось. Не означает ли современная стагнация России «те же самые грабли», когда общество и государство не хотят тратить силы на продвижение научной революции, на реализацию человеческой революции, считая, что «догоняя» западную цивилизацию, страна выполняет свою историческую миссию.

Как оказалось, ответ на этот вопрос предельно труден и мировоззренчески, и цивилизационно — он требует смелости и самостоятельности, признания того, что свои пути надо искать самим (как это было присуще самостийной России в XIX и XX веках).

Ответ, пришедший совсем неожиданно в пространство сознания «постсоветского и псевдороссийского общества с пониженной социальной ответственностью», обескуражил даже высокое гуманитарное сообщество, ибо оказалось, что он лежит в плоскости радикальной «смены парадигм», которую академик А. В. Смирнов обозначил как «всечеловеческое vs. общечеловеческое». Отечественная гуманитарная еврообщественность потерялась от скорости, с которой произошла смена социально-экономических и геополитических декораций. За сорок лет горбачевское *общечеловеческое* так прочно вошло в жизнь, что расстаться с этой формулой оказалось пугающей, чем с формулой марксовой общественно-экономической формации. Европейское философское и мировоззренческое лоно питало российскую правящую элиту в течение нескольких столетий, а «норманская философия» государственного существования и выживания воспитывала и формировала особую «противонародную» интеллигенцию, глубоко чувствовавшую глубинный когнитивный раскол российского общества. Геополитическая действительность оказалась более сложной, и ежевековые подвижки континентальных плит сделали историю России революционно-катастрофической. Советский континент, поднявшийся из небытия как град-Китеж, показал культурно-цивилизационные

и синергийно-институциональные возможности российского народного этоса. Родившаяся «советская идентичность», неотрывная от «концептуальности евразийского бытия» — закономерный результат культурной революции огромного народа, вошедшего в интеллектуальную и ноосферную историю человечества. Россия телесно азиатская, а ментально — европейская почувствовала диссонанс и стала формировать собственное понимание космопланетарного масштаба своей земной жизни. Так сформировался концепт *всечеловеческое*, словно бы «формационно» сменивший формулу *общечеловеческого*.

Книга А. В. Смирнова «Всечеловеческое vs. общечеловеческое» объясняет, возникновение *всечеловеческого* как особого дискурса и как особой «философии всечеловеческого»; более того, она открывает «евразийские тайны» космопланетарного бытия человечества, показывает, как формировалась «вселенная русской философии» и ее интуитивное когнитивное сердце — *всемирная отзывчивость*, в рамках которой складывалась философия русского космизма.

Даже для «философски подкованного» человека разница между *всечеловеческим* и *общечеловеческим* настолько неуловима, что заставляет недоуменно молчать, думать о том, что философы в очередной раз играют в слова, «разводят понятия». Спрашивается, раз основа понимания *всечеловеческого* сосредоточена в русской философии (а речь в книге идет, прежде всего, о Н. Я. Данилевском, Ф. М. Достоевском, о славянофильстве и евразийстве), то, как же быть со всей остальной «нерусской» философией? [Смирнов, 2021a, 2021b] На такие «оргвопросы» не просто дать простой ответ: можно попробовать использовать герметический принцип подобия. Академик А. В. Смирнов вспоминает, что в Институте философии много разных отделений и каждое из них, так или иначе, имеет свою точку зрения на многие актуальные проблемы, они самодостаточны и творчески свободны¹.

¹ Эту мысль можно понимать и в том смысле, что никто не будет говорить, что другой сектор не нужен, не актуален, что его надо закрыть, хотя в истории философии советского периода и русская философия, и философия русского космизма не всегда были «разрешены», но западная философия всегда доминировала. Трудно представить, чтобы на какой-то

Добавим, что религиозная веротерпимость в России как проявление *всечеловеческого* оказывалась иногда весьма ограниченной. Так, например, «старообрядчеству» (как своего рода «исконной русской религии») отказывалось по целому ряду причин в функции *всечеловеческого* (по принципу — это *всечеловеческое* не отвечает признакам *общечеловеческого*). Оказывается, что главная проблема не терминологическая, а онтологическая: «росское, русское и российское» (Д. С. Лихачев) (см.: [Лихачев, 1992]) — это фундаментальная культурно-историческая онтология, которая невозможна и без упоминания «великоросского», «малоросского» и «белорусского». Чем больше Россия вбирает в себя «иногое-другое», тем более она отказывается от своего аутентичного, хотя всегда старается перейти в понимании планетарного и глобального от *общечеловеческого* к *всечеловеческому*.

Главный посыл автора книги, на наш взгляд (в неаутентичном понимании), заключается в том, что современная Россия, медленно, но неуклонно осознающая свою собственную дорогу в будущее, должна переходить от европейской выучки в духе *общечеловеческого* (как фиксации примата евро(западной)цивилизации в глобальной геополитической реальности) к самостоятельному мышлению о своей сущности в духе *всечеловеческого* (подразумевающему, что не только Запад и западная логика культуры имеют право на существование, но и все остальные еще плохо понятые логики культуры и складывающиеся цивилизации равнозначимы и равноправны).

Казус «странного недопонимания» в эпоху смены парадигм в философии науки обычно объясняется неизбежностью смены поколений, но в этом случае имеет место и «борьба идей» и «борьба людей». Фактически речь идет о фундаментальной философской революции в России — не только «Зулейха открывает

лекции по философии для «нефилософов» в провинциальном университете студентам говорили о мусульманской философской мысли или арабской философии. Преподавание философии бакалаврантам обычно ведется сразу с античной философии, чаще всего не обращаясь к индийской или китайской философии. (А это означает, что парадигма «западного общечеловеческого» долгое время формировалась фактически безальтернативно).

глаза», но и многие другие открывают «широко закрытые глаза», а некоторые жестокосердные и навеки многих напугавшие сурово говорят, «поднимите мне веки».

Российское общество готовится к кардинальной мировоззренческой революции. Большое «всерусское сознание» рождается из преодоления исторической дихотомичности «великоросского и малоросского», оно обретает «новую глобальность» и «новую планетарность».

Как объяснить смысл труднопонимаемого философского (в данном случае *всечеловеческого*) еще плохо «подкованной» молодежи? Приходится поневоле искать формы интуитивного изофилософского мышления. Как же *образно* можно представить концептуальное пространство *всечеловеческого*? Для этого обратимся к палехской иконописной и миниатюристской культуре освоения всемирного художественного наследия. Село-академия Палех (как назвал его М. Горький) полнее всего отражает высокое соприкосновение всеобщей мировой и глубинной русской духовной культуры. Органичное переплетение западного, восточного и общерусского художественного мышления сделало Палех всемирно знаменитым, а палехская изобразительная философия показала, что изысканно размышлять о мире «миниатюрным мышлением» можно не менее универсумно (по-вселенски), чем с помощью словесного мышления.

Сравним две миниатюры И. И. Голикова — гениального палехского художника-иконописца: первая — «Игра в шашки» (1923), вторая — «Три музыканта» (1924). Эти сюжеты станут классическими в искусстве Палеха советского периода в значительной степени по причине того, что это самый поисковый период в художественном сознании мастера. Когнитивное пространство бывшего православного сознания оставляет свои самые значимые и неотменимые следы. О «Великой шахматной доске» придет время и будет писать Збигнев Бжезинский, на этой доске играют очень сильные противники — бородатые пророки со следами изошренного ума на пронизательных лицах. Овальное пространство их космического бытия наполнено семиотическими фракталами знаков (вазы с цветами), но круглый стол их социального действия обретает оранжевый цвет везде-вечности.

Их «рацио» — не просто ум, но «нус» — сакральный разум целого народа, шедшего по историческим тысячелетним дорогам. Их естественный разум показывает, что сколь бы они не были различны (один из мудрецов в красной рубахе и красных штатах, но с синим «платом» углубился в свои мысли и рефлексивирует, уставившись глазами в пол; другой — в зеленой рубашке и синих штанах, но с красным «платом» сохраняет присутствие в когнитивной горизонтали земного), но выиграть друг у друга не могут: количество шашек на доске и на столе одинаковое. На каждый шаг одного, следует шаг другого, их силы равны. Более того, «шашки» словно превращаются в «шажки»: большие и маленькие шажки по Великой шахматной доске, придуманной З. Бжезинским. Вся человеческая жизнь в ноосферной истории — это тысячи шагов отдельного человека, синергично вписывающегося в мир шагов государства, этноса и всего человечества. Перед нами словно бы рациональное измерение всечеловеческого, все люди в этом мире представляют собой «хомо-компьютеры», самостоятельно решающие посильные и непосильные задачи. Научиться силлогистике столь же важно, как играть в шашки и шахматы, овладевая «интернетной теорией струн», тренируясь постоянно просчитывать свои действия на 60—100 шагов вперед (в этой социально-антропологической системе каждый шаг — это целый год). Может ли человек просчитать свою творческую «стратегию» устойчивого развития, или он разменяет год на «миллион шагов»? Когнитивное измерение «игры в шашки» — это поле деятельности «ядра» левого полушария, простой и сложный рационализм, дурная бесконечность причинно-следственных связей глобального универсума. Образы рациональной ноомагии захватывают все умы без разбора, каждый старается быть мастером «больших и малых шажков» в «войне всех против всех».

Но есть и другое полушарие всечеловеческого — правое полушарие помогает увидеть интуитивный образ мира всечеловеческого. Конечно, это не «картина маслом», а лишь миниатюра, намекающая на сложное бытие. В этой картине соединяются три бинарности, диалектичности и дихотомичности, нет простой парности, но есть тернарность как усложнение когнитивной дуальности (монолога, диалога и полилога). Перед нами миниатюра

И. И. Голикова «Три музыканта». Она рассказывает о том, как живет многополярный мир, как уживаются друг с другом три полярных силы.

Ритмы барабана и вибрации скрипки дополняют другими языками мелодию древних гуслей (арфы). Но не менее важна цветовая гармония коллективной мысли: море-синее, красное и желтое в одеждах словно меняются местами в шапках музыкантов, они семиотически дополнительные, как три кварка, из которых, как утверждают физики, сотворен весь этот поюще-звучащий мир Вселенной. Волны подолов платьев музыкантов вроде бы дискретны, но совпадают по «волнованию» совместных движений, а значит единоконтинуальны, а «оплечные круги» словно расходящиеся в вечность следы от брошенных в воду субъектностей. Сложности музыкальных рисунков в виде золотых фито-реальностей словно соединяют открытое глазу всеединство: так ус-трое-н когнитивный универсум палехского художника, отражающий в беспредельной простоте абсолютную синергичную сложность.

Придет время, когда трио превратится в квартет, а квартет — в камерный и симфонический оркестр, многоинструментальный мир может звучать в унисон, но есть и вариант, когда он напоминает «репетицию оркестра» (в фильме Ф. Феллини). Глобальная королевская власть дирижера, оказывается, зависит от планетарной человеческой эмерджентности, от информационной симфоничности космопланетарного бытия.

Теперь можно снова вернуться к проблеме понятийной разведенности концептов *всечеловеческого* и *общечеловеческого*. *Общечеловеческое* в исторической логике обозначает императивное и пирамидально-иерархическое, но оно в России задается как неукоснительное следование в европейском фарватере. Российская философская идентичность, начиная с протопопы Аввакума, никогда не соглашалась на государственный и религиозный террор по отношению к самостоятельно развивающемуся народному сознанию, которое определялось формами «круговой поруки» и векового локального общежития. «Прививка антиевропеизма» делалась всемирной историей русскому (российскому) народу каждое столетие для того, чтобы он не забывал о том, что «всемирная отзывчивость» не должна превращать

всечеловеческое в общечеловеческое. Об этом современным российским философам европейского извода напомнил А. В. Смирнов, сформулировав новую парадигму современной философии в России: безоглядное увлечение философским евромышлением приводит к девальвации национальных ценностей, потере своей субъект-субъектности, размыванию государственного и народного сознания. Европа XXI века (как весь объединенный Запад с США во главе) позиционирует себя в качестве ментора России, осуществляет прямое императивно-правовое и информационно-интеллектуальное давление. Это «хороший результат» геополитической деятельности еврокоммунистов «эпохи постСССР». «Если Бог хочет наказать человека, то он лишает его разума». Если Бог хочет наказать этнос, то он лишает его коллективного разума, а «компрадорская интеллектуальная элита» лишь способствует этому трагическому процессу.

Не просто объяснить, как происходит «отрицание» и «отрицание отрицания» в категориальной динамике «тезис — анти-тезис — синтез» применительно к тернарной транзитивности «общечеловеческое — всечеловеческое — все(обще)человеческое». Но современному российскому обществу, лишенному в школах и вузах сложного философского мышления, придётся доходить до этой премудрости задним умом, или, как говорили в Советской армии, если «не доходит через голову, то дойдет через ноги». «Может все-таки лучше через голову», — хочется спросить «топ-менеджеров» от образования.

Р. С. Один момент заведомо остался в тени: связь между «наукой как планетным явлением» В. И. Вернадского и *всечеловеческим* А. В. Смирнова, т. е. между *всечеловеческим* и *ноосферным*. В. И. Вернадский говорил о том, что «...нельзя безнаказанно идти против принципа единства всех людей как закона природы», но достигнуть этого единства можно насильственным *общечеловеческим* путем (не важно, кто будет навязывать свою волю и веру — империалистический Запад, социалистическая Россия или фундаменталистский Восток), а можно идти ненасильственным синергийным путем *всечеловеческого*, повторяя вслед за китайскими мудрецами: «пусть цветут сто цветов».

Голиков И. И. Игра в шашки 1923 г.
(http://palekh.narod.ru/g/golikov/golii_17.jpg)

Голиков И. И. Три музыканта 1924
(http://palekh.narod.ru/g/golikov/golii_10.jpg)

Список источников

- Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
- Гусейнов А. А. Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней. М.: Вече, 2009. 496 с.
- Иванов Вяч. Вс. Наука о человеке. Введение в современную антропологию: курс лекций. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2004. 196 с.
- Лекторский В. А. Философия, познание, культура. М.: Канон-плюс, 2012. 384 с.
- Лихачев Д. С. Русское искусство от древности до авангарда. М.: Искусство, 1992. 408 с.
- Моисеев Н. Н. Универсум. Информация. Общество. М.: Устойчивый мир, 2001. 200 с.
- Смирнов А. В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: ООО «Сандра»; Изд. дом ЯСК, 2019. 216 с.
- Смирнов А. В. Выступление на семинаре «Российский проект цивилизационного развития» и ответы на вопросы. 10.02.2021а. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=p6ScgCbe69Q&feature=youtu.be> (дата обращения: 10.10.2021).
- Смирнов А. В. Текущие задачи русской философии // Проблемы цивилизационного развития. 2021б. Т. 3. № 1. С. 188—210.
- Стёпин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.

References

- Guseynov, A. A. (2009), *Velikie proroki i mysliteli. Nравstvennye ucheniia ot Moiseia do nashikh dnei* [Great prophets and thinkers. Moral teachings from Moses to the present day], Veche, Moscow, Russia.
- Ivanov, Vyach. Vs. (2004), *Nauka o cheloveke. Vvedeniie v sovremennuii antropologiiu* [The science of man. Introduction to modern anthropology], Rossiiskii gosudarstvennyi humanitarnyi universitet, Moscow, Russia.
- Lektorskiy, V. A. (2012), *Filosofiiа, poznanie, kul'tura* [Philosophy, cognition, culture], Kanon-plus, Moscow, Russia.
- Likhachov, D. S. (1992), *Russkoiе iskusstvo ot drevnosti do avangarda* [Russian art from antiquity to the avant-garde], Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Moiseyev, N. N. (2001), *Universum. Informatsiia. Obshchestvo* [Universum. Information. Society], Ustoichivyi mir, Moscow, Russia.
- Smirnov, A. V. (2019), *Vsechelovecheskoe vs. obshchechelovecheskoe* [All-human vs. universal], Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'iu "Sandra", Izdatel'skii Dom IaSK, Moscow, Russia.

- Smirnov, A. V. (2021a), ‘Speech at the seminar “Russian Project of Civilizational Development” and answers to questions, 02.10.2021’, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=p6ScgCbe69Q&feature=youtu.be> (Accessed 10 October 2021).
- Smirnov, A. V. (2021b), ‘Current tasks of Russian philosophy’, *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiia* [Problems of civilizational development], vol. 3, no. 1: 188–210.
- Stopin, V. S. (2003), *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge], Progress-Traditsiia, Moscow, Russia.
- Vernadsky, V. I. (1991), *Nauchnaia mysl' kak planetnoie iavleniie* [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon], Nauka, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 12.11.2021; одобрена после рецензирования 09.12.2021; принята к публикации 29.12.2021.

The article was submitted 12.11.2021; approved after reviewing 09.12.2021; accepted for publication 29.12.2021.

Информация об авторе / Information about the author

Г. С. Смирнов — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет, Россия.

G. S. Smirnov — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Philosophy, Ivanovo State University, Russia.

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО READING AND DISCUSSION

Интеллигенция и мир. 2022. № 2. С. 153—168.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 2. P. 153—168.

Рецензия

УДК 1:316(091)(430)

DOI: 10.46725/IW.2022.2.8

ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР И ЕГО ИДЕИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБРАЗАХ И НАУЧНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ

Рец. на кн.:

*Терехов О. Э. История и политика в трудах
Освальда Шпенглера: проблемы историографии.
Кемерово: Кемер. гос. ун.-т, 2020. 163 с.*

Дмитрий Александрович Смирнов

Ивановский государственный политехнический университет,

Иваново, Россия, d-smirnov@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-5271-9197>

Аннотация. В рецензии рассматривается монография О. Э. Терехова, в которой представлена история изучения интеллектуального наследия Освальда Шпенглера, начиная с выхода его фундаментального труда «Закат Европы». При этом важное место занимает трансформация создаваемых Шпенглером образов в политическом сознании и их активное воздействие на него. В монографии раскрыты особенности отношения к идеям Шпенглера не только в разные исторические эпохи, но и отдельно в самой Германии, и отдельно в других странах. Особенно позитивной оценки заслуживает конкретный интерес к отечественной историографии наследия Шпенглера. Структура монографии четко демонстрирует позицию автора разделить весь комплекс

интеллектуального наследия Шпенглера на отдельные элементы, проявившие себя и в историографии идей немецкого мыслителя: идеи историзма, философской концепции, политической идеологии.

Ключевые слова: Освальд Шпенглер, «консервативная революция», консерватизм, традиционализм, историзм, немецкие интеллектуалы, историография

Для цитирования: Смирнов Д. А. Освальд Шпенглер и его идеи в политических образах и научных концепциях. *Рец. на кн.: Терехов О. Э. История и политика в трудах Освальда Шпенглера: проблемы историографии. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2020. 163 с. // Интеллигенция и мир. 2022. № 2. С. 153—168.*

Review

OSWALD SPENGLER AND HIS IDEAS IN POLITICAL IMAGES AND SCIENTIFIC CONCEPTS

Review on the book:

***Terekhov O. E. History and politics in the writings
of Oswald Spengler: problems of historiography.
Kemerovo: Kemerovo State University, 2020. 163 p.***

Dmitry A. Smirnov

Ivanovo State Polytechnic University,
Ivanovo, Russia, d-smirnov@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5271-9197>

Abstract. The article draws attention to the monograph by O. E. Terekhov, which presents the history of the study of the intellectual heritage of Oswald Spengler since the release of his fundamental work “The Decline of Europe”. At the same time, an important place is occupied by the transformation of the images created by Spengler in the political consciousness, and their active influence on it. The monograph reveals the peculiarities of the attitude towards Spengler’s ideas not only in different historical epochs, but also in Germany itself and in other countries. The specific interest in the national historiography of Spengler’s legacy deserves a particularly positive assessment. The structure of the monograph clearly demonstrates the author’s intention to divide the entire complex of Spengler’s intellectual heritage into separate elements that also manifested themselves

in the historiography of the idea of the German thinker: the ideas of historicism, philosophical concept, political ideology.

Keywords: Oswald Spengler, “conservative revolution”, conservatism, traditionalism, historicism, German intellectuals, historiography

For citation: Smirnov, D. A. (2022), ‘Oswald Spengler and his ideas in political images and scientific concepts. Review on the book: Terekhov, O. E. (2020) *Istoriia i politika v trudakh Osva'da Shpenglera: problemy istoriografii* [History and politics in the writings of Oswald Spengler: problems of historiography], Kemerovo State University, Kemerovo, 163 p.’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 153—168 (in Russ.).

Монография известного кемеровского ученого О. Э. Терехова [Терехов, 2020]¹ выстроена по классической схеме аналитического исследования историографии идейного наследия крупного мыслителя. В ней представлен его взгляд на философа истории, культуролога, консервативного политического публициста Освальда Шпенглера (1880—1936). Она включает в себя главы, посвященные западной и отечественной мысли в ее рассмотрении теоретических представлений Шпенглера, концептуальных основ и событийного фона его творчества.

Впрочем, особенности идейного наследия мыслителя не позволяют сконцентрироваться на ограниченном круге вопросов. Поэтому выбранные для анализа проблемы в историографии заставляют О. Э. Терехова знакомить читателя с максимально широким кругом мнений и экспертных оценок, акцентировать внимание на дискуссиях различной остроты и показывать разного уровня достигнутые конвенции вокруг идейного наследия О. Шпенглера. При этом каждый из этих штрихов органично дополняет масштабное и колоритное полотно восприятия мыслителя.

В главе 1 — «Идейно-теоретические взгляды О. Шпенглера» — затронуты вопросы предпосылок формирования, а также собственно содержания культурно-исторической и политической концепции мыслителя. Терехов соглашается с тем, что сформировавшийся на исходе эпохи модернизма, в «кризисные годы

¹ Далее ссылки на данную монографию приводятся в тексте статьи с указанием страниц в круглых скобках.

классического модерна», Шпенглер нашел для себя многие смыслы и понятия именно в нем (с. 10). Таким образом, по словам ученого, «исследователи однозначно прослеживают связь между традиционализмом и консерватизмом, даже если и рассматривают в отдельных случаях консерватизм как полностью модернистскую идеологию» (с. 11).

Терехов соглашается с целым рядом авторов — от К. Клемперера до Т. Манна — в том, что Шпенглера формировала ницшеанская «переоценка всех ценностей» (с. 12). При этом, по мнению Терехова, направления, близкие философии жизни, «предвосхитили и подготовили на интеллектуальном уровне ... постепенный переход человека и общества в “новое состояние”, которое впоследствии получило название постмодерна» (с. 14). «Значимое проявление» этого Терехов находит также в «критике исторического сознания», «критике историзма», нашедшего себя в Германии в «традиции немецкого историзма, которая долгое время определяла историческое сознание представителей германской культуры в целом» (с. 14).

Впрочем, Терехов справедливо подчеркивает, что исследование немецкого историзма не затмевает и раскрытие «обратной стороны такого “культурного подвижничества” немецких интеллектуалов», которую он видит в целом комплексе «побочных» продуктов: «национализме, милитаризме, империализме, аполитичности и т. д., т. е. во всем том, что давало благоприятную почву консерватизму»: «Эти интеллектуальные и политические установки составили основу “идей 1914 года” и были обнаружены у Шпенглера его современниками в широких интеллектуальных границах от “особого исторического пути Германии (Sonderweg)” до концепции “народного сообщества” (Volksgemeinschaft) в духе так называемого “немецкого (прусского) социализма”» (с. 18, 19).

Другим фактором социально-политической трансформации немецкого общества, повлиявшим на Шпенглера, Терехов считает собственно исторические события Первой мировой войны. Они «радикализировали умонастроения германских националистов и консерваторов, особенно молодое поколение так называемых фронтовиков и близких к ним по возрасту представителей правого политического лагеря Германии. Причем эта радикализация выразилась в попытке синтеза традиционализма и модернизма,

что привело к созданию двух радикально-консервативных идейных и политических феноменов — «консервативной революции» и национализма» (с. 22). Но «понимание невозможности удержать традицию в рамках добуржуазных общественных и экономических структур», считает Терехов, делало «консервативных революционеров» именно «апологетами различных версий “реакционного модерна”» (с. 23).

Книгу Шпенглера Терехов считает «блестящим образцом того, насколько зачастую тесно в германской гуманитарной мысли проходила связь между собственно научными изысканиями и теми идеологическими выводами, которые можно было сделать из них» (с. 25). Он представил в своей культурно-исторической концепции «Заката Европы» «едва ли не главное идеологическое оружие Германии после войны» (с. 26). Главный ее объект Шпенглер увидел в культуре, которая «как некое пространственное образование» подобна «живому организму и проходит все стадии живого организма», откуда и проистекает его предложение применить «морфологию всемирной истории» в качестве метода изучения культуры и истории (с. 27). Однако Терехов находит характерный парадокс во взглядах Шпенглера, демонстрирующий влияние на него прежнего периода развития научной методологии: «Будучи убежденным противником переноса законов естествознания на изучение культуры и истории, он в своей морфологии всемирной истории уподобил жизнь культуры биологическому ритму». В этом Терехов видит даже «некую пародию на позитивистскую методологию истории» (с. 28).

При этом собственно понятие «цивилизация» не было чуждо морфологии истории. Характерны, обращает внимание Терехов, и черты типа личности у носителя цивилизации: «Городской кочевник, обитатель большого города, оторванный от традиций, иррелигиозный, интеллигентный человек массовой культуры» (с. 30). Поэтому, по мысли Терехова, «понятие “цивилизация” является системообразующей теоретико-методологической и идейной конструкцией “Заката Европы”» (с. 30). Именно преодолению последствий цивилизации посвящают свои усилия представители «консервативной революции», к которым, напоминает Терехов, относят и Шпенглера, укрепляя его идейное наследие в качестве «предмета в большей степени интеллектуального и гуманитарного дискурса, чем общественно-политического» (с. 47).

Глава 2 — «Историко-философское наследие Шпенглера как предмет исследования» — в равной мере посвящена раскрытию особенностей трактовок учения Шпенглера как западной, так и отечественной гуманитарной мысли. Начало этого в западной историографии связано уже с выходом первого тома «Заката Европы». В течение 1919—1922 гг. атака на Шпенглера и с правого, и с левого флангов с явно негативным отношением к нему получила название «спора о Шпенглере» (с. 49). Среди критиков «Заката Европы» Терехов особо отмечает Э. Трёлча, Г. Зиммеля, Ф. Мейнеке, М. Хайдеггера, Т. Манна. Их комментарии в 1922 г. рассмотрит М. Шрётер в своем «Споре о Шпенглере», ставшем, по мнению Терехова, «первой обобщающей историографической работой» об этом. Эта дискуссия вокруг идей Шпенглера признала их в качестве достойных для критики.

Пришедшие в начале 1930-х гг. к власти нацисты, не получившие от Шпенглера поддержки действий и идей, подчеркивает Терехов, сделали акцент на политических идеях и публицистике «консервативной революции» и отодвинули концепцию Шпенглера на второй план.

Среди зарубежных авторов Терехов обращает внимание на работу Л. Февра «От Шпенглера до Тойнби», в которой основатель школы «Анналов» в 1936 г. вскоре после выхода первых томов «Постижения истории» подвергает «суровой критике» (определение Терехова) их концепцию, а Шпенглера даже причисляет к «духовным предтечам германского национал-социализма», хотя и признает, что «Годы решений» Шпенглера «испортили его отношение с нацистским режимом» (с. 55). Тем не менее, Терехов полагает, что статья Л. Февра стала признанием значимости идей Шпенглера даже в качестве «общей негативной оценки» (с. 55).

Среди первых авторов, способствовавших этому, Терехов называет английских философов и историков Р. Дж. Коллингвуда, К. Ясперса, обращает внимание на первые шаги американских авторов, например, Г. С. Хьюза и К. Клемперера. В самой Германии такая работа начинает разворачиваться чуть позже. Объяснение этому Терехов не дает. Однако стоит предположить, что это напрямую было связано и со стремлением к быстрейшему забвению нацистского прошлого со стороны самих немецких авторов и с проведением политики денацификации. В подтверждение

того, что было распространено такое мнение, можно обратить внимание на работу Хьюза, прямо именовавшего еще в 1952 г. Шпенглера нацистом.

Лишь спустя двадцать лет после Второй мировой войны в честь 85-го юбилея своего учителя М. Шрётера (оформившего «Спор о Шпенглере») А. М. Коктанек в качестве результата изучения архива Шпенглера издаст сначала ряд его неопубликованных работ и переписку, а затем сборник статей «Изучение Шпенглера», содержащий в первой части воспоминания современников, а во второй — статьи с анализом идей. В 1968 г. Коктанек публикует первую официальную биографию Шпенглера с опорой на богатый источниковый материал, собранный им во время работы над архивом, хотя результаты этой работы и не были признаны в интеллектуальном пространстве Германии, прежде всего в левых кругах, делавших ответственным мыслителя за приход нацистов к власти.

Не затрагивая влияние проблемы «преодоления прошлого» на исследование идей Шпенглера в первые десятилетия после Второй мировой войны, Терехов обращает на нее косвенное внимание при изучении наследия культуролога в последующие годы: «Для того чтобы представить целостный образ пророка заката Запада понадобилось изменить точку зрения на немецкий консерватизм как мировоззрение и политическую позицию... Немецким гуманитариям, отягощенным опытом “преодоления прошлого”, особенно сложно это было сделать» (с. 59). По мнению Терехова, значимы были исследования 1980-х гг.: сборник «Шпенглер сегодня», диссертация «Освальд Шпенглер и современная критика культуры» К. Экерманна. В 1988 г. возросший интерес к Шпенглеру нашел продолжение в работе Д. Фелькена «Освальд Шпенглер: консервативный мыслитель между кайзеровской империей и диктатурой», «окончательно “академически” канонизировавшей автора “Заката Европы”» и уже в названии признавшей спорность прежней однозначной трактовки наследия (с. 61).

Расширилось и методологическое пространство его интерпретаций. Терехов находит «социально-психологический подход» в исследовании Ф. Ботермана 1992 г. Сборник «Случай Шпенглера:

критический итог» ряда видных европейских и американских шпенглероведов и специалистов по немецкому консерватизму 1994 г. представляет определенный итог их личного знакомства с его идеями без всякой попытки системного осмысления.

Продолжение знакомства с наследием Шпенглера приводит, по мнению Терехова, к политизации интереса к нему: у П. Зиферле «философско-историческая концепция Шпенглера подчинена политическим задачам», а у Р. фон Буше Шпенглер выступает «авангардистом среди консервативных мыслителей Веймарской республики», в руках которого культурфилософия стала «первым опытом создания целостной метаполитической конструкции в германском консерватизме в ходе Первой мировой войны» (с. 64). Также о влиянии Шпенглера на общественные настроения времени указывает К. Вайсмани. При переиздании в 2005 г. в соавторстве с А. Молером его труда «Консервативная революция в Германии: 1918—1932 гг.», первое издание которого увидело свет еще в 1950 г., Терехов отмечает, что для Вайсмана труд Шпенглера «должен был служить политическим и военным ориентиром для германской политической элиты после войны» (с. 65).

В англоязычном пространстве дискуссия вокруг Шпенглера проходила более критично. В 1999 г. Т. Рокрэммер определил его идеи, цитирует Терехов, как «своеобразную мешанину» (с. 65). Впрочем, монография Дж. Фарренкопфа демонстрирует другой пример исследования наследия Шпенглера с более обширной историографией и детальной оценкой его исторических и политических прогнозов (с. 66).

В начале XXI в., отмечает Терехов, шпенглерiana продолжает дополняться «не менее современными и значимыми» работами (с. 67). В 2018 г. столетие выхода в свет «Заката Европы» было отмечено выходом сборника «Шпенглер — мыслитель рубежа веков», где, отмечает Терехов, вновь подчеркивается обреченность его на «восприятие в двойной перспективе». Другие заметные сборники «Шпенглер как европейский феномен» и «Шпенглер без конца», по мнению Терехова, тематически и содержательно дополняют друг друга (с. 68). Также Терехов считает важным создание в 2017 г. «Общества Освальда Шпенглера по изучению человечества и всемирной истории», избравшим своей миссией понимание «принципов, лежащих в эволюции человека,

всемирной истории и ее перспектив» (с. 69). Как обращает внимание Терехов, общество стремится обогатить теоретический фундамент современных междисциплинарных подходов. В 2018 г. проведена конференция, посвященная столетию выхода главного труда Шпенглера, и учреждена премия его имени. Она была присуждена писателю Мишелю Уэльбеку, чей сборник эссе вместе с материалами конференции должен был открыть книжную серию общества. Информация о деятельности общества, а также сетевой журнал размещены на его сайте.

Терехов считает изучение рефлексии идей Шпенглера со стороны русских гуманитариев не менее важной, поскольку уже в 1922 г. в Москве благодаря усилиям Н. А. Бердяева и Ф. А. Степуна вышел сборник «Освальд Шпенглер и Закат Европы». Полемика вокруг него привела к знаменитому «философскому пароходу» — высылке из Советской России известных полемистов и критиков большевистской власти (с. 71). Терехов подчеркивает, что события, вызванные выходом сборника, определили допускаемые границы инакомыслия и определили марксистское понимание Шпенглера в Советской России (с. 74). Оценивая с левого фланга несомненное политическое звучание для нацистов идей Шпенглера, отмечает Терехов, уже в 1933 г. такой взгляд предложил В. Ф. Асмус в работе «Маркс и буржуазный историзм».

Взгляд на Шпенглера стал меняться лишь в 1970-е — 1980-е гг. Среди примеров этого Терехов называет работы П. Ю. Рахшмира, А. С. Бланка, А. А. Галкина. Началом этого, впрочем, стала более ранняя статья С. С. Аверинцева 1968 г. «Морфология культуры Освальда Шпенглера» (с. 78). Спустя время появился «более утончено-марксистский подход» к наследию Шпенглера, найденный Тереховым в исследовании эстетизма, «выраженного в отстраненном созерцании истории с высоты великих культур» в работе Ю. Н. Давыдова «Шпенглер и война. (Историософское эстетство в свете современного опыта)» (с. 78).

Вторую половину 1980-х гг., полагает Терехов, характеризует для отечественной историографии «иной, конечно, не свободный до конца от идеологических штампов советского марксизма, но более взвешенный подход к интеллектуальному наследию Шпенглера»,

отраженный в работах К. А. Свасьяна и Г. М. Тавризян: Свасьян, в первую очередь, подчеркивает стремление Шпенглера представить политическую доктрину, а монография Тавризян становится «отправной точкой постсоветского этапа» в изучении мыслителя, поскольку она обратила внимание на то, что он ставит проблемой кризис западной культуры (с. 79, 80).

Рубежным для отечественной, теперь уже постсоветской, историографии изучения идей Шпенглера Терехов справедливо называет 1993 г., когда был переиздан «Закат Европы» в переводе 1923 г., издан его новый перевод вместе с обширным очерком Свасьяна, а также защищена диссертация Т. Б. Карулиной «Освальд Шпенглер и немецкая философия истории 20—30-х годов XX века». Во второй половине 1990-х гг. и позже круг исследователей идей Шпенглера, обращает внимание Терехов, расширяется: А. И. Патрушев, О. Ю. Пленков, В. Н. Сыров, Б. Г. Могильницкий. Постепенно, подчеркивает Терехов, «шпенглерiana разделяется на два направления»: «Одно — сосредотачивает внимание на культурно-исторической концепции Шпенглера в контексте философско-исторической и гуманитарной мысли, а другое рассматривает малоизученную в советской гуманитарной мысли политическую концепцию и политические взгляды Шпенглера в рамках идеологии “консервативной революции”» (с. 84).

Российские авторы активно используют, отмечает Терехов, сравнительный метод в работах о Шпенглере: А. К. Камкин, А. А. Лактионов, Л. Г. Зимовец (с. 85). Также появляются работы, видевшие взгляды Шпенглера «в контексте общеевропейской мысли его времени»: Е. Н. Немерова, П. П. Гайденко, Г. М. Тавризян. Завершающими на сегодняшний день аккордами изучения философии истории Шпенглера в отечественной историографии Терехов рассматривает диссертацию Б. В. Подороги «Понятие гештальта в философии Освальда Шпенглера» и работу И. В. Дёмина «Философия истории в постметафизическом контексте».

Глава 3 — «Политическая концепция Шпенглера: проблемы интерпретации» — непосредственно затрагивает вопросы изучения историко-политического контекста, повлиявшего на формирование политических взглядов мыслителя. Терехов концентрирует на них особое внимание, поскольку они позволяют

рассмотреть отношение Шпенглера с движением «консервативная революция»: Клемперер считал Шпенглера «языческим консерватором», а Коктанек находил у него «романтическую традицию» с ее критикой цивилизации (с. 91). У Г. Люббе на первый план выходит практическая направленность текстов Шпенглера, отражающих политизацию общественного сознания. Но если Х. Мёллер констатирует, что Шпенглер в числе других мыслителей подготовил духовную почву для нацизма, то К. Экерманн, по оценке Терехова, обращает внимание на представление Шпенглера о государстве как органическом индивидууме, подчинявшем единичную волю общей, и потому не считает его нацистом (с. 93). «Приверженность Шпенглера к идее органического происхождения государства» Терехов находит и у Д. Фелькена (с. 97).

Актуальное понимание политических взглядов Шпенглера, считает Терехов, начинает складываться в 1990-е гг. с публикацией сборника «Случай Шпенглера». Фарренкопф видит в «Закате Европы» «рекомендации элите по искусству управления государством», а Люббе концентрирует внимание на сравнении Шпенглера и Юнгера в качестве романтических политических экзистенциалистов (с. 100). Важна и работа Зиферле, в которой высказано мнение, что Шпенглер не видел различие между либерализмом, большевизмом и национал-социализмом: «Они являлись для него выражением системы господства партий» (с. 102). Особенным образом, по мнению Терехова, политические взгляды Шпенглера трактовал Буше, увидевший у Шпенглера в преобразовании «аполитичности немецкой нации» новую формулу «политического юного немецкого народа» (с. 104).

В 2000-е гг., на волне подъема «новых правых», обращает внимание Терехов, Шпенглер становится одной из культовых фигур «консервативной революции». В специальном номере журнала «Сецессия», вышедшем в 2005 г., его редактор К. Вайсмман, известный в качестве одного из идеологов «новых правых», оформляет позицию движения. Притягательность Шпенглера, справедливо отмечает Терехов, объясняется его определенной дистанцией в отношении «консервативной революции»: для них интересна его критика и возможность критики его взглядов (с. 105).

Историю отечественной историографии политической идеологии Шпенглера Терехов разделяет на советский и современный российский этапы. Определяемую марксизмом позицию оформили такие критики буржуазной философии, как А. С. Бланк. Уже А. А. Галкин и П. Ю. Рахшмир, указывает Терехов, оценивают роль Шпенглера с точки зрения обновленного традиционализма (с. 107).

Современный этап, напоминает Терехов, начинается монография О. Ю. Пленкова, выявившего «пруссский социализм» во взглядах Шпенглера, и продолжают труды А. Н. Мочкина, считавшего его важным представителем неоконсерватизма, как он называет «консервативную революцию» (с. 109).

Терехов обращает внимание на то, что наряду с переизданием важных работ Шпенглера (например, статья «Пруссачество и социализм» в 2005 г. с послесловием А. М. Руткевича, разбиравшего концепцию с экономических позиций), спустя несколько лет выходят оригинальные по темам работы С. В. Артамошина и В. В. Афанасьева (с. 110).

Наряду с анализом историографии изучения отношений Шпенглера и «консервативной революции», Терехов предлагает рассмотреть конкретно историографию «консервативной революции», начало которой положили в годы Веймарской республики Т. Манн, А. Мёллер ван ден Брук, Г. Гофманншталь, Г. Фрайер. В годы нацизма, обращает внимание Терехов, «власти старались избегать выражение “консервативная революция”, а в рядах антифашистов оно стало ассоциироваться исключительно с идеологией и практикой национал-социализма», но оно оставалось в поле зрения политиков и публицистов, находившихся в эмиграции (с. 114).

Терехов справедливо констатирует, что «современное звучание» понятию «консервативная революция» дает книга «революционного консерватора последнего призыва» А. Молера «Консервативная революция. 1918—1932», вышедшая в 1950 г., охарактеризованная как «попытка самооправдания своей позиции перед и в годы Третьего рейха» и выполнявшая сверхзадачу «идейно очертить границы возникающего движения “новых правых” в ФРГ, признанным интеллектуальным лидером которых позднее станет Молер» (с. 115). «Второй отправной точкой»

в формировании историографии «консервативной революции» в Западной Германии Терехов считает книгу К. Зонтхаймера, «написанную с либерально-демократических позиций» (с. 117).

Последовательное рассмотрение Тереховым историографического материала позволяет увидеть, что интерес к «консервативной революции» все более возрастал, при этом становилась все более критической позиция его анализа. В конце 1960-х гг. Х. Герстенбергер, указывает Терехов, представила ее «новую трактовку» с «леволиберальных и социал-реформистских позиций» и увидела в ней идеологию «старого» среднего класса, «академиков» (с. 117).

В 1970-е гг. значительный вклад в изучение «консервативной революции», по мнению Терехова, вносят французские исследователи. Прежде всего, он обращает внимание на работу Л. Дюпё о национал-большевизме, представившую «консервативную революцию» как «культурную реакцию немецкого консерватизма на процесс модернизации в Германии» (с. 119). В этом же ряду Терехов называет П. Бурдьё, затронувшего в работе о политической философии Хайдеггера вопрос о влиянии на него взглядов Шпенглера и Юнгера.

В 1980-е гг., обращает внимание Терехов, Дж. Хэрф предложил для изучения «консервативной революции» концепцию «реакционного модерна» в идеологии и политической практике праворадикальных групп и движений. Затем П. Кондилис развил «историко-социологический подход» в изучении консерватизма, делая вывод о том, что он ушел в прошлое вместе с аристократией, а правые течения конца XIX — начала XX в. имеют с ним мало общего, но являются «выражением ортодоксального либерализма или “буржуазной реакцией”» (с. 122).

Хотя к концу 1980-х гг. устанавливается определенный теоретико-методологический консенсус относительно роли и места «консервативной революции» в интеллектуальной истории Веймарской республики и германского консерватизма в целом», Терехов считает, что «следующее десятилетие показало, что данная проблематика отнюдь не исчерпала своих исследовательских возможностей». Он приходит к выводу, что теперь ведущая роль в изучении ее политического феномена перешла германской гуманитарной мысли. «Возмутитель спокойствия», по оценке

Терехова, Ш. Бройер назвал ее «историческим и научным мифом» (с. 124). Такой взгляд, вызвавший острую дискуссию, подчеркивает Терехов, сформировал «своеобразную контрверзу Молер — Бройер как выражение двух полярных подходов в историографии “консервативной революции”».

Итог дискуссиям 1990-х гг. вокруг «консервативной революции», считает Терехов, подвел Р. фон Буше, пошедший дальше Бройера. Для него германский консерватизм базировался изначально на аполитичной вере в порядок, и он лишь после 1918 г., приручая широкие массы, предлагает протесту политические спекуляции и символы, но при этом оставаясь аполитичным (с. 129, 130).

В отношении советской историографии «консервативной революции» Терехов соглашается с мнением Ю. Н. Солонина, что не только табуированность, но и просто отсутствие интереса не позволило сформироваться ей в качестве значительного явления.

Взросший с начала 1990-х гг. интерес Терехов связывает «не столько с ослаблением идеологического диктата, а с осознанием важности изучения феномена “консервативной революции” для более глубокого понимания духовной и политической истории XX столетия не только Германии, но и Европы в целом»: сначала О. Ю. Пленкова, А. Ф. Филиппова, В. Э. Молодякова, а в последние годы А. М. Руткевича, В. В. Афанасьева, С. В. Артамошина. Многообразие трактовок он обуславливает «идеологической и политической неоднородностью «консервативной революции»» и отказом от рассмотрения ее представителей в качестве предтеч национал-социализма (с. 136).

Вывод Терехова по итогам рассмотрения идейного наследия Шпенглера вполне ожидаем: «Отношение к Шпенглеру менялось с течением времени и было связано с научным и общественно-политическим дискурсом, который господствовал в обществе в тот или иной период. Это было характерно для восприятия как культурно-исторической, так и политической концепций Шпенглера» (с. 138).

Широкий историографический материал делает такое суждение обоснованным, но все же преобладающий хронологический принцип изложения и слабое внимание именно к научному и общественно-политическому дискурсу не позволяют сказать,

что задачи решены. Терехов фактически ограничивается лишь общим суждением по поводу причин появления в определенный период времени конкретной точки зрения на идейное наследие Шпенглера, полагаясь, возможно, на осведомленность читателя или пренебрегая его интересами в плане объяснения причин ее появления. Вероятно, жесткие хронологические рамки в разборе собранного материала вызваны тем, что автор опасается погрузиться в анализ методологии Шпенглера, изменений в ней и причин их вызывающих. Для автора на первом плане находится проблема осмысления философа другими авторами, но не собственно объяснение его теории. И это несмотря на то, что этому посвящена целая глава.

Представленный материал действительно соответствует цели его исследования, но его анализ в такой форме демонстрирует спорность решения поставленных задач. Цель анализа историографии столь колоритной и многогранной фигуры, как Шпенглер, особенно в отношении таких общих заявленных проблем его исследования, как история и политика, ожидает решения в гораздо большем объеме, многопланово и на разном уровне.

Серьезным недостатком работы является редакторская небрежность, которая приводит к большому количеству ошибок и неточностей — от орфографических до стилистических.

Список источников

Терехов О. Э. История и политика в трудах Освальда Шпенглера: проблемы историографии. Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 2020. 163 с.

References

Terekhov, O. E. (2020) *Istoriia i politika v trudakh Osvaľ'da Shpenglera: problemy istoriografii* [History and politics in the writings of Oswald Spengler: problems of historiography], Kemerovskii gosudarstvennyi universitet, Kemerovo, Russia.

Статья поступила в редакцию 18.09.2021; одобрена после рецензирования 16.10.2021; принята к публикации 27.10.2021.

The article was submitted 18.09.2021; approved after reviewing 16.10.2021; accepted for publication 27.10.2021.

Информация об авторе / Information about the author

Д. А. Смирнов — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин, Ивановский государственный политехнический университет, Иваново, Россия.

D. A. Smirnov — Doctor of Science (History), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines, Ivanovo State Polytechnic University, Ivanovo, Russia.

Интеллигенция и мир. 2022. № 2. С. 169—186.
Intelligentsia and the World. 2022. No. 2. P. 169—186.

Рецензия

УДК 316.343.652

DOI: 10.46725/IW.2022.2.9

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАХ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

**Рец. на кн.: Интеллигенция и интеллектуалы:
генезис, формирование, развитие, деятельность:
материалы XXXI Междунар. науч.-теорет. конф.,
Иваново, 23—24 сентября 2021 г.
Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. 312 с.**

Владимир Александрович Порозов

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Россия, va-porozov@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9157-598X>

Аннотация. Рецензируется книга, представляющая собой сборник научных работ очных и заочных участников XXXI Международной научно-теоретической конференции интеллектоведов, состоявшейся 23—24 сентября 2021 г. в Ивановском государственном университете. Конференция на тему «Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность» была посвящена двадцатилетию междисциплинарного научного журнала «Интеллигенция и мир». Широкий спектр публикаций дает достаточно характерную и полную картину состояния современного интеллектоведения как актуальной отрасли (направления) современного научного гуманитарного знания. Особое внимание в предпринятом обзоре обращается на соотнесение понятий *интеллигенция, интеллигент, интеллектуал*.

Ключевые слова: интеллигенция, интеллигент, интеллектуал, научная конференция, сборник материалов конференции, научный журнал, «Интеллигенция и мир», Ивановский государственный университет, интеллектоведение, школа профессора В. С. Меметова

Для цитирования: Порозов В. А. Интеллигентны об интеллектуалах, интеллектуалы об интеллигенции. *Рец. на кн.: Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—24 сентября 2021 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. 312 с. // Интеллигенция и мир. 2022. № 2. С. 169—186.*

Review

**INTELLIGENTSIA ABOUT INTELLECTUALS,
INTELLECTUALS ABOUT INTELLIGENTSIA**
***Review on the book: Intelligentsia and intellectuals:
genesis, formation, development, activity: proceedings
of the XXXI international scientific and theoretical
conference. Ivanovo, 23—24 september 2021.
Ivanovo: Ivanovo state university, 2021. 312 p.***

Vladimir A. Porozov

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
Perm, Russia, va-porozov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9157-598X>

Abstract. The book under review is a collection of scientific papers by in-person and distant participants of the XXXI International scientific and theoretical conference of intellectuals, held on September 23—24, 2021 at Ivanovo State University. The conference on the topic “Intelligentsia and intellectuals: genesis, formation, development, activity” was dedicated to the twentieth anniversary of the interdisciplinary scientific journal “Intelligentsia and the World”. A wide range of publications gives a fairly characteristic and complete picture of the state of modern intellectual studies as an actual branch (direction) of modern scientific humanitarian knowledge. Particular attention in the undertaken review is drawn to the correlation of the concepts of intelligentsia, representative of intelligentsia, intellectual.

Keywords: intelligentsia, representative of intelligentsia, intellectual, scientific conference, collection of conference materials, scientific journal, “Intelligentsia and the world”, Ivanovo State University, intellectual studies, Professor V. S. Memetov’s school

For citation: Porozov, V. A. (2022), 'Intelligentsia about intellectuals, intellectuals about intelligentsia. Review on the book: *Intelligentsiia i intellektualy: genezis, formirovanie, razvitie, deiatel'nost': materialy XXXI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* (2021) [Intelligentsia and Intellectuals: genesis, formation, development, activity: proceedings of the XXXI International scientific and theoretical conference], Ivanovo, Russia, 23—24 September 2021, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, 312 p.], *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: pp. 169—186 (in Russ.).

Введение. 31-я меметовская

Коллектив основанного профессором В. С. Меметовым НИИ интеллигентоведения, трансформировавшегося ныне в Научно-образовательный центр «Интеллигенция и интеллектуалы в мировой и отечественной истории и политике», за многие годы своей плодотворной работы подготовил и издал десятки монографий и тематических сборников по разрабатываемой им тематике. Высокая творческая активность и неустанная работоспособность исследователей, разрабатывающих это научное направление, эффективно реализуется в издании Ивановским государственным университетом «ваковского» по статусу междисциплинарного российского научного журнала «Интеллигенция и мир», двадцатилетию которого была посвящена интеллигентоведческая конференция 2021 года. Это была уже тридцать первая «меметовская» конференция, что само по себе является убедительным свидетельством широты и практической неисчерпаемости избранной проблематики.

И вот перед нами сборник материалов этой конференции: 46 авторов 43-х опубликованных материалов представляют 15 городов России, а также столицу братской Беларуси Минск и мусульманский Исламабад. Материалам сообщений, представленных на конференцию, предпосылаются «Слово от организаторов конференции», служащее введением, и состав редакции журнала в разные годы (портреты ее членов помещены на последней странице обложки). Вслед за статьями участников конференции представлены весьма развернутые материалы экспертного опроса по теме «Журналы социально-гуманитарных наук на современном

этапе: ожидание и реальность», проведенного редколлегией журнала «Интеллигенция и мир». Завершается сборник сведениями об авторах. Шестеро из семи членов редакционной коллегии сборника под энергичным руководством профессора В. Л. Черноперова и один из двух рецензентов представляют современную редакцию журнала, что не удивительно: все они — видные представители «интеллигентоведческого движения» с солидным стажем, а четверо трудятся в редакции журнала, преимущественно «на общественных началах», более десяти лет.

Интеллигенция и мир интеллектуалов

Не трудно заметить, что круг проблем, разрабатываемых очными и заочными участниками конференции, и магистральная тематика журнала в принципе совпадают. Конференции представляют собой своеобразный «полигон», на котором российские интеллигентоведы, в непосредственном общении обкатывая свои научные идеи, намечают векторы направлений дальнейшего продвижения вперед. По сборникам конференций можно в определенной степени заглянуть и в завтрашний день журнала. Кроме того, можно отметить, что спектр материалов конференций по сравнению с журнальными статьями более широк и менее академичен — глубокий, проверенный временем демократизм «движения» накладывает свой отпечаток и на публикации данного формата.

Наверное, поэтому постоянный и многоуважаемый заместитель главного редактора журнала профессор С. М. Усманов в весьма свободной форме поделился своим видением процесса изучения социального слоя, не дающего покоя коллегам. Автор подчеркивает, наряду с необходимостью продолжения разработки методологических вопросов, ценность конкретных исследований, причем особо актуальным считает учет культурно-исторических аспектов. Интересно, что автор называет интеллигенцию российской, а интеллектуалов западными, словно у нас нет интеллектуалов, а на западе интеллигентов быть не может: с точки зрения С. М. Усманова эти термины отражают разные явления. Особое значение для перспектив интеллигентоведения имеет введение в исследования социологических параметров и культурологических аспектов, чего на современном этапе явно

недостает. В качестве ориентира указан польско-американский ученый Александр Гелла, неназванные работы которого в кругах, группирующихся вокруг журнала, предполагаются общеизвестными. В представленной трактовке и интеллигентов, и интеллектуалов объединяет «круг людей культуры», но интеллигенция — это «феномен модернизации традиционных обществ», выступающий к тому же, в отличие от интеллектуалов, как отдельная «социальная страта» [Усманов, 2021: 62]. Ну, а с тем, что в трудах интеллигентоведов зачастую много риторики и мало конструктивной критики разработок других авторов, конечно, нельзя не согласиться.

Значительно усложняет анализ отечественной интеллигенции Н. Н. Васильев. Во-первых, он использует понятие *новой интеллигенции*, которая, по его мнению, «потеряла приоритет морали в мировосприятии и на этой основе приобрела внутреннюю органическую оппозиционность власти», да еще и с произошедшей «бизнесификацией сознания» [Васильев, 2021: 9]. А во-вторых, высказывается мнение о перерождении части интеллигенции в интеллектуалов, общественная роль которых в определенной степени может носить негативный характер: «Интеллектуалы наносят сознательный вред обществу и государству прежде всего *использованием отечественных образовательных ресурсов* для поддержки западных экономик через *эмиграцию и работой на иностранные организации* на территории России (ино-агентов)» [Васильев, 2021: 13]. Автор обращает внимание на наличие исторической цикличности в изменении остроты отношений интеллигенции с государством и обществом, причем на текущий период цикла приходится фаза обострения. Отмечается, что, выявление причин такой цикличности может дать возможность установления в обществе некоего динамического равновесия.

Анализировать собственную публикацию автору данной рецензии не пристало, но думается, что постановка вопроса о переносе сущностных черт интеллигенции в столь рьяно пропагандируемые цифровые системы, буквально заменяющие людей, заслуживает внимания, а связанные с эти проблемы — глубокого изучения. Ведь кибернетических интеллектуалов, не озабоченных нравственными проблемами, процесс цифровизации вполне может породить [Порозов, 2021: 31—37].

Профессор Э. Б. Ершова рассматривает социокультурные трансформации интеллигенции на рубеже XX—XXI вв. через личностно-психологические и мировоззренческие аспекты: сквозящее в статье «чувство потери интеллигенцией в определенной степени своего статуса» [Ершова, 2021: 19] вполне понятно. Интересна постановка вопроса о переходе части интеллигенции в класс предпринимателей «по правилам нового общественного строя», что также требует изучения с социологическим инструментарием. Автор приходит к выводу о том, что жизнь, ход развития общества ставят перед интеллигенцией сложнейшую, но очень важную задачу — выработать идейные и духовные основы, своего рода «генетику, которая спасет наш народ и другие народы от потери своего самосознания» [Ершова, 2021: 20].

Неутомимо продолжает поиск ответа на «вечный» вопрос: «что есть интеллигенция?» — профессор И. В. Купцова. Ее предложение рассматривать все предложенные точки зрения как этапы развития интеллигенции [Купцова, 2021: 26] не лишено оригинальности, но вряд ли может быть общепринятым. К тому же, как выясняется, предложенный экскурс лишь подтверждает известную периодизацию, данную в свое время В. С. Меметовым и В. В. Возиловым [Интеллигенция в России: традиции и новации..., 1997: 14].

Зато профессор А. А. Соловьев рассматривает «возможность применения к анализу феномена интеллигенции различных методологических стратегий междисциплинарного характера, в том числе, корпуса постмодернистских метанарративов» [Соловьев, 2021: 54]. Однако за уверенным владением «интеллектуальной» терминологией (Бодрийяр, Гуссерль, Делёз, Люббе) не совсем ясно, чем же, по мнению автора, грозят «черная смерть и испанка, SARS и MERS и, конечно же, вездесущий COVID» собственно интеллигенции. Несмотря на многогранность и неоднородность «феномена», А. А. Соловьев склонен вести речь «о коллективной самоидентификации данной социокультурной общности», но полицентрический характер событийного пространства интеллигенции вступает в противоречие с полем власти «в катастрофической ситуации обесценивания духовных смыслов, девальвации и профанации Слова, миссия и роль интеллигенции претерпевает маргинальные метаморфозы, служение

идее в социуме замещается поклонению *Мамоне*», усиливается тенденция перехода социума «на режим индивидуально значимого поведения» [Соловьев, 2021: 55—56]. Интеллигенция продолжает выполнять свою миссию, однако способы ее служения, роль и место в переживаемом моменте нуждаются в ментальном переосмыслении. Очевидно лишь, что неимоверно тонкий «верхний культурный слой» пребывает в эмоциональной фрустрации, а его интеллектуальная востребованность сегодня крайне минимизирована.

Свой подход к определению интеллигенции демонстрирует М. В. Жульков: «интеллигенция начинается там, где развивается мысль». То есть интеллектуалов и интеллигентов надо искать в «переходной группе» современного человечества «от власти желаний к власти мысли» (ниже — «доминирование чувств и физического тела» и «человек желающий», пусть даже пассионарий) и в более высоких группах — мыслящих, интуитивных («небольшая группа мыслящих людей; еще меньшая группа с развитой интуицией») [Жульков, 2021: 87]. Разделить интеллигенцию на интеллектуалов и интеллигентов легко: «Человек должен научиться с помощью ума контролировать свою психическую природу, достигая целостного сознания. Определенная мера контроля показывает принадлежность человека к интеллигенции. Ментально развитый человек — это просто интеллектуал, а интеллект в соединении с нравственностью выражает интеллигентность» [Жульков, 2021: 88]. Одна из важнейших тенденций современного мира — формирование мировой интеллигенции, призванной руководить формированием глобально ноосферной цивилизации, глобального ноосферного сознания. Страстным поборником этой идеи является, как известно, ивановский профессор Г. С. Смирнов [Смирнов, 2016], и мы видим, что он не одинок. Ведущей силой в развитии нашей цивилизации, подчеркивает М. В. Жульков, может стать *Культура*, а транслирует и развивает ее именно интеллигенция.

Профессор В. В. Комиссаров обращает внимание на одну из важнейших функций интеллигенции — общественную самокритику. Хочется надеяться, что это лишь начало изучения вопроса, который должен быть рассмотрен не только на примере советского общества. В данном случае в весьма насыщенном по фактуре и спектру источников материале (от теоретической

статьи в журнале «Коммунист» до популярной кинокомедии) прослеживается состояние явления в советском государстве, ибо как подчеркивали излюбленные автором Стругацкие: «Без искусства и общей культуры государство теряет способность к самокритике, принимается поощрять ошибочные тенденции, ... лицемеров и подонков, развивает в гражданах потребительство и самонадеянность и в конце концов опять-таки становится жертвой более благоразумных соседей» [Комиссаров, 2021: 91—92].

Несколько неожиданный взгляд на интеллигенцию продемонстрировал А. М. Семененко, рассматривая историю города Иваново через призму «белого» и «красного» [Семененко, 2021: 43—47]. Конечно, деление на красных революционеров и белых, как приверженцев «традиции», далеко не ново, но применение данного классификационного признака в наши дни требует не только смелости, но даже и нетрадиционности мышления, ибо, как известно, хорошо забытое старое — тоже новое. Вывод же о том, что подобное разделение по-прежнему имеет место и, в конечном счете, приводит к диссонансу, выглядит и научным, и аргументированным.

Наконец-то появился долгожданный материал об интеллигенции Китая. С. Г. Петрова со знанием дела и китайского языка квалифицированно разъясняет: «В Поднебесной всегда выделялся целый пласт ученых мужей, которых называли *ши*... Будучи всегда полисемантическим понятием, *ши* к рубежу XIX—XX вв. обрело еще и значение “интеллигенция”, обозначая уже не отдельного ученого, а некий общественный элемент» [Петрова, 2021: 110]. Однако традиционно служилые образованные сословия не представляли собой целостного общества, феномен интеллигенции как продукт западной мысли стал постепенно перениматься китайскими студентами, обучавшимися в Европе и Америке. Китайские коммунисты в русле марксистской риторики применили к интеллигенции обозначение *чжиши цзеци* («знание» — «класс»). Либеральные китайцы предпочитают термин, обозначающий интеллектуала — *ю сиэчжэ* («тот, у кого есть познание»). Современное понятие *чжиши фэньцзы* («знающая часть общества») объединяет и интеллигентов, и интеллектуалов. Лидер начавшегося в нынешнем веке изучения интеллектуальной элиты Китая Сюй Цзилинь входит в наше интеллигентоведение

следующим определением: «Интеллигент — это тот, кто владеет знаниями и культурными символами и может использовать разум, чтобы выйти за рамки, ограничения его или его семьи, класса и местности» [Петрова, 2021: 113]. Осознающая себя и свой независимый статус, озабоченная общественными проблемами современная китайская интеллектуальная элита сильно отличается, по мнению С. Г. Петровой, от технических специалистов, бюрократов и просто профессиональных ученых. Моментом зарождения китайской интеллигенции можно считать 4 мая 1919 г., что непосредственно указывает на связь с массовым общественным движением. Будем считать дату выхода анализируемого сборника материалов ивановской конференции началом активного приобщения российских интеллектуалов к процессу изучения интеллигенции Китая.

М. В. Баканова, представляющая среди авторов анализируемых материалов Пакистан, поступает проще. Она цитирует... Большую советскую энциклопедию, понятие «интеллектуалы» рассматривает как «узкую часть термина “интеллигенция”» и утверждает, что образованная элита как западных, так и мусульманских стран «фактически может быть закономерно рассмотрена в качестве интеллигенции» [Баканова, 2021: 137—138]. Также будем считать, что это неплохое начало долгого пути, и начало это положено.

Интеллектуальная конкретика

Остальные участники «процесса» справедливо избегают «вечного вопроса», молчаливо солидаризируясь с базовыми определениями В. С. Меметова как основателя ивановской интеллигентоведческой школы, который допускал понятие «интеллигент/интеллектуал» («круг людей культуры»?!), памятуя об общности ряда социальных функций и схожести статуса, но различиях в роли нравственных аспектов мировоззрения и деятельности. Это позволяет сэкономить драгоценное время и место, как свое, так и читателей, и непосредственно перейти к существу осмещаемого вопроса.

Словно отвечая на призыв профессора С. М. Усманова, всегдашние локомотивы теоретических изысканий профессора

О. В. Золотарев и И. В. Сибиряков демонстративно обращаются к исторической конкретике. О. В. Золотарев анализирует социальный статус советского учительства [Золотарев, 2021: 20—25], и весьма своевременно, надо сказать, ибо интерес к истории этой важнейшей и многочисленной категории отечественной интеллигенции в последние годы значительно поуогас. Прослеживаемая корреляция этого статуса с положением интеллигенции в структуре общества не вызывает возражений. И. В. Сибиряков начинает разработку новой проблемы, поддержанной государственным заданием и связанной с изучением методами исторической науки «интеллектуальной миграции» [Сибиряков, 2021: 48—54]. Уточняется понятийный аппарат, выделяются три миграционных волны XX века, показывается их отличие от перемещения представителей интеллигенции в масштабах страны. Однако заявленное в аннотации предположение о существенном изменении форм и направлений интеллектуальной миграции в условиях информационной революции пока не реализовано.

Завидную верность избранному направлению исследований демонстрирует профессор Е. М. Раскатова, тем более что история российской художественной интеллигенции второй половины XX века никогда не будет написана до конца, что, впрочем, соотносимо с любым социальным явлением любого периода. Но здесь всё, как всегда, неожиданно свежо и по-хорошему занимательно. В этот раз речь о кухне и ее роли в истории интеллигенции [Раскатова, 2021: 38—43]. Впрочем, опять же отметим, что экстраполировать мировоззренческие и поведенческие аспекты художественной интеллигенции, а, следовательно, и выводы ее исследователей, на всю интеллигенцию и, в частности, на столь непопулярную у аналитиков-гуманитариев интеллигенцию техническую, конечно, нельзя.

Далее, на примере событий разных эпох и участия в них интеллигентов/интеллектуалов с применением исторического или, реже, социологического инструментария в ряде статей показывается борьба за сохранение и развитие интеллектуальных и нравственных ценностей. Профессор В. Л. Черноперов анализирует модель университетского образования В. фон Гумбольдта (Берлин, 1810 г.), профессор К. Е. Балдин — кружок иваново-вознесенских

технологов начала XX в., профессор О. А. Яновский — проект «Белорусский университет», 1919—1921 гг. О недостаточности усилий в деле сохранения и развития этих ценностей говорится в публикациях профессора Г. С. Широкаловой (историческая память о Второй мировой войне поколения Z), костромского профессора А. В. Зябликова и доцента из Иваново К. А. Юдина (очередные обличения сталинской кинематографической цензуры), профессора С. Л. Страшнова (аудитория телеканала «Россия К», составляющая 1,1—1,7 % населения страны, что заставляет задуматься, каким образом будет происходить «посредническое связывание распадающихся страт» и возможна ли эта связь вообще). Немаловажные страницы истории российской интеллигенции и ее мироощущения в разных аспектах и временах воскрешают А. Н. Кураев (интеллигенция в массовых организациях 1905—1907 гг.), И. А. Комиссарова (интеллигенция и налоговая система периода нэпа) и другие авторы.

В традиционном разделе «Личность в интеллигентоведческом дискурсе» героями стали древнеримский историк Секст Аврелий Виктор, интеллигент Британской Индии Саид Ахмад Хан, ярославский предприниматель рубежа XIX—XX вв. А. Ф. Грязнов, самарский адвокат А. Г. Елшин, Патриарх Алексей I (Симанский), партийный работник Б. А. Борисов, профессор Тимирязевской академии И. А. Каблуков, социолог Ю. А. Левада, сочинский краевед Н. О. Кирпич, палехский художник Ф. А. Каурцев. По-прежнему в фаворе русская эмиграция (публикации Л. В. Климович, А. А. Корникова, Л. П. Муромцевой). Эта бесконечная мозаика всегда вызывает как абстрактно научный, так и чисто человеческий интерес.

Вероятно, следовало строже отнестись к отбору материалов. Так, статья, достаточно профессионально и скрупулезно прослеживающая организационно-техническую работу в Красной армии 1918—1923 гг. (А. А. Кузнецов) и аспирантское изложение журналистского очерка (Д. С. Сафолов) собственно интеллигентоведческого материала не содержат. Также при всех оговорках об ответственности авторов определенная редакторская работа все же нужна: в ряде текстов грамматических ошибок явно многовато.

«Журнальное» заключение

Обобщенный ответ большинства участников экспертного опроса «Журналы социально-гуманитарных наук на современном этапе: ожидание и реальность» в значительной мере можно было предсказать заранее. Важны, каждый по-своему, и электронный, и типографский варианты отраслевых и вузовских журналов, по возможности междисциплинарного характера. В идеале каждый номер должен существовать и в том, и в другом виде; главное — тематика издания и качество публикуемых материалов. Современная наукометрия, если и отражает какие-то параметры изданий, то в целом далека от реальной оценки их вклада в науку. Отечественные индексы цитирования (РИНЦ и ВАК) на сегодняшний день для российской гуманитарной науки неизмеримо важнее, чем все прочие. Очень хотелось бы унификации требований, при этом устранения их излишней формализации. Критерии оценки результативности ученого, представляющего точные и технические науки, и исследователя-гуманитария во многих вопросах должны разумно различаться. Будущее научных журналов не безоблачно, но оно, безусловно, есть. Что и подтвердили большинством ответов более чем полсотни участников опроса из двадцати регионов России и Республики Беларусь. Однако скрупулезный анализ этих ответов с полным списком данных открытых вопросов сам по себе является ценным историческим и социологическим источником, характеризующим сегодняшнее состояние гуманитарных наук и их не поддающихся грузу лет и ученых степеней рыцарей. Ну а такое незначительное, но облегчающее труд ученого предложение, как перенос ссылок из концевых в постраничные, журнал «Интеллигенция и мир» уже пытался реализовать.

Уверен, что всё сказанное в адрес журналов относится и к научным конференциям, дающим возможность непосредственно, живого общения исследователей-единомышленников. Даже заочное дает многое. Свидетельство тому — анализируемый сборник материалов очередного форума интеллигентоведов-ивановцев. Не по месту жительства, так по месту встречи, но особенно — по духу и научному результату.

Список источников

- Баканова М. В.* Интеллигент Британской Индии — сэр Саид Ахмад Хан // Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—24 сентября 2021 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 137—141.
- Васильев Н. Н.* Новая интеллигенция против государства и общества // Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—24 сентября 2021 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 7—15.
- Ершова Э. Б.* Процессы генезиса и эволюции системы духовно-нравственных ценностей интеллигенции России в 1990—2000-е годы (авторский взгляд на проблему) // Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—24 сентября 2021 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 15—20.
- Жульков М. В.* Интеллигенция в современном мире: между национальным и глобальным // Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—24 сентября 2021 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 85—90.
- Золотарев О. В.* Социальный статус советского учительства // Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—24 сентября 2021 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 20—25.
- Интеллигенция в России: традиции и новации: тез. докл. Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 25—26 сентября 1997 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1997. 447 с.
- Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—24 сентября 2021 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. 312 с.
- Комиссаров В. В.* Общественная самокритика как функция интеллигенции в советском обществе // Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—24 сентября 2021 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 91—96.

- Купцова И. В.* Проблема генезиса интеллигенции в современной отечественной историографии // Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—24 сентября 2021 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 26—31.
- Петрова С. Г.* Об особенном пути формирования китайской интеллигенции // Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—24 сентября 2021 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 109—114.
- Порозов В. А.* Цифровизация и интеллигенция // Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—24 сентября 2021 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 31—37.
- Раскатова Е. М.* Кухня как культурное пространство в постсталинскую эпоху // Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—24 сентября 2021 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 38—43.
- Семененко А. М.* «Красное» и «белое» в прошлом, в настоящем и в будущем города Иваново // Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—24 сентября 2021 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 43—47.
- Сибиряков И. В.* Феномен «интеллектуальной миграции» глазами профессионального историка // Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—24 сентября 2021 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 48—54.
- Смирнов Г. С.* Образование ноосферы: мировая интеллигенция и глобальное сознание. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. 428 с.
- Соловьев А. А.* Сингулярность интеллигенции в контексте апокалиптического дискурса // Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—24 сентября 2021 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 54—59.
- Усманов С. М.* Некоторые размышления об изучении интеллигенции // Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—24 сентября 2021 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 59—64.

References

- Bakanova, M. V. (2021), 'An intellectual of British India — Sir Said Ahmad Khan', *Intelligentsiia i intellektualy: genezis, formirovanie, razvitie, deiatel'nost': materialy XXXI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Intelligentsia and intellectuals: genesis, formation, development, activity: Proceedings of the XXXI International scientific and theoretical conference], Ivanovo, Russia, 23—24 September, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 137—141.
- Ershova, E. B. (2021), 'Processes of Genesis and Evolution of the System of Spiritual and Moral Values of the Russian Intelligentsia in the 1990s—2000s (Author's view of the problem)', *Intelligentsiia i intellektualy: genezis, formirovanie, razvitie, deiatel'nost': materialy XXXI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Intelligentsia and intellectuals: genesis, formation, development, activity: Proceedings of the XXXI International scientific and theoretical conference], Ivanovo, Russia, 23—24 September, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 15—20.
- Intelligentsiia v Rossii: traditsii i novatsii: tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* (1997) [Intelligentsia in Russia: traditions and innovations: abstracts of the International scientific and theoretical conference], Ivanovo, Russia, 25—26 September, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo.
- Intelligentsiia i intellektualy: genezis, formirovanie, razvitie, deiatel'nost': materialy XXXI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* (2021) [Intelligentsia and intellectuals: genesis, formation, development, activity: Proceedings of the XXXI International scientific and theoretical conference], Ivanovo, Russia, 23—24 September, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo.
- Komissarov, V. V. (2021), 'Public self-criticism as a function of the intelligentsia in Soviet society', *Intelligentsiia i intellektualy: genezis, formirovanie, razvitie, deiatel'nost': materialy XXXI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Intelligentsia and intellectuals: genesis, formation, development, activity: Proceedings of the XXXI International scientific and theoretical conference], Ivanovo, Russia, 23—24 September, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 91—96.
- Kuptsova, I. V. (2021), 'The problem of the genesis of the intelligentsia in modern Russian historiography', *Intelligentsiia i intellektualy: genezis, formirovanie, razvitie, deiatel'nost': materialy*

- XXXI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Intelligentsia and intellectuals: genesis, formation, development, activity: Proceedings of the XXXI International scientific and theoretical conference], Ivanovo, Russia, 23—24 September, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 26—31.
- Petrova, S. G. (2021), ‘About the special way of formation of the Chinese intelligentsia’, *Intelligentsiia i intellektualy: genezis, formirovanie, razvitie, deiatel'nost': materialy XXXI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Intelligentsia and intellectuals: genesis, formation, development, activity: Proceedings of the XXXI International scientific and theoretical conference], Ivanovo, Russia, 23—24 September, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 109—114.
- Porozov, V. A. (2021), ‘Digitalization and intelligence’, *Intelligentsiia i intellektualy: genezis, formirovanie, razvitie, deiatel'nost': materialy XXXI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Intelligentsia and intellectuals: genesis, formation, development, activity: Proceedings of the XXXI International scientific and theoretical conference], Ivanovo, Russia, 23—24 September, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 31—37.
- Raskatova, E. M. (2021), ‘Kitchen as a cultural space in the post-Stalin era’, *Intelligentsiia i intellektualy: genezis, formirovanie, razvitie, deiatel'nost': materialy XXXI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Intelligentsia and intellectuals: genesis, formation, development, activity: Proceedings of the XXXI International scientific and theoretical conference], Ivanovo, Russia, 23—24 September, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 38—43.
- Semenenko, A. M. (2021), “Red” and “white” in the past, present and future of the city of Ivanovo’, *Intelligentsiia i intellektualy: genezis, formirovanie, razvitie, deiatel'nost': materialy XXXI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Intelligentsia and intellectuals: genesis, formation, development, activity: Proceedings of the XXXI International scientific and theoretical conference], Ivanovo, Russia, 23—24 September, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 43—47.
- Sibiriyakov, I. V. (2021), ‘The phenomenon of “intellectual migration” through the eyes of a professional historian’, *Intelligentsiia i intellektualy: genezis, formirovanie, razvitie, deiatel'nost': materialy XXXI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Intelligentsia and intellectuals: genesis, formation, development, activity: Proceedings of the XXXI International scientific and theoretical conference], Ivanovo, Russia, 23—24 September, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 48—54.

- Smirnov, G. S. (2016), *Obrazovanie noosfery: mirovaia intelligentsiia i global'noe soznanie* [Formation of the Noosphere: World Intelligentsia and Global Consciousness], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Soloviev, A. A. (2021), 'The Singularity of the Intelligentsia in the Context of Apocalyptic Discourse', *Intelligentsiia i intellektualy: genezis, formirovanie, razvitie, deiatel'nost': materialy XXXI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Intelligentsia and intellectuals: genesis, formation, development, activity: Proceedings of the XXXI International scientific and theoretical conference], Ivanovo, Russia, 23—24 September, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 54—59.
- Usmanov, S. M. (2021), 'Some Reflections on the Study of the Intelligentsia', *Intelligentsiia i intellektualy: genezis, formirovanie, razvitie, deiatel'nost': materialy XXXI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Intelligentsia and intellectuals: genesis, formation, development, activity: Proceedings of the XXXI International scientific and theoretical conference], Ivanovo, Russia, 23—24 September, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 59—64.
- Vasiliev, N. N. (2021), 'New intelligentsia against the state and society', *Intelligentsiia i intellektualy: genezis, formirovanie, razvitie, deiatel'nost': materialy XXXI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Intelligentsia and intellectuals: genesis, formation, development, activity: Proceedings of the XXXI International scientific and theoretical conference], Ivanovo, Russia, 23—24 September, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 7—15.
- Zhulkov, M. V. (2021), 'Intelligentsia in the modern world: between national and global', *Intelligentsiia i intellektualy: genezis, formirovanie, razvitie, deiatel'nost': materialy XXXI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Intelligentsia and intellectuals: genesis, formation, development, activity: Proceedings of the XXXI International scientific and theoretical conference], Ivanovo, Russia, 23—24 September, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 85—90.
- Zolotarev, O. V. (2021), 'The social status of Soviet teachers', *Intelligentsiia i intellektualy: genezis, formirovanie, razvitie, deiatel'nost': materialy XXXI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Intelligentsia and intellectuals: genesis, formation, development, activity: Proceedings of the XXXI International scientific and theoretical conference], Ivanovo, Russia, 23—24 September, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 20—25.

Статья поступила в редакцию 03.11.2021; одобрена после рецензирования 30.11.2021; принята к публикации 29.12.2021.

The article was submitted 03.11.2021; approved after reviewing 30.11.2021; accepted for publication 29.12.2021.

Информация об авторе / Information about the author

В. А. Порозов — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и общественных наук, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия.

V. A. Porozov — Candidate of Science (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Russia.

Информация для авторов

Information for authors

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата исторических наук. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.cceol.com).

Реквизиты журнала

ISSN 1993-3959

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41533

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим актуальным проблемам:

- ***Актуальные проблемы современного интеллигентоведения***
- ***Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции***
- ***Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран***
- ***Интеллигенция и общество в современных условиях***
- ***Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории***
- ***Международные отношения и личность***
- ***Роль религии в развитии мировой культуры***
- ***Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла***
- ***Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни***
- ***Из архивных фондов: публикация исторических источников***

Требования к оформлению статей

1. К публикации принимаются научные статьи, обзорные статьи, редакционные статьи, дискуссионные статьи, персоналии, редакторские заметки, рецензии на книгу, рецензии на статью, спектакль и т. п. Рекомендуемый объем статьи и обзоров 30—40 тыс. знаков (до 1 авторского листа), в исключительных случаях до 45 тыс. знаков. Объем сообщения примерно 20 тыс. знаков (0,5 авторского листа), редакторские заметки и рецензии 10—15 тыс. знаков. Материалы представляются в электронном виде в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14, через 1,5 интервала.

2. Материалы принимаются по адресу, указанному на сайте журнала (http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/intelligentsia/), а также по следующим адресам: int_i_mir@mail.ru, vlchernoperov@rambler.ru, orvozi@rambler.ru.

В соответствии с новым ГОСТ Р 7.07-2021 начиная с 2022 г. требования к оформлению публикаций изменились.

3. Комплект документов должен состоять **из двух файлов**:

3.1. В первом файле материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

3.1.1. Отдельной строкой слева указывается тип публикации — научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, редакторская заметка, рецензия на книгу, рецензия на статью, спектакль и т. п.

3.1.2. На следующей строке для статьи, обзора, сообщения, рецензии и т. п. в левом верхнем углу указывается **УДК**.

3.1.3. На следующей строке по центру — **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ, полужирным шрифтом** название работы.

3.1.4. На следующей строке — **полужирным шрифтом** имя, отчество, фамилия автора / авторов (полностью).

3.1.4. Далее через пробел следует публикация.

Статья должна иметь следующую структуру:

введение с обязательными и указанными в тексте рубриками: *актуальность, постановка вопроса* (приветствуются также краткие *историкогеографический и источниковедческий обзоры*);

методология и методы исследования;

основная часть (приветствуется разделение на смысловые разделы);

заключение, в котором подводятся итоги исследования.

Обзорные материалы, сообщения или рецензии строгой внутренней структуры не имеют.

Ссылки в статье, обзоре, сообщении или рецензии **двух видов**.

Первый вид — *подстрочные*: ссылки / сноски *только* на архивы, информационные или небольшие материалы газет и интернет-сайтов, не содержащие глубокого аналитического анализа; они оформляются автоматически со сквозной постраничной нумерацией; фамилии авторов выделяются *курсивом*, кегель 11, через 1 интервал.

Второй вид — *внутритекстовые* ссылки: на издания из «Списка источников». В квадратных скобках указывается [фамилия автора] (без инициалов), далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия (:), страница. Если у источника два автора, то фамилии указываются через запятую.

Различные варианты оформления библиографических сносok / ссылок можно посмотреть на сайте журнала в разделе «Правила публикации», далее — «Образцы оформления».

Библиографическое описание цитируемых документов / литературных источников оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008.

В ссылке на электронный ресурс обязательно указание даты обращения.

Дополнительные рекомендации:

- переносы в тексте только автоматические;
- при цитировании используются кавычки « » , при внутреннем цитировании ставятся “ ”;
- следует соблюдать пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: Ctrl + Alt + минус на правой цифровой клавиатуре) от «-» (дефиса);
- для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире). Например, 1920—1930 гг.; С. 258—259.

3.2. Во **втором файле** материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

3.2.1. Отдельной строкой слева указывается тип публикации — научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, редакторская заметка, рецензия на книгу, рецензия на статью, спектакль и т. п.

3.2.2. На следующей строке по центру — название публикации.

3.2.3. На следующей строке слева — фамилия, имя, отчество автора / авторов, ученая степень, ученое звание.

3.2.3. На следующей строке слева — наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор / авторы (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.).

3.2.4. На следующей строке слева через запятую — адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор / авторы (город и страна), электронный адрес автора / авторов (e-mail), открытый идентификатор ученого / ученых (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии).

3.2.5. На следующей строке по ширине — аннотация объемом 200—250 слов, которая должна включать обоснование проблемы, постановку вопроса, описание методологии и методов исследования, базовые выводы.

3.2.6. На следующей строке по ширине — ключевые слова (10—15 слов), которые должны отражать предметную, терминологическую область публикации (не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты).

3.2.7. На следующей строке по ширине — (при необходимости) слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке публикации; сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации материала, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья (эти сведения приводят с предшествующим словом «Благодарности:»).

3.2.8. На следующей строке слева *на английском языке* тип публикации — научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, редакторская заметка, рецензия на книгу, рецензия на статью, спектакль и т. п.

3.2.9. На следующей строке по центру — *на английском языке* название публикации.

3.2.10. На следующей строке слева — *на английском языке* имя и фамилия автора / авторов, ученая степень, ученое звание (имя и фамилию автора / авторов приводят полностью, отчество сокращают до одной буквы; в отдельных случаях, обусловленных особенностями перевода, — до двух букв). Англоязычное написание фамилии и имени следует приводить в форме, которую автор публикации ранее сам прописал в международных индексах цитирования или которую использует чаще всего.

3.2.11. На следующей строке слева — *на английском языке* наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор / авторы (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.).

3.2.12. На следующей строке слева — *на английском языке* через запятую адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор /

авторы (город и страна); электронный адрес автора (e-mail), открытый идентификатор ученого / ученых (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии).

3.2.13. На следующей строке по ширине — *на английском языке* аннотация (Abstract) объемом 200—250 слов, которая должна включать обоснование проблемы, постановку вопроса, описание методологии и методов исследования, базовые выводы.

3.2.14. На следующей строке по ширине — *на английском языке* ключевые слова (Keywords:) (10—15 слов), которые должны отражать предметную, терминологическую область публикации (не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты).

3.2.15. На следующей строке по ширине — (при необходимости) *на английском языке* слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке публикации, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации материала, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья (эти сведения приводятся с предшествующим словом «Acknowledgments:»).

3.2.16. На следующей строке по центру — **Список источников**.

Описание цитируемых документов / литературных источников оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008.

«Список источников» включает только использованную литературу и формируется по алфавитному принципу. Сначала идут работы на русском языке, затем — на иностранных. Для переводных изданий необходимо указывать авторов переводов. В выходных сведениях для книг обязательно указание издательства и общего количества страниц, для статей — диапазон страниц. Такие элементы, как [текст] или фамилии авторов через косую черту, тире между элементами описания, ISBN, указывать не следует. В «Список источников» не включаются архивы, информационные или небольшие материалы газет и интернет-сайтов, не содержащие глубокого аналитического анализа. На все подобные источники делаются постраничные сноски в тексте статьи.

3.2.17. На следующей строке по центру **References**.

Список «References» (латинизированный список) оформляется в соответствии с Harvard referencing guide и содержит все публикации «Списка источников» в латинизированной форме, расположенные по латинскому алфавиту. Транслитерация изданий в «References» выполняется в системе, принятой Библиотекой Конгресса США (Library of Congress; LG). Правила перевода с кириллицы на латиницу см.: <https://translit.ru/ru/lc/> или www.convertcyrillic.com/Convert.aspx.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) в «References» через запятую (,) следующий порядок расположения элементов:

для книг, диссертаций, авторефератов диссертаций:

— в переводе на английский язык фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

— в транслитерации курсивом название книги, диссертации, автореферата диссертации,

— в [квадратных скобках] — перевод работы на английский язык,

— издательство в транслитерации,

— место издания в переводе на английский язык,

— страна в переводе на английский язык;

для статей в журналах, в сборниках статей, сборниках материалов конференций или глав в книгах:

— в переводе на английский язык фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

— название статьи в журнале, сборнике материалов конференции или главы в книге в переводе на английский язык в кавычках (‘ ’)

— в транслитерации курсивом название журнала, сборника статей, сборника материалов конференции или книги,

— в [квадратных скобках] — перевод на английский язык названия журнала, сборника статей, сборника материалов конференции или книги,

— в транслитерации издательство для сборников статей, материалов конференций, глав из книг,

— место издания в переводе на английский язык для сборников статей, материалов конференций или книги,

— страна в переводе на английский язык для сборников статей, материалов конференций или книги,

— после двоеточия (:) указание диапазона страниц статьи в журнале, сборнике статей, сборнике материалов конференции или книге.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в «Списке источников» и в «References».

Для латинизированных источников в «References» через запятую (,) следующий порядок расположения элементов:

для книг, диссертаций, авторефератов диссертаций:

— фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

— курсивом название книги, диссертации, автореферата диссертации;

— издательство, кроме диссертаций и авторефератов диссертаций,

— место издания,

— страна (для США при необходимости указание штата);

для статей в журналах, в сборниках статей, сборниках материалов конференций или глав в книгах:

— фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

— название статьи в журнале, сборнике материалов конференции или главы в книге в кавычках (‘ ’),

— курсивом название журнала, сборника статей, сборника материалов конференции или книги,

—издательство для сборников статей, материалов конференций или книги,

—место издания для сборников статей, материалов конференций или книги,

— страна (для США при необходимости указание штата),

— после двоеточия (:) указание диапазона страниц статьи в журнале, сборнике статей, сборнике материалов конференции или главы в книге.

Если цитируемая статья имеет DOI (Digital Object Identifier), необходимо указывать его как завершение описания.

В «References» порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления ссылок, «Списка источников» и «References» приводятся на сайте журнала.

4. Не допускаются к публикации в журнале «Интеллигенция и мир» тексты, если:

— содержат ранее опубликованный материал;

— имеют оригинальность текста при проверке на антиплагиат менее 75 %;

— представлены без соблюдения правил оформления публикации;

— представляют собой отдельные этапы незавершенных исследований;

— авторы отказываются от технической доработки публикации;

— авторы не выполняют конструктивные замечания рецензентов или аргументировано не опровергают их.

5. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей без ущерба для их содержания и авторского стиля.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2022. № 2

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *Э. В. Кромер*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 30.06.2022 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 11,3. Уч.-изд. л. 9,3. Тираж 100 экз.
Заказ № 105. Цена свободная

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Тимирязева, 5
Факс: (+7920) 672-03-68. **E-mail:** int_i_mir@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. **E-mail:** publisher@ivanovo.ac.ru

Генезис

Формирование

Деятельность

Типология

**Представлены
основные направления
интеллигентоведения**

**Роль
в современном
обществе**

**Сущностные
черты**

*Основан в 2001 году
Выходит ежеквартально*

Журнал адресован
научным сотрудникам,
преподавателям, студентам вузов

*Распространяется по подписке
и предварительным заявкам*

Междисциплинарный журнал,
не имеющий аналогов в России

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР